

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ

VI ВСЕРОССИЙСКОЙ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ПОТЕМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

17–19 НОЯБРЯ 2022 Г.

ТОМ 1

Севастополь
2022

**СБОРНИК
статей по материалам**

VI Всероссийской с международным участием
научной конференции

«ПОТЕМКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

17-19 ноября 2022 г.

Том 1

**ПОТЁМКИНСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

УДК 930
ББК 63
П 64

ПУБЛИКУЕТСЯ

по решению программного комитета VI Международной научной конференции «Потемкинские чтения».

РЕЦЕНЗЕНТЫ

С.Л. Данильченко

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой «История России»
Севастопольского государственного университета

А.А. Хлезов

доцент, доктор философских наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура»
Севастопольского государственного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.В. Косов

профессор, доктор политических наук, заведующий кафедрой «Востоковедение и африканистика»
Севастопольского государственного университета,
(главный редактор)

Е.Е. Бойцова

доцент, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Всеобщая история и мировая культура»
Севастопольского государственного университета (заместитель главного редактора)

В.В. Хапаев

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура», заместитель директора Института
общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета
(заместитель главного редактора)

М.Н. Козлов

доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Севастопольского
государственного университета

Т.В. Вакулова

кандидат политических наук, доцент кафедры «История России» Севастопольского государственного университета

Э.Р. Шихаметова

преподаватель кафедры «Всеобщая история и мировая культура», заместитель директора по образовательной деятельности
Института дополнительного профессионального образования Севастопольского государственного университета
(технический редактор)

П 64

Сборник статей по материалам VI Всероссийской с международным участием научной конференции «Потемкинские чтения» (17–19 ноября 2022 года, г. Севастополь): в 2-х томах. Том 1 / Под ред. Г.В. Косова, Е.Е. Бойцовой, В.В. Хапаева и др. – Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2022. – 160 с.

ISBN 978-5-6049083-0-3

Сборник содержит статьи по материалам докладов участников VI Международной научной конференции «Потемкинские чтения» по истории, археологии, политологии, международным отношениям.

Для ученых, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется новейшими научными достижениями в области общественных наук и международных отношений.

Статьи публикуются в авторской редакции. Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редколлегии.

УДК 930
ББК 63
П 64

ISBN 978-5-6049083-0-3

© Севастопольский государственный университет, 2022 г.
© Коллектив авторов, 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «История и археология Большого Средиземноморья в древности»

Агаркова М.И. К вопросу об этнической принадлежности курганных культур причерноморско-каспийских степей и культе животных в мифологической традиции индоевропейских народов.....	6
Козлов М.Н. К вопросу о христианизации Киева	11
Кропотов В.В., Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В. Новое сарматское захоронение в степном Крыму	14
Пручай А.П. Новеллы о царях в «Истории» Геродота: поэтика, образы, сюжеты.....	18
Фомин М.В. О ранневизантийском укреплении на мысе Куле-Бурун (Сюйрень-Шиварин)	23

СЕКЦИЯ «История и археология Большого Средиземноморья в средневековье»

Белоусова А.И. Характеристика этноконфессионального населения генуэзских факторий на примере крепости Чембало-Балаклава	26
Глушич А.М. Эволюция отношения Церкви к зрелищному спорту в Византии и ее роль в изменении спортивной парадигмы Империи.....	31
Ильичев А.В. Ранневизантийские оборонительные системы горной Таврики: проблемы взаимосвязи «длинных стен» и клисур	36
Меньшиков И.А., Гаврыш О.В. Тюркские кочевники на службе у древнерусских князей	41
Шик Н.В. Подскальные укрепления горного Крыма как особый тип средневековых фортификационных сооружений.....	45

СЕКЦИЯ «История Большого Средиземноморья в новое время»

Бичаков С.А., Хапаев В.В. Развитие торговли Новороссии в 1792–1799 гг.	47
Кравчук А.С. Практики неформальных отношений в среде высшего чиновничества эпохи павла I (на примере Новороссийской губернии)	51
Кубишина А.В. Организация в Севастополе кампании по ликвидации безграмотности в 1920–1930-е годы.....	54
Петренко А.И. Младотурецкий республиканизм: категории свободы, равенства и братства... ..	57
Ульянова Л.В. Коммерческий порт или главная база Черноморского флота: стратегии развития Севастополя (по запискам Н.Ф. Еранцева и А.А. Максимова, рубеж XIX–XX вв.).....	62

СЕКЦИЯ «История Большого Средиземноморья в новейшее время»

Андреева А.И., Хапаев В.В. Аркадий Иванович Погудин: жизненный путь ветерана Великой Отечественной войны.....	67
Белоглазов Р.Н. Обновленческий раскол Русской православной Церкви в Крыму в начале 1920-х гг.....	69

Борисов С.Д. Биографический метод в исторических исследованиях (на примере роли ветеранов ВОВ в становлении севастопольских вузов).....	75
Бычек А.А. Влияние внешнеполитического вектора развития Украины на формирование гендерных отношений (на примере подписания Стамбульской конвенции).....	78
Ваганов В.С. Интеллигенция Севастополя в работе над справочными изданиями по Юго-Западному Крыму в 1920-е гг.	81
Данильченко С.А. Преподавание отечественной истории в высшей школе: достижения и проблемы.....	85
Дмитриева В.В. Изучение региональной истории и экономики с использованием междисциплинарного подхода (на примере проекта фундаментальных научных исследований «город Севастополь в годы Великой Отечественной войны: историко-экономический анализ»)	90
Капшук А.Ю. Участие студенческих строительных отрядов Краснодарского края в освоении целины (1965–1974 гг.)	93
Осиповский С.Н., Злобина Н.А. Участие матросов и офицеров 30-го флотского экипажа в Крымской войне по данным публикаций третьей четверти XIX века	97
Шихаметова Э.Р. Деятельность клуба «Поиск» Севастопольского приборостроительного института в 1970-е – 1980-е гг.	100

СЕКЦИЯ «Военная история»

Воробьев В.Е., Абаев Е.А., Хапаев В.В. Роль капитана I ранга Г.И. Невельского в усилении обороноспособности устья Амура и побережья Сахалина накануне Крымской войны 1853–1854 годов.....	105
Жога О.А. Стратегический опыт русской полевой армии, полученный в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. в части завоевания Крымского полуострова	108
Рыбак И.В. Черноморский флот в первые дни Великой Отечественной войны в Севастополе	112

СЕКЦИЯ «Международная безопасность в Большом Средиземноморье»

Иванков Е.А., Тютюнник В.М., Царюк Д.А. Создание сложных систем путем системного синтеза государства, бизнеса, науки и общества.....	115
--	-----

СЕКЦИЯ «Социокультурные и экономические процессы в Большом Средиземноморье»

Бичаков С.А. Социально-политические пути развития государств в арабском мире	125
Котляров И.В., Надольская В.И. Культурные коды как механизмы единения народов (социально-философские тренды)	128
Михайлова А.Г. Языковое образование в контексте морской доктрины: сотрудничество между Россией и странами Средиземноморья.....	133
Ускова Е.В. Изменения цифрового пространства в подростковой среде на фоне цифрового слома	135
Черткова Н.С. Государственная награда как инструмент воздействия на социальные процессы общества.....	137

СЕКЦИЯ «Музейные коммуникации: модели, технологии, практики»

Андреева А.И. 139 Обзор печатных источников о восстановлении Севастополя 1944–1954 гг. (по материалам фондов научной библиотеки музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя)	139
Бойцова Е.Е., Семенихина Н.В. Формы экспозиционно-выставочной работы музейного историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея»	142
Горбачева А.Ю. Формы работы с детской аудиторией в военно-историческом музее	144
Дмитриев Д.С., Покровская А.Ф. История развития музейной деятельности по гражданской войне в России (1917–1922 гг.) на территории Севастополя	146
Наухацкая В.Ю. 148 Особенности открытки как музейного предмета: принципы отбора в коллекцию	148
Островская И.В. Севастопольские врангели. Кто они?	149
Рузаев С.В. Из истории создания мемуаров Б. А. Борисова «Подвиг Севастополя» (по материалам музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя)	152
Семенова А.А. 156 Влияние атмосферы в музейном магазине на покупательную способность посетителей	156
Степанов А.Ю., Покровская А.Ф. Стратегия информационного развития музея как инструмент эффективного менеджмента	158

СЕКЦИЯ «История и археология Большого Средиземноморья в древности»

УДК 94:39:903(1=477.7)

DOI 10.5281/zenodo.7267530

Агаркова М.И.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КУРГАННЫХ КУЛЬТУР ПРИЧЕРНОМОРСКО-КАСПИЙСКИХ СТЕПЕЙ И КУЛЬТЕ ЖИВОТНЫХ В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Аннотация. Рассматривается интересный атрибут погребального обряда курганных культур Черноморско-Каспийских степей, который может выступать и диагностическим этнокультурным атрибутом. В погребальной традиции ямной, катакомбной, бабинской, срубной, абашевской и андроновской культур бронзового века прослеживалась совместная практика сопровождения умершего останками одомашненных животных, позволяющая предполагать их близкие мировоззренческие представления. Основываясь на сопоставлении результатов археологических исследований с данными этнографии, разнообразие обрядов погребений у носителей катакомбной, бабинской и срубной культур степного Причерноморья, а также ряда культур лесной полосы Евразии при наличии доминанты основных отличительных признаков для каждой культуры, может рассматриваться как отражение общей сложной системы погребального обряда у разных индоиранских племен.

Abstract. Look through the interesting attribute of a funeral rite of barrow cultures of the Chernomorsko-Caspian steeps, which is considered can act diagnostic ethno cultural attribute. In funeral tradition by a yamna, catacombna, babinska, srubna, abashevskaya cultures of bronze age the general practice of accompanying dying the burial places of the domesticated animals that allows similar world vision presentations. Being based on comparison of results of archaeological researches with information's of ethnography, a variety of ceremonies of burial at carriers of catacombnoy, babinskoy and srubnoy cultures steppe of Chernomor'ya and also of some cultures of a wood stripe of Eurasian in the presence of a dominant of the basic distinctive signs for each culture it can be considered as display of the general difficult system of a funeral ceremony at different indoiranian tribes.

Ключевые слова: археологические исследования, похоронный обряд, этнокультурная атрибуция, останки одомашненных животных, ямная культурно-историческая общность, катакомбная культура, бабинская культура, срубная культура, андроновская культура.

Key words: archeological researches funeral rite (ceremony) ethno cultural attributes, remains of domesticated animals yamnaya cultural-historical generality, catacombna culture, babinska culture, srubna culture, andronivska culture.

Многие исследователи считают, что скотоводческие племена бронзового века Черноморско-Каспийских степей принадлежали к группам индоиранской общности. Среди приведенных в пользу этой гипотезы аргументов, привлекает внимание интересный атрибут погребального обряда – совместная практика сопровождения умершего останками домашних животных. Обряды жертвоприношения – важная часть религиозной обрядности традиционных обществ. В ходе этих обрядов раскрывается ряд аспектов духовной жизни социума, мировоззрения, религии, этики и системы ценностей, а, следовательно, появляется возможность сравнить на основе полученных данных те или иные культурные общности с целью выявить общие черты и различия. В современной археологии не сложилось единого подхода к такому типу источников, как костные остатки жертвенных животных, которые рассматриваются как «жертвоприношения», «жертвенные животные», «напутственная пища», «погребальная (поминальная, заупокойная) пища», следы «ритуальных трапез» и другие, в исследованиях преобладают эмпирические подходы и методы массово-статистического анализа, мало внимания уделяется ритуальному контексту и этнокультурной интерпретации [1, с. 4].

Анализ исторических и археологических источников позволяет обнаружить в погребениях ямной, катакомбной, бабинской, срубной, андроновской и абашевской культур наличие остатков некоторых видов домашних животных, причем четко определенным способом и формой использования в системе ритуала.

Современные исследования по этому вопросу представлены фундаментальными трудами Д.Г. Здановича [4], Е.А. Черленок [12], в свете тезиса относительно индоиранской принадлежности древностей К.Ф. Смирнова, Е.Е. Кузьминой [10], В.Ф. Генинга [2]. Отдельные исследова-

тели, пытаясь подчеркнуть определенное локальное своеобразие, часто подают общие для степных групп черты погребального обряда в качестве региональных. Например, астрагалы, черепа с костями ног быка/лошади считают характерными атрибутами катакомбной (А.Т. Синюк, В.И. Погорелов), бабинской и срубной культур (С.С. Березанская, И.А. Писларий). Однако, указанные атрибуты встречаются в погребениях всех перечисленных культур и, скорее всего, имеют общую семантику [9, с. 104–105]. К сожалению, упомянутому элементу погребальной практики до сих пор уделено недостаточно внимания, несмотря на заложенный в нем информативный потенциал.

Цель статьи доказать культурную и этническую преемственность между носителями археологических культур степной Евразии эпохи бронзы.

В научной литературе существуют, по крайней мере, две универсальные концепции происхождения и содержания погребального обряда. Согласно одной из них, весь комплекс допогребальных, погребальных и поминальных ритуалов возникает как желание удалить мертвое тело из среды живых и одновременно естественная привязанность родных к умершему. Однако, большинство исследователей придерживается другой точки зрения, согласно которой погребальный обряд является одним из «ритуалов перехода» души человека из одного состояния в другое. В этом контексте погребальные действия должны обеспечить посмертное существование души на этапе перехода из мира живых в мир мертвых. В археологии к данным погребального обряда применяется структурно-семантический метод, который предусматривает поиск приоритетных признаков и взаимосвязей для дальнейшей разработки не только формально-логических, но и семантически-значимых классификаций.

Список основных признаков погребального комплекса эпохи бронзы традиционен. Он включает положение в кургане, тип погребального сооружения, позу и ориентировку умершего, элементы ритуала, состав и расположение инвентаря, половозрастные и другие антропологические особенности умершего. Однако, к сожалению, большинство деталей чаще всего плохо отображаются в отчетах и публикациях, а иногда эти данные и вовсе отсутствуют. Среди них и наличие костных остатков жертвенных животных.

Жертвенные обряды имели массовый характер в эпоху бронзы в степном Зауралье, что же касается Причерноморских степей, здесь они фиксируются значительно реже. В погребальной практике были задействованы определенные виды одомашненных животных. Останки животных по характеру локализации можно разделить на три группы: 1 – в камере вместе с покойником; 2 – вне камеры, отдельно от умершего; 3 – на подкурганной площадке и в насыпи [8, с. 10]. Именно вторая и в меньшей степени третья группы объектов находят наиболее близкие параллели в памятниках катакомбной, бабинской и срубной культур Причерноморья, а точнее Днепро-Донецко-Нижнедонского региона [7, с. 184].

Собственно, самостоятельные погребения домашних животных изредка встречаются в разных регионах катакомбной общности – в Предкавказье, Причерноморье и Крыму, но в ритуальном контексте они, очевидно, не отделялись от захоронений людей и иногда толкуются как кенотафы. Зато комплексы, исследованные в Осколо-Донецком регионе, позволяют иначе подойти к этой проблеме [1, с. 19]. Так, захоронения животных в отдельных могильных сооружениях, которые сопровождалось возведением насыпи/досыпки, свидетельствуют об их особом статусе в религиозно-мифологических представлениях ранних скотоводов. Культ животных является одним из архаичных, истоки которого, возможно, восходят к тотемизму. В условиях производящего скотоводческо-земледельческого хозяйства возникает особая форма поклонения животным-зоолатрия, эволюционирующая от обожествления животного к посвящению его конкретному божеству [3, с. 125].

Ведущая роль крупного рогатого скота (КРС) в хозяйстве и религиозных верованиях индоевропейцев не вызывает сомнений и даже рассматривается как индикатор поиска индоевропейской прародин. У хеттов, для которых характерен чрезвычайно сложный ритуал жертвоприношения, корова/бык были на первом месте в иерархии жертвенных животных. В Ригведе корова предстает как небо и Индра-бог войны, грома, молнии. Синонимом последнего в гимнах нередко выступает бык – «неукротимый, крепкий бык» (RV I, 10; IV, 18). С точки зрения индоевропейской принадлежности племен катакомбной общности, особый обряд захоронения животных может рассматриваться как персонифицированная жертва определенному божеству посвященного ему животного. В соответствующем контексте можно толковать и наличие в погребениях каменных топоров-молотов и наконечников копья, как атрибутов грозного бога Индры (ваджра – «орудие грома» и копье бога войны).

В то же время характерной чертой некоторых катакомбных культур (КК) выступает иной вариант использования животных в погребальном ритуале, что археологически фиксируется в виде уложенных вместе черепа и костей конечностей КРС (быка или коня), размещенных преимущественно на дне входных шахт катакомб, который получил в литературе название «шкура» или «чучело». По наблюдениям Р. А. Литвиненко, на Северском Донце указанная

традиция появляется в конце раннедонецкого этапа и становится характерной для поздних катакомбных групп – Донецкой, Среднедонской, Бахмутской. Известна эта практика также в отдельных катакомбных группах Нижней Донщины и Степного Предкавказья, в частности восточно - и заподноманычской, изредка – волгодонской. В отличие от локальных вариантов Донецко-Донской КК (по С.Н. Братченко), для других катакомбных культур, в т. ч. нгульской КК, «шкуры/чучела» не являются характерными. Наличие подобных останков в захоронениях людей может считаться индивидуальной жертвой, которая должна была обеспечить загробное существование умершего. В то же время специальные захоронения жертвенных животных выступают как культ, имеющий более широкое значение. Показателен тот факт, что в индоевропейской мифологической традиции широко используется зооморфный код. Именно бык и конь выступают в качестве инкарнаций Индры в «Ригведе» (РВ I, 230; II, 12; III, 31), а в иранской традиции в быка перевоплощался бог войны и победы Веретрагна [5, с. 11].

В позднекатакомбное время в Донецких степях кости больших копытных (черепа и кости ног), очевидно, имитируют тягловый скот, но не напутственную пищу. Этот вывод основывается на таких наблюдениях. В раннедонецких памятниках напутственная пища представлена исключительно костями мелкого рогатого скота (овца, коза), которые локализуются преимущественно в ногах или у головы умершего. О соответствующей функции свидетельствуют находки бронзовых ножей среди этих костей. В отличие от костей мелких животных, которые встречаются в камерах, остатки КРС встречаются исключительно в шахтах катакомб или в заплечиках ям. Именно в это время шахта используется для размещения колесных повозок, которые могли выполнять функцию транспортировки умершего в потусторонний мир. Действительно, в погребениях предкавказской катакомбной культуры телеги попадают преимущественно в шахтах, а в предшествующей им позиции находят «шкуры» домашних животных. Отчасти деревянный заслон к камере имеет конструкцию, которую можно рассматривать как борт телеги, при этом к нему буквально приложены череп с конечностями. Появляется практика размещать жаровни с углем также в шахтах, что в совокупности с костями животных по составу является близким к так называемым жертвенникам предкавказской катакомбной культуры, которые также могут выполнять функцию транспортировки. Таким образом, способ размещения остатков КРС может быть истолкован в погребальном контексте как тягловая сила или упряжное животное. Эти данные дают основания еще для одного вывода – о повышении мобильности степных скотоводов в позднекатакомбное время. Терминология и интерпретация, применяемые к указанным объектам, достаточно разнообразны, но не всегда корректны. Очевидно, части туши или куски мяса животного имели разную семантическую нагрузку. В пользу этого свидетельствует уже тот факт, что в одном погребении нередко встречается несколько различных по форме, содержанию и расположению объектов с костями животных [11с. 54].

Соответствующая традиция распространена также в рамках культурной области Бабино, однако не повсеместно, а лишь в ареале Днепро-Донской бабинской культуры (ДДБК), причем связана почти исключительно с ее ранними комплексами. Череп и кости конечностей крупного, реже мелкого домашнего скота размещались на перекрытии, между стенками ямы и рамы, реже внутри могилы обособленно от покойника. Иногда их трактуют как жертвоприношения и дары, а также напутственную пищу. Близкие аналогии происходят из могильников потаповско-синташтинско-петровского круга, где в ряде могил воинов, наряду с целыми скелетами коней, присутствуют также их имитации (шкуры-чучела) в виде головы и отрубленных конечностей, нередко парные и в сбруе, которые, возможно, символизируют саму колесницу.

Рассматриваемая погребальная практика, приобретает продолжение и развитие в срубной культурной традиции, причем преимущественно в бережновско-маевской срубной культуре (БМЗК). Существует несколько вариантов размещения костей животных: 1) череп, положенный на отрубленные кости конечностей, находится на краю или перекрытии могилы, или между стенами ямы и сруба; 2) череп находится на перекрытии, как правило, над головой умершего, а кости 4-х конечностей размещены по углам сооружения. Эти варианты интерпретируются, соответственно, как сложенная или растянутая шкура животного, а сами объекты связываются с погребальными и поминальными тризнами, жертвами богам и духам, жертвенной пищей, жертвенным животным, транспортным животным для переправы в потусторонний мир. Следовательно, можно согласиться с мнениями А. Г. Самойленко и Р. А. Литвиненко, что практика сопровождения катакомбных, бабинских, срубных погребений «шкурами/чучелами» животных может рассматриваться как общая параллель между этими культурами [7], [9]. Не случайным является и замеченное Р. А. Литвиненко существенное совпадение ареалов этого элемента погребальной обрядности в эпоху средней-поздней бронзы [8].

Исследуя жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы и связывая соответствующее население с ранними индоиранцами, Д. Г. Зданович доказывает соответствие многих форм обряда религиозной жизни, присущей индоиранцам. Исследователь различает жертвоприношения трех типов: первые характеризуются тем, что животные должны были сопровождать покойного в загробный мир, а также выполняли «охранные» функции (большое количество остеологических остатков иллюстрирует общеиндоевропейские представления о потустороннем мире как «луге» или «пастбище», где пасутся души жертвенных животных), в других акцентируется внимание на пищевой функции животных и подчеркивается особая роль коня, который выступал в качестве временного заместителя умершего, жертвы третьего типа связаны с культом предков и хтонических существ [4, с. 20].

Изобилие и разнообразие жертвоприношений животных – одна из особенностей синташтинского погребального ритуала. Видовой состав характерен для эпохи бронзы, количественно доминирует мелкий рогатый скот (МРС), лошадь, КРС, собака. Показателен способ использования животных в ритуале: для КРС не зафиксировано ни одного случая использования туши целиком, зато собака не подвергалась расчленению. Чаще всего использовались компоненты, состоявшие из головы и конечностей животного, что семантически приближено к полным тушам. В локализации частей жертвенных животных преобладают находки на уровне перекрытия (56%) [2, с. 56]. Это наблюдается на примере размещения скелетов собак и сочетаний «череп и кости конечностей» лошади, в том числе, «запряженные» в погребениях с колесницами и псалями. На втором месте – дно и придонная часть (22%), где преобладает традиция возложения конечностей малого рогатого скота в комплекте с черепом или без него. Расположение жертвенников у края ямы – поздний хронологический признак и относится уже к петровскому этапу [2, с. 59]. Кроме этого, Д. Г. Зданович предпринял попытки соотнести виды жертвенных животных с половозрастными характеристиками погребенных. Так, в детских захоронениях найдены исключительно кости МРС. Этот вид использовался для погребений женщин (возможно, добрачного возраста). Наибольшее количественное и видовое разнообразие жертвенных животных наблюдаются именно в коллективных погребениях взрослых мужчин. Таким образом, автор констатирует, что на сложность погребального сооружения, состав инвентаря, жертвенный комплекс влияют половозрастные характеристики индивида.

Неоднозначную роль кости животных играют в погребальном обряде абашевской культуры на протяжении ее истории и в разных районах ее распространения. Соответствующий вопрос подробно изучала О.В. Кузьмина. В ранних абашевских могильниках Среднего Поволжья встречаются амулеты в виде клыка кабана и резца бобра, которые находятся в зоне головы умершего [6, с. 59]. Помещение в погребение амулетов из зубов животных – устойчивая древняя традиция, известная еще в ямных памятниках. Встречаются также астрагалы кабана и барана, которые лежат непосредственно возле скелета. Чаще использовались астрагалы тех животных, которые составляли основу стада. Скорее всего они связаны с магическими ритуалами, направленными на сохранение и приумножение стада. Отдельные кости животных, а именно, трубчатые кости ног и копыта барана и коровы в сосудах встречаются в равном количестве как у ног умершего, так и у его головы. Отдельные захоронения костей животных встречаются реже и часто толкуются как кенотафы. В то же время специальные захоронения жертвенных животных выступают как общественный акт, имеющий огромное значение [1, с. 20].

Классические абашевские могильники (по периодизации О. В. Кузьминой) Среднего Поволжья и Южного Приуралья дают следующий остеологический материал. Жертвенники, тесно связанные с культом огня (лежат на углях), состоят из костей ног и челюстей барана, коровы, лошади, располагаются в центре кургана, найдены в Поволжье [6, с. 59]. Напротив, в Южном Приуралье большинство найденных костей не являются жертвенниками (наблюдается сильная фрагментарность и неупорядоченное состояние). Известны лишь жертвенники в Метев-Тамак над северной частью погребения. Они состояли из костей свиньи, лошади, позвонков других животных, сосудов и угля. Существуют многочисленные находки костей животных над погребениями, но изначально они, видимо, находились в перекрытии могильной ямы. На этом этапе абашевской культуры формируется обряд возложения жертвенника вблизи погребения или в его перекрытии.

Часто встречаются астрагалы свиньи, расположенные возле рук умершего (Среднее Поволжье) и астрагалы барана и КРС у ног умершего (Южное Приуралье). Отдельные кости овцы и КРС (зубы, кости ног, шейные позвонки) встречаются у ног умершего. Следует выделить клыки животных в абашевских погребениях в Южном Приуралье. Среди них – клыки собаки в ожерелье наряду с мелкими бронзовыми бусинами возле детского черепа (Метев-Тамак),

клыки медведя также вместе с бронзовыми бусинами. Следует отметить, что у многих индоевропейских народов медведь рассматривался как помощник в охране стада.

На протяжении всей эпохи бронзы в обрядах жертвоприношений животных сохраняется совместное ритуальное «ядро», включающее формы репрезентации животных, состав «жертвенного стада», структуру жертвенников, что, наряду с другими признаками, позволяет считать культуры степной Евразии единым «культурным миром». В сферу вариаций входят и видовой состав «жертвенного стада», и локализация остатков животных в могилах, и наличие жертвенников разного типа. Сопоставление обрядовых признаков захоронений различных этапов среднего-позднего бронзового века с реконструированными культурологами космогоническим представлениям древних индоевропейцев позволяет выявить общие черты, а главное, сделать вывод о культурной и, возможно, этнической преемственности между носителями скотоводческих археологических культур Черноморско-Каспийских степей.

Литература

- Берестнев С.И. Захоронения животных у племен катакомбной общности // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Харьков, 1995. С.19-20.
- Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С.53-73.
- Захарова Е.Ю. Отражение основного индоевропейского мифа в срубной изобразительной традиции // Взаимодействие и развитие древних культур Южного пограничья Европы и Азии. Саратов-Энгельс, 2000. С.125-127.
- Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. канд.ист.наук / Инс-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2005. 23 с.
- Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы: матер. конф. СПб, 1995. С.11.
- Кузьмина О.В. Кости животных в погребальном обряде абашевской культуры // Взаимодействие и развитие древних культур Юного пограничья Европы и Азии: матер. конф. Саратов-Энгельс, 2000. С.59.
- Литвиненко Р.А. Катакомбное наследие в бабинской культуре // Степи Евразии в древности и средневековье: матер. конф. Кн.1. СПб, 2002. С.183-189.
- Литвиненко Р.А. Об одной параллели в погребальном обряде скотоводческих племен эпохи бронзы Днепро-Донецкого региона: матер. конф. Донецк, 1997. С.10-13.
- Самойленко Л.Г. Общие черты в деталях погребального обряда у племен энеолита и бронзового века Степной Украины // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск. С. 104-106.
- Смирнов Д.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических событий. М.: Наука, 1977. 102 с.
- Чердниченко Н.Н. О роли колесного транспорта в быту и погребальном обряде степных племен в эпоху бронзы // Духовная культура древнего населения Украины. К: Ин-т археологии АН УССР, 1989. С. 53-55.
- Черленок Е.А. Погребальный обряд начальной поры эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона: автореф. дис. канд. ист.наук. СПб, 2005. 24 с.

Козлов М.Н.

К ВОПРОСУ О ХРИСТИАНИЗАЦИИ КИЕВА

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье на основе письменных источников и данных археологии проведена историческая реконструкция событий, связанных с христианизацией города Киева в конце X в. В исследовании акцентируется внимание на несостоятельности общепринятой в современной отечественной исторической науке точке зрения о безболезненности христианизации Киева и близлежащих полянских земель.

Abstract. Based on written sources and archaeological data, a historical reconstruction of events related to the Christianization of the city of Kiev at the end of the 10th century was carried out. The study focuses on the inconsistency of the point of view generally accepted in modern Russian historical science about the painlessness of the Christianization of Kiev and the nearby Polyansky lands.

Ключевые слова: Христианизация, языческая община, святилище, храм, погребение, городище-святилище.

Key words: Christianization, pagan community, sanctuary, temple, burial, ancient settlement-sanctuary.

Если христианизация Западной и Северо-Восточной Руси признается большинством современных исследователей сложным болезненным процессом, который растянулся на многие века, то принятие христианства жителями Киева считается образцом легкой христианизации [10, с. 26].

О принятии христианства князем Владимиром и киевлянами писало немало исследователей. Большинство из них лишь комментировало (а иногда и просто повторяло) короткое сообщение «Повести временных лет», повествующее о данных событиях. Главное внимание при этом было сосредоточено на уточнении даты и места крещения великого князя и населения столицы Руси. Дискуссия по этому вопросу началась более ста лет назад и продолжается до сих пор. Историческая реконструкция событий, связанных с принятием христианства жителями Киева, – главная цель данной статьи.

В отечественных летописях, собственно, фактологического материала подается не много. Вот как описывает христианизацию жителей Киева автор «Повести временных лет»: «Володимир повель кумиры испровреци, и овии ссьсечи, и другыя огневи преда; Перуна же повель привязати коневу къ хвосту и влещи с горы по Бирицеву на Ручаи, и 12 мужа пристави бити жезлиемъ... Плакахутся его невернии людие, еще бо бяху не прияли святого крещения. И привлекая и, вринуша и въ Днепръ. - И пристави Володимиръ, рекъ сице: «аще где пристанеть, то отривайте и от берега, дондеже пройдет пороги, охабитесь его». Посем же Володимиръ посла по всему граду, глаголя: «аще кто не обрящется на реце, богат, убогъ, или нищъ, или работникъ, противень мне будет». Се слышавше людие, с радостью идяху, радуящиеся и глаголюще: «аще се бы было не добро, не бы сего князь и бояре прияли». Наутриа же изиде Володимиръ с попы цесарицины с корсуньскими на Днепръ, и снидеша бесчисла людии, и влезосавъ воду, и стояхуинъ до шии, друзии же до персии, младыя же от берега, друзии же младенци держаще, свершении же бродяху; попове же стояще, молитвы творяху... Крестивъшемъ же ся людемъ, и идоша кождо в дома своя... И повеле Володимир рубити церкви и поставляти по местомъ, идеже стояша кумиры; и постави церковь святого Василья на холмъ, идеже стояша кумиры Перунъ и прочии, идеже требы творяху князь и людие. И нача ставити по градом церкви и попы, и людие на крещение приводя по всем градом и селомъ. И пославъ, нача отымати у нарочито и чядъ дети и давати на учение книжное; матери же чадъсихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бе утвердилася вера, нъаки по мртвицехъ плакахуся» [11, с. 62].

Современные исследователи отмечают значительное количество христианских захоронений в могильнике дохристианской эпохи на Старокиевской горе. Можно предположить, что христианская община в языческую эпоху жила в центре города недалеко от княжеского дворца. Возможно, первыми христианами были люди, близкие к великокняжеской власти – профессиональные воины, купцы и ремесленники, которые обслуживали потребности хозяйства князя и его дружины. Вместе с тем, даже среди этой части населения древнего Киева, очевидно, не все приняли новую веру.

Согласно данным археологии, часть населения Старокиевской горы после христианизации мигрировала с ее вершины к подножию, где в конце X в. образовались несколько новых жилых кварталов [9, с. 11]. Вероятно, закоренелые язычники со Старокиевской горы мигрировали к древнему могильнику, где в то время могли сохраниться какие-то языческие святыни.

Еще сложнее, очевидно, проходила христианизация в торгово-ремесленном Подоле. В «Повести временных лет» вообще не содержится никаких данных относительно событий, которые происходили в этом районе Киева во время христианизации. Единственное упоминание об уничтожении местного святилища Велеса находим в «Житии Владимира Великого» Иакова Мниха: «...а Волоса идола, его ж именоваху скотья бога, велев в Почайну реку вьврещити» [2, с. 231]. На месте разрушенного святилища «скотья бога» была построена церковь в честь святого Власия. Между тем главный христианский храм на Подоле была не церковь святого Власия, а храм в честь Богородицы Пирогощи, который построили в первой половине XII в. Согласно археологическим данным, он был возведен на месте другой, не менее монументальной постройки, предшествующей церкви Богородицы [5, с. 318].

Исследователи отмечают интересную деталь: камни из старой постройки были использованы при возведении нового христианского храма [3, с. 226]. Таким образом, христианский храм был построен сразу после умышленного разрушения какого-то большого здания в первой половине XII в. Согласно тогдашней традиции, христианские церкви ставили на тех местах, где некогда находились языческие святилища. На это прямо указывает Лаврентьевская летопись: «Володимиръ же повель крестьяном ставить церкви по темъ местомъ, идеже кумиры стояль» [12, с. 51]. Возможно, что и церковь Богородицы Пирогощи была поставлена на месте какого-то языческого монументального каменного храма, который в течение нескольких веков продолжал сосуществовать вместе с киевскими христианскими церквями. Существование уже в христианскую эпоху языческой общины в Киеве находит подтверждение и в письменных источниках. Так, в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1070 г. находим следующие строки: «Прииде Волхв прельщен бесом, и пришед к Киеву, глаголаше сице: поведая людем, яко на пятое лето Днепру тещи на вспять, а землям прийти на иная места, яко стати Греческой земли на Русской, а Русской на Греческой, и прочим землям изменитися, его же невегласи послушаху, вернии же насмеяхуся, глаголюще: бес тобою играет на пагубу тебе. Се же и бысть ему; во едину убо нощь бысть без вести» [12, с. 51], [13, с. 174–175].

Как видно из данных источников, приход волхва в Киев с призывом кобщему для всех руссов восстанию разделил киевлян на две части. Одна из них – язычники – встретила слова волхва с сочувствием и пониманием, другая – христиане – с насмешками и угрозами. При раскопках древнерусских жилых домов и могильников XI–XII вв. города Киева археологи фиксируют значительное количество языческих захоронений (иногда даже с конем и оружием). Так, во время раскопок жилого дома XI в. в усадьбе 2 по улице Десятинной было найдено захоронение по обряду ингумации. Вблизи человеческого скелета был найден наконечник копья и череп лошади. В усадьбе 5 по Десятинном переулке найдено захоронение XII в. по обряду трупосожжения. Исследователи зафиксировали кострище вытянутой формы по направлению восток-запад. В кострище были найдены два глиняных горшка красного цвета, наполненные кальцинированными человеческими костями. В меньшем горшке находились кости ребенка 3–5 лет, в другом – кости взрослого мужчины. В десяти километрах от предыдущих захоронений было зафиксировано исследователями еще одно подобное трупосожжение XII в. [8, с. 44].

В XI в. продолжили существовать в Киеве и волхвы. Они, вероятно, в течение нескольких столетий оставались единственными более-менее профессиональными врачами. В «Житие Спиридона Просвирника и Олимпия Иконника» находим рассказ о каком-то киевском вельможе, который (в период правления князя Всеволода Ярославовича) заболел проказой и неоднократно обращался за медицинской помощью к киевским волхвам [7, с. 174]. В древнеславянской Кормчей книге кон. XI в. категорически запрещается призывать волхвов, которые «в помощь себя бесов призывают в оуставления страдания и немочи» [6, с. 1106]. При раскопках одного из домов в жилом квартале, появившегося в конце X в. на нижних террасах Старокиевской горы, было найдено шиферное пряслице со стилизованным изображением волхва в треугольном головном уборе. Подобная фигурка была зафиксирована исследователями на обломке сосуда из археологического слоя XII в. древнерусского города Плеск [16, с. 101].

Возможно, что значительное количество язычников из Киева вследствие христианизации вообще оставили город. Так, по археологическим данным, в кон. X в. произошел массовый исход населения из Среднего Поднепровья в Галицкие леса. В наше время исследованы три городища-святилища, которые располагались на реке Збруч на территории нынешней Тернопольской области Украины на расстоянии 2, 5 и 3 км между собой: Звенигород, Богит и

Говда. Согласно археологическим данным, с городами-святилищами граничили более десяти поселений, которые образовались и прекратили свое существование одновременно со святилищами. По мнению современных исследователей, Збручский культовый центр в кон. X в. взял на себя функции ликвидированных языческих святилищ Киева и других городов, стал своеобразным языческим заповедником. Здесь могли находить убежище служители языческих богов, изгнанные из Киева [15, с. 117].

Другим направлением бегства населения, не желавшего принимать христианство, из Среднего Поднепровья было Суздальское Ополе. В местных курганах с труположениями XI–XII вв. в большом количестве найдены трехбусенные височные кольца, характерные для погребений юга Руси. Кроме того, при раскопках нескольких поселений кон. X–XI вв. близ древнего Владимира были обнаружены археологами полуземляночные жилища киевского типа [14, с. 190].

Появление киевских людей в кон. X в. в Суздальском крае хорошо прослеживается на уровне топонимики. Так, реки вокруг Владимира-Залесского имеют те же названия, что и вокруг Киева: Почайна, Лыбедь, Ирпень [1, с. 9]. Возможно, часть населения Среднего Поднепровья осела в восточных районах Руси. Так, среди кладов старой Рязани XI–XIII вв. обнаружены перстни со щитками, украшенные чернью и гравированными изображениями, характерные также для кладов, найденных в Киеве и Среднем Поднепровье. В целом состав серебряных украшений со старорязанских кладов XI–XIII вв. идентичен составу киевских и черниговских кладов [4, с. 204, 208].

Таким образом, принятие христианства в Киеве, как и в других регионах Руси, было достаточно сложным и длительным процессом. Определенная часть киевлян под давлением князя Владимира и его дружины даже мигрировала в малонаселенные районы Галицкой, Суздальской и Рязанской Руси.

Литература

- Георгиевский В.Т. Город Владимир на Клязьме. Владимир, 1927. 425 с.
 Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1913. Т. 1. 432 с.
 Гупало К.Н. Исследование церкви Пирогощи в Киеве // АО. 1979. С. 220–227.
 Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.) // Советская археология. 1982. № 2. С. 196–210
 Ивакин Г.Ю., Гупало К.Н., Сагайдак М.А. Исследование церкви Успения Пирогощи // АО. 1977. С. 311–315.
 Качановский В.В. Славянская Кормчая книга // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 2. Кн. 4. С. 1068–1108.
 Києво-Печерський патерик / під ред. Д.І. Абрамовича. Київ, 1991. [Репрентне відтворення 1931 р.]. 230 с.
 Килиевич С.Р. Детинец Киева IX – первой половины XIII веков по материалам археологических исследований. Киев, 1982. 172 с.
 Котышев М. Начальный этап истории Киева (IX–X вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 2 (18). С. 10–16.
 Кузьмин А.К. Крещение Руси. М., 2004. 416 с.
 Повесть временных лет / под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950. 239 с.
 ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. М., 1962. 472 стб.
 ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962. 938 стб.
 Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. 327 с.
 Тимошук Б.А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ) // Российская археология. 1993. № 4. С. 110–122.
 Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново, 2007. 857 с.

Кропотов В.В.*, Рукавишникова И.В.**, Бейлин Д.В.***

НОВОЕ САРМАТСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ В СТЕПНОМ КРЫМУ

*ФГАОУ ВО Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

**Институт археологии РАН, г. Москва

***Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

Аннотация. В работе представлены результаты исследования сарматского захоронения (погребения 80) из кургана "Унгут-1", расположенного в 0,2 км к северо-западу от пгт. Кировское Республики Крым. Объект представляет собой одиночное погребение мужчины, совершенное вытянуто на спине головой на север, сопровождавшееся лепным горшком, фибулой, ножом и бусиной. Указанный инвентарь, в первую очередь фибула, датирует комплекс началом – первой половиной I в. до н.э., что позволяет считать его наиболее древним узко датированным сарматским погребальным памятником в Крыму, свидетельствующим о пребывании сарматов на полуострове в период правления понтийского царя Митридата VI Евпатора и косвенно подтверждающим их участие в событиях периода Диофантовых войн.

Abstract. The work presents the results of a study of the Sarmatian burial (burial 80) from the mound "Ungut-1", located 0.2 km north-west of the village Kirovskoe, Republic of Crimea. The object is a single burial of a man, completely stretched out on his back with his head to the north, accompanied by a molded pot, a fibula, a knife and a bead. The indicated inventory, primarily the fibula, dates the complex from the beginning to the first half of the 1st century BC, which allows us to consider it as the earliest narrowly dated Sarmatian funerary monument in the Crimea, indicating the stay of the Sarmatians on the peninsula during the reign of the Pontic king Mithridates VI Eupator and indirectly confirming their participation in the events of the period of the Diophantine Wars

Ключевые слова: сарматы, погребение, курган, Степной Крым, поздний эллинизм, Митридат VI Евпатор, Диофантовые войны.

Keywords: Sarmatians, burial, kurgan, Crimean Steppe, Late Hellenistic period, Mithridates VI Eupator, Diophantine wars.

Погребальные памятники сарматского периода в степной части Крымского полуострова не многочисленны – до сего времени в научном обороте находилось всего 20 таких комплексов [5, с. 22–39], [6, с.114–125]. Столь незначительный массив эмпирических данных не позволяет сформировать достаточно полную картину исторических процессов, протекавших в регионе. В связи с этим приходится констатировать насущную потребность оперативного введения в научный оборот новых археологических памятников и их всесторонней атрибуции.

В данной работе представлены результаты изучения погребения, вскрытого в 2019 г. в ходе охранно-археологических работ отряда Крымской новостроечной археологической экспедиции ИА РАН под руководством И.В. Рукавишниковой на кургане "Унгут-1", расположенном в 0,2 км к северо-западу пгт. Кировское Республики Крым. Курган представлял собой одиночную насыпь высотой 1,5 м, диаметром 50 м, возведенную в эпоху бронзы и перекрытую в XVI – XVII вв. н.э. золистым грунтом (мусорным слоем) толщиной до 0,4 м. Под насыпью были открыты 113 археологических объектов – разновременных погребений и хозяйственных ям, большинство из которых являлись безынвентарными захоронениями нового времени [9, с. 347].

Рассмотренное ниже погребение, обозначенное в полевой документации как №80, являлось захоронением мужчины 30 – 40 лет¹, совершенным вытянуто на спине головой на север, выявленным в слое погребенной почвы на глубине 1,6 м от вершины кургана, в 3 м к юго-востоку от его центра. Погребальное сооружение – предположительно, простая подпрямоугольная в плане могила длиной около 2,3 м, шириной до 0,85 м – оказалось практически полностью разрушенным перекрывшими его погребениями 30, 77 и 78 нового времени. Последние находились всего на 0,1 м выше уровня расположения погребения 80.

При захоронении обнаружены: за головой – лепной горшок (рис.1,1) и кость животного (баранья лопатка) с железным ножом (рис.1,2), у шейных позвонков – бронзовая фибула (рис.1,3), близ левого локтя – стеклянная бусина (рис.1,4). Кроме того, в нарушенной поздней

¹ Определение А.М. Юдиной и М.А. Самородовой.

ми погребениями части заполнения могилы выявлен каменный оселок, вероятно, связанный с данным комплексом (рис.1,5).

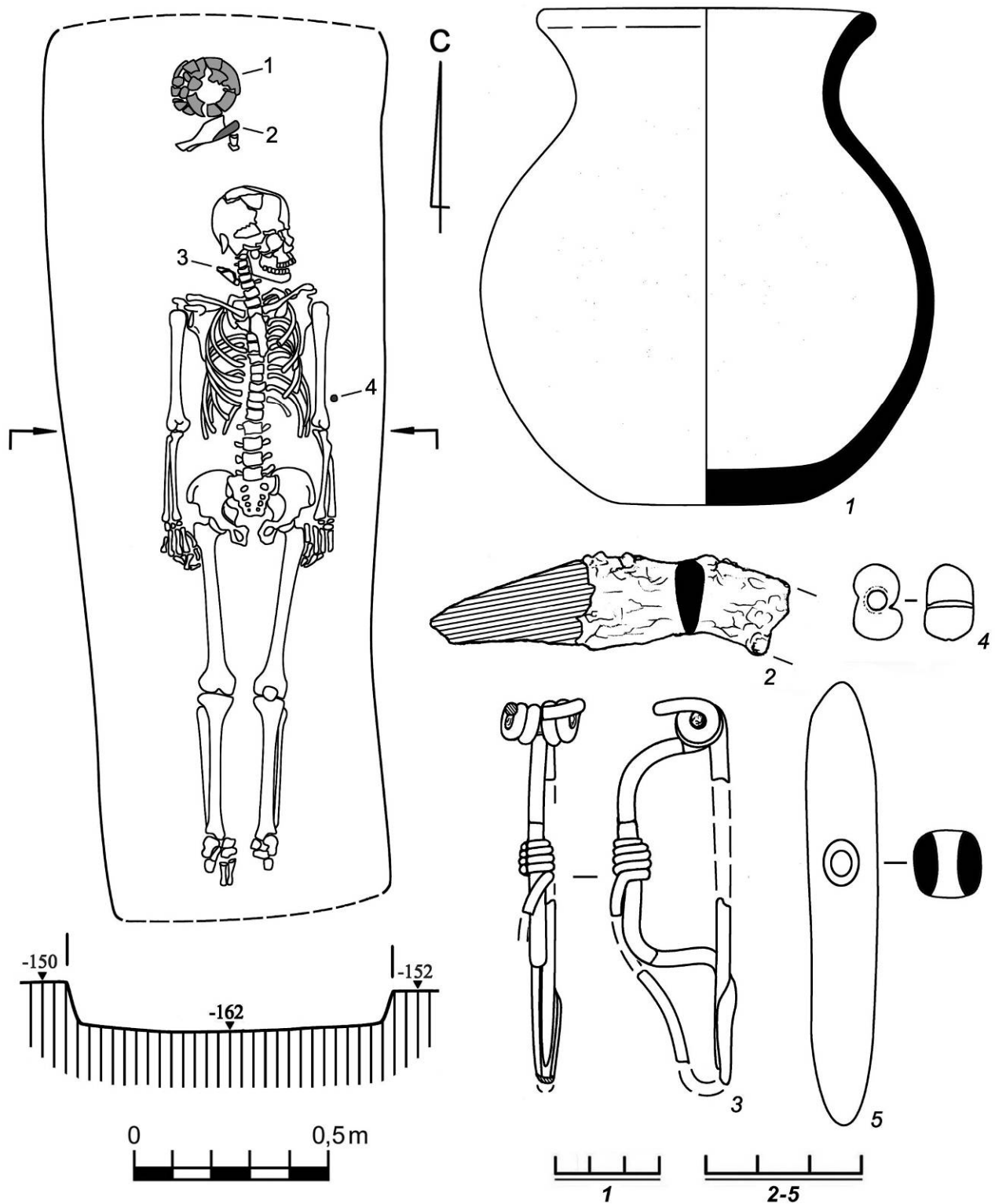

Рис. 1. План и инвентарь погребения 80 кургана "Унгут-1". 1 – лепной горшок, 2 – железный нож, 3 – бронзовая фибула, 4 – стеклянная пронизь, 5 – каменный оселок

Найденный в описанном погребении лепной горшок имеет округлое тулово, чуть уплощенное дно и короткое горло с плавно отогнутым наружу венчиком. Керамический материал сосуда рыхлый, темно-серого цвета, с большим количеством включений, поверхность слегка залощена. Высота изделия 14,4 – 14,5 см, диаметр венчика 9,8 см, диаметр дна 5,6 см, максимальный диаметр тулова 13,1 см (рис.1,1).

Железный нож из комплекса сохранился частично – в могиле найден обломок серповидно изогнутого лезвия со следами деревянной рукоятки на черенке. Длина фрагмента 6,9 см, ширина режущей части 1,5 см, толщина 0,5 см (рис.1,2).

Обнаруженная в захоронении бусина – двудольчатая пронизь из глухого синего стекла – относится к типу 155 по классификации Е.М. Алексеевой [1, с. 72]. Ее длина и ширина 0,9 см, высота 1,5 см (рис.1,4).

Каменный оселок, происходящий из заполнения могилы, имеет вытянутую брусковидную форму со сглаженными ребрами, придающими ему плавные очертания. Почти в середине изделия просверлено округлое отверстие для подвешивания. Длина оселка 8,5 см, ширина и высота 1,3 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис.1,5). Следует отметить, что хотя данный предмет найден в нарушенной части заполнения могилы, близкие ему по форме и размеру образцы хорошо известны в сарматских погребальных памятниках Северного Причерноморья (см., например: [8, рис. 5,3; 10, рис. 6,1d, 8,3z, 9,4e, 14,1z]), именно поэтому его связь с описываемым комплексом представляется вполне вероятной.

Несомненно, самой интересной находкой в погребении 80 кургана "Унгут-1" является бронзовая застёжка-фибула. Изделие сильно корродированно и разломано на несколько частей, однако его форма легко восстанавливается. Застёжка изготовлена из одного куска проволоки и имеет среднелатенскую конструкцию. Ее низкий резко изогнутый корпус под прямым углом переходит в короткую ножку, от бокового края которой отогнут узкий приемник-"лодочка". Свободный конец ножки, загнутый вверх и назад к дужке, закреплен на ней с помощью четыреххитковой завязки. Симметричная шестивитковая пружина намотана на короткую железную ось и снабжена поднятой вверх тетивой. Длина изделия 7,6–7,7 см (рис.1,3).

По внешним отличительным признакам, таким как приземистый корпус, угловатые очертания, наличие завязки, намотанной на дужку слева направо, фибулу следует соотносить с ранними надвязными застёжками так называемого "неапольского" варианта, датировка которых определяется в пределах второй половины или последней четверти II – первой половины I вв. до н.э. [2, с.22, табл. 2,12; 3, с. 50, рис. 21,1-6]. Однако нехарактерная для "неапольских" образцов короткая шестивитковая пружина сближает находку с ранними фибулами среднелатенской схемы скрепленной конструкции, бытовавшими в то же время [2, с. 21, табл. 1,15; 3, с.44, рис. 19,1-4]. Короткая четырех- или пятивитковая пружина известна также у более поздних надвязных фибул "беляусского" варианта, но последние резко отличаются от публикуемого образца более высоко и плавно изогнутой дужкой, а также завязкой, намотанной в обратном направлении – справа налево [3, с. 48-50, рис. 21,7-10].

В этой связи, фибулу из погребения 80 кургана "Унгут-1", скорее всего, следует рассматривать как гибрид между ранними скрепленными и надвязными "неапольскими" образцами, отнеся ее, как и весь комплекс, ко второй половине/последней четверти II – первой половине I вв. до н.э. При этом следует отдать предпочтение поздней части указанного периода, т.е. началу – первой половине I в. до н.э., в виду наличия в облике изделия отдельных поздних элементов, в первую очередь небольших общих размеров, относительно короткого приемника и наклоненной в сторону дужки тетивы, не типичных для ранних экземпляров [3, с. 43, 48, рис. 19,1-4, 21,1,5]. Кроме того, на I в. до н.э. как на наиболее вероятную датировку комплекса указывает стеклянная пронизь [1, с. 72]. Остальной инвентарь узких определений не предусматривает.

Этнокультурная принадлежность рассматриваемого погребения надежно устанавливается по таким особенностям погребального обряда, как ориентация покойного в северный сектор, размещение заупокойной пищи у головы усопшего, использование для погребения простой подпрямоугольной в плане могилы, впущенной в насыпь более древнего кургана, и т.д. Все эти черты обычны для ранних сарматских захоронений как степной части Крымского полуострова, так и всего Северного Причерноморья в целом [5, с. 24], [7, с. 155 и сл.], [11, с. 190–193]. Крымские комплексы, как правило, датируются широко в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. [5, с. 30], и только отдельные из них допускают более узкие определения в рамках второй половины I в. до н.э. – начала I в. н.э. или более позднего времени [4, с. 22], [5, с. 29], [6, с. 116]. Датировка рассматриваемого погребения началом – первой половиной I в. до н.э. позволяет признать его самым ранним узко датированным сарматским погребальным памятником в Степном Крыму, наличие которого бесспорно свидетельствует о присутствии сарматов на полуострове в период правления понтийского царя Митридата VI Евпатора и косвенно подтверждает их участие в событиях периода Диофантовых войн, хорошо известных нам по письменным источникам.

Здесь важно подчеркнуть, что все зафиксированные в настоящее время сарматские захоронения, включая комплекс, описываемый в данной работе, расположены вдоль северной границы региона по побережью Черного моря и Сиваша – от Перекопского перешейка до

мыса Тарханкут на западе и Керченского полуострова на востоке. Их инвентарь достаточно беден и практически не содержит оружия и каких-либо иных вещей, указывающих на воинский статус усопших. Все это резко контрастирует со свидетельством Страбона об участии в войне против Диофанта многочисленной сарматской армии в 50 тысяч всадников-роксолан. Видимо, роль в этих событиях сарматов, указанная древним автором, сильно преувеличена.

Таким образом, анализ погребального обряда и инвентаря захоронения 80 из кургана "Унгут-1", расширяя доступную для обобщающих исследований источниковую базу, дает возможность интерпретировать его как наиболее древний известный на сегодняшний день сарматский погребальный памятник в Степном Крыму и свидетельствует о присутствии кочевников на полуострове в период правления понтийского царя Митридата VI Евпатора, косвенно подтверждая также их участие в событиях периода Диофантовых войн.

Литература

1. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. Свод археологических источников. Вып. Г1-12. Москва: Наука, 1978. 120 с.
2. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. Свод археологических источников. Вып. Д1-30. Москва: Наука, 1966. 150 с.
3. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
4. Кропотов В.В. Сарматские погребения близ села Астанино в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. №2(32). С. 18–24.
5. Кропотов В.В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // Нижневолжский археологический вестник. 2016. Вып.15. С. 22–39.
6. Кропотов В.В. Раннесарматские захоронение в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т.23. №3. С. 114–125.
7. Кропотов В.В. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху. 2019. Вып.V. С. 154–160.
8. Кропотов В.В., Скворцов Н.Б. Сарматские погребения из курганного могильника "Попов-1" на Дону // Античность. Скифы. Сарматы: Археологическое наследие. №1(3). 2020. С. 351–359.
9. Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Волошинов А.А. Исследование погребальных памятников в Кировском районе в 2019 году // История и археология Крыма. 2020. Вып.XIII. С. 345–354.
10. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993. 144 с.
11. Симоненко А.В. Раннесарматский период в Северном Причерноморье // Золото, конь и человек. Киев: ИД Скиф, 2012. С. 187–206.

НОВЕЛЛЫ О ЦАРЯХ В «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА: ПОЭТИКА, ОБРАЗЫ, СЮЖЕТЫ

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск

Аннотация. В статье рассматривается проблема поэтики в «Истории» Геродота на примере новелл о царях. Целью исследования было уточнение поэтического характера фольклорных логосов о царской власти «Истории». На основе существующих исследований и поэтического анализа новелл о царях подчеркнуты и выделены такие общие мотивы, как подлинное счастье, гордыня, божественная зависть и возмездие, мотив мудрого советника. Сделан вывод, что общность образов и сюжетов в новеллах о Кире, Крезе, Поликрате, Дарии, Ксерксе, свидетельствует о художественно-поэтической обработке Геродотом этих историй. Удалось также проследить применение Геродотом таких поэтических приемов, как перипетия и узнавание.

Abstract. The article deals with the problem of poetics in The Histories of Herodotus driven by examples of logoi about kings. The purpose of the study was to clarify the poetic nature of the folklore stories about kings in The Histories. Based on existing research and poetic analysis of kings' logoi, such motives as eudaimonia, hybris, gods' phthonos and nemesis, the motive of a wise adviser were emphasized and highlighted. The conclusion was made that the prevalence of images and plots in stories about Cyrus, Croesus, Polycrates, Darius, Xerxes may indicate the artistic and poetic adaptation of these logoi by Herodotus. The use by Herodotus of such poetic mediums as peripeteia and anagnoresis was also observed.

Ключевые слова: Геродот, История, поэтика, царь, Кир, Крез.

Key words: Herodotus, the Histories, poetics, king, Cyrus, Croesus.

Геродот Галикарнасский (484–425) совершенно справедливо прозван отцом исторической науки. Хотя, конечно, всеми учеными признается, что «История» очень далека от статуса собственно исторического исследования (и такое высокое требование едва ли предъявляется Геродоту), этот труд все же с известной долей критики рассматривают, в первую очередь, именно как трактат. Усилия историков при работе с «Историей» концентрируются на попытках отделить правду от вымысла и искажения, которые, как известно, имеют место. Между тем, на наш взгляд, зачастую несправедливо остается без должного внимания поэтическая составляющая этого литературного памятника.

Науке хорошо известны источники Геродота: 1) автопсия; 2) письменные данные документов и эпиграфики; 3) устные данные опрашиваемых Геродотом [5, с. 36]. Если об автопсии Геродот говорит нам сам, то о последних двух источниках свидетельствуют характерные стилистические признаки, естественным образом отпечатавшиеся на тексте памятника.

Систематическая работа Геродота с документами не подвергается сомнению. Об этом нам, в первую очередь, говорит обилие в «Истории» списков (напр., I.101, 125; II.166; VII.61-99) и «инвентарных» перечней (напр., I.14, 50-52; II.62; IX.80, 82). Детальное перечисление рек, сатрапий, жертвенных предметов, состава войск с подробными (пусть и не точными) количественными и качественными характеристиками – все это никак не свойственно устной традиции.

Геродот явно полагает своим долгом сообщить все увиденное и услышанное, в том числе те версии, с которыми он сам не согласен или в которых сомневается (напр., IV.42; I.173), что еще раз подтверждает его статус как прародителя исторической науки. «Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан» (VI.152).

В изложении «всего, что рассказывают», раскрывается и вторая сторона «Истории» – новеллистическая. Подлинным источником повествовательного стиля Геродота является именно историческая новелла, порождение местного фольклора: сага, легенда, рассказ, анекдот – словом, все то, что сам историк называет словом λόγος. Вместе с этими новеллами на страницы «Истории» перенесли и их характерные черты: прямая речь, характеристика персонажей через их поступки, конкретика, наглядность, наличие главного героя и т.д. [3, с. 65].

Между тем, если стремление Геродота к исторической истине относительно доказано [5, с. 44–48], то проблемным моментом остается факт художественно-поэтического осмысления историком транслируемых сюжетов.

¹ Научный руководитель – Саидов Зиявудин Абасович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Института истории, международных отношений и социально-политических наук Луганского государственного педагогического университета.

Еще Аристотель в трактате «Поэтика» писал: *«Именно историк и поэт отличаются не тем, что один пользуется размерами, а другой нет: можно было бы переложить в стихи сочинения Геродота, и тем не менее они были бы историей – как с метром, так и без метра, но они различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй о том, что могло бы случиться. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории: поэзия говорит более об общем, история – об единичном»* (Aristot. Poet. 1451b).

Для мыслителя классической античности, конечно, история пока что представляется именно логографией единичных фактов и не может содержать в себе никаких общих человеческих проблем. Для Аристотеля рассказ о Кире в «Истории» (и в истории) есть рассказ только об одном конкретном царе Кире II Великом, но не о царе как таковом. Трагедия Креза для мыслителя менее «философична и серьезна» чем трагедия Эдипа, ведь второй придавал форму трагик, пытающийся тронуть сердца зрителей понятным для них страданием главного героя. А ремесло историка, думает Аристотель, состоит в описании лишь единожды свершившихся фактов. Здесь, однако, есть, что возразить.

Аристотель прямо говорит о том, что всякую трагедию или комедию поэтичной делает вовсе не метр, но мера подражания, выраженная метром, ритмом и гармонией (Aristot. Poet. 1447a). В таком случае его отказ «Истории» в поэтичности оказывается не вполне справедливым. Ведь по логике самого же Аристотеля, если изложить трагическую историю прозой, то она потеряет лишь метр, но не свою поэтическую сущность.

Как мы уже указали, в работе Геродота в известной мере отпечатались местный исторический фольклор со всеми его особенностями. А устной словесности часто присущи и наставления, и обилие художественных средств и образов, и, конечно, собственная поэтика.

Помимо того, Геродот – носитель эллинской культуры и мировоззрения. Есть основания полагать, что некоторые λόγοι были несколько обработаны историком для получения нравоучительного – а местами и трагического – сюжета. Основы такого сюжета знал и понимал всякий эллин: порок безмерности, спеси, завистливость богов и неизбежность судьбы.

Цари у Геродота, как это будет видно далее, часто не просто исторические личности, но и главные герои упомянутых сюжетов. Наличие власти, богатства и благородных (или дурных) целей делают царя как литературного героя самого по себе повествовательным средоточием добродетели и порока. Сам образ единоличного правителя позволяет в наиболее чистом виде проследить пороки, свойственные человеку, соvrащенному богатством и властью, увлеченному собственными успехами, и его конфликт с добродетелью и волею судьбы [9, р. 181–183].

Далее везде, где речь будет идти о реальных исторических личностях, они будут разумеются, в первую очередь, именно как литературные герои «Истории».

Среди повторяющихся мотивов и тем «Истории» современные исследователи выделяют следующие: гордыня (ῥῆρις); возмездие (νέμεσις) за гордыню; божественная зависть (φθόνος); ошибочное истолкование предсказания божества; мотив наказания потомков за дела предков; неизбежность судьбы (μοῖρα) и подчиненность ей; мотив предостерегающего советника [4], [6, с. 71]. К этому списку, как нам кажется, также следует добавить проблему обретения подлинного счастья (εὐδαιμονία). Это, на наш взгляд, те основные образы и сюжетные мотивы, составляющие тесно взаимосвязанную поэтическую основу логосов о царях в «Истории», о которых далее пойдет речь.

В качестве введения в образ царя в «Истории» уместно привести новеллу о первом мидийском царе Деиоке (I.96–101), где Геродот будто бы решает вопрос о естественном происхождении царской власти.

«Жил в Мидии мудрый (σοφός) человек по имени Деиок, сын Фраорта. И именно потому-то Деиок и был честным (ἰθὺς) и праведным (δίκαιος) судьей, что стремился к царской власти» (I.96). Наряду с лестной с первых строк характеристикой Деиока бросается в глаза утверждение, что добродетелью, определившей все остальные черты справедливого царя, было само страстное желание (ἐρασιθεῖς) стать царем.

За этим следует сюжет буквально «легитимации» власти Деиока. Во-первых, несмотря на то, что мидянин прибегает к хитрости, на царствование его все же избирает народ. Он не обманывает мидян и не захватывает власть силой – Деиок, скорее, подталкивает людей к единственно верному и необходимому в данном случае решению (I.98). Во-вторых, стоит обратить внимание, что Деиок оправдывает свой отказ от обязанностей судьи тем, что для продолжения судебной деятельности он будет вынужден пренебрегать личными делами. И затем, когда возникает вопрос, как восстановить порядок и справедливость, народ единогласно принимает решение избрать бывшего судью царем. То есть всем действующим лицам здесь будто очевидно, что царь, в отличие от судьи, никак не может пренебречь общественными делами в угоду своим собственным.

Новелла о Деиоке очень коротка, но она видится нам очень важной. Раскрывается тема узаконения монархической власти [3, с. 135]. К ней Геродот возвращается еще один раз в логосе о споре трех персидских вельмож (III.80-83). Историк устами Мегабиза, Отана и Дария словно сталкивает меж собой демократию, олигархию и монархию. Последняя из этого спора выходит логическим победителем: ведь всякая демократия и олигархия приводит к спорам и распрям. «Так идет дело, пока какой-нибудь народный вождь не покончит с ними. За это такого человека народ уважает, и затем этот прославленный [вождь] быстро становится единодержавным властителем» (III.82).

Сложно сказать, являются эти новеллы простой трансляцией персидских преданий или же они были обработаны в ключе политической философии Геродота. Можно с уверенностью сказать лишь о том, что обе они в значительной мере эллинизированы, о чем нам говорит обилие греческих понятий [3, с. 136]. Поэтому мотив узаконения власти царя у нас как бы вынесен за скобки, однако он заслуживает упоминания.

Мотив мудрого предостерегающего советчика становится у Геродота своего рода ключом ко всем остальным сюжетным темам в историях некоторых царей; это действительно излюбленный историком образ [6, с. 72]. Во время визита у Креза Солон ставит сразу несколько проблем, которые затем красной нитью тянутся через всю «Историю». В первую очередь, речь, конечно, о проблеме личного счастья (εὐδαιμονία), через которую раскрываются затем царские (и вообще человеческие) пороки. Солон утверждает, что нельзя называть человека счастливым (ὀλβιος) до тех пор, пока он не умер, а именовать его можно лишь удачливым (εὐτυχός). «Ведь уже многим божество [на миг] даровало блаженство, а затем окончательно их погубило» (I.96). Но что же может отнять у человека его успех?

Его сопротивление судьбе и божественному космизму мира. Безмерность и спесь – словом, то, что для любого эллина является понятным нравственным пороком, за который положена божественная кара.

Тема гордыни и возмездия вообще достаточно широко распространена в древнегреческой литературе и мифологии. Гордыня-ὑβρις по весьма точному определению И.Е. Сурикова – это «дерзостное стремление человека подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка» [7, с. 32].

Явный пример вызова божеству и судьбе является истолкование двусмысленных пророчеств и снов в свою пользу. К оракулам, к слову, Геродот испытывает несомненное уважение. Хрестоматийным является пример Креза, который оба раза трактует слова прорицателя в свою пользу. «...если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство» (I.53), – конечно, Крез полагает, что речь о царстве персов. А слова «Коль над мидянами мул царем когда-либо станет» (I.55) лидийский царь понимает прямо, не догадываясь о том, что под мулом имеется в виду сын перса и мидянки – царь Кир.

Неверно истолкованный сон впоследствии вскрывает страх и самого Кира о своей власти, ведь на пике своего могущества он убежден, что будет свергнут Дарием. Двумя главными причинами похода на массагетов Геродот называет возвысившееся над человеческим самонимие Кира (τὸ δοκέειν πλεον τι εἶναι ἀνθρώπου) и до сих пор сопутствующую ему в войнах удачу (εὐτυχίᾳ) (I.204). Здесь мы также видим несомненное проявление ὑβρις.

Второй стороной ὑβρις царей является их безмерность (в сущности, качество, обратное σωφροσύνη). Отсутствие меры буквально во всем (во власти, в богатстве и даже в той самой удаче-εὐτυχίᾳ) вызывает у Геродотова божества зависть (φθόνος). «Всякое божество завистливо [ревниво] и склонно к разрушению» (I.32).

При чем даже в том случае, когда человек осознает свою безмерность, внимает советам мудреца, ничто не может уберечь его от собственной судьбы. Таков сюжет и о царе Самоса Поликрате, чрезмерные успехи которого встревожили Амасиса. Фараона беспокоило то же самое, что и Солон и Артабана: счастье не может сопутствовать вечно; безмерная удача разгневает богов. Поликрат внял совету друга и распрощался с самым драгоценным и любимым кольцом, которое затем вернулось к нему в пойманной рыбе, а сам царь погиб недостойной смертью (III.40-43, 125).

Своего рода точкой невозврата становится момент пересечения царем условной водной границы. Переход Крезом Галиса, Киrom Аракса, Дарием Дуная, Ксерксом Геллеспонта – все это те моменты, после которых удача покидала царей. В историографии отмечено предположение, что это связано также с божественным характером восприятия водных границ, нарушение которых тоже можно трактовать как безмерность [4; 6].

Дария и Ксеркса аналогично пытался убедить не переходить Дунай и Геллеспонт советчик Артабан, фактически вторя Солону и затрагивая все упомянутые мотивы. Снова утверждается безвластие над собственной судьбой: каким обдуманым бы не было решения Ксеркса, если ему уготовано роком потерпеть поражение – так оно и будет. «Напротив, тому, кто принял плохое решение, может, если судьба к нему благосклонна, выпасть даже неожиданное счастье, но,

несмотря на это, решение остается не менее плохим. ...перуны божества поражают стремящиеся ввысь живые существа, не позволяя им возвышаться в своем высокомерии над другими. Малые же создания вовсе не возбуждают зависти божества» (VII.10).

Так или иначе, всех возгордившихся, безмерных и вызвавших зависть у богов судьба карает возмездием (νέμεσις). Ибо все перечисленное есть нарушение эллинского божественного порядка, космоса. Итак, круг судьбы завершается тем, что всякий царь, безмерный и гордый, терпит неудачу, и остается несчастным.

Все эти сюжеты подводят нас к явному выводу о неизбежности судьбы, которая тем более наказывает всякого, кто пытается ей противиться. Не уберегает даже мудрый советник. И даже наученный своим несчастьем Крез, предупреждающий Кира о том, что удаче свойственно покидать своих любимцев (I.207), не только не спасает персидского царя от его неизбежной гибели, но сам становится ключом к ней.

Таким образом, можно предположить, что Геродот, поэтически связывая единой сюжетной структурой новеллы о гордых царях, демонстрирует нам своего рода этическое и, вполне возможно, политическое нравоучение. В его основе лежит, с одной стороны, вопрос о власти человека над собственной судьбой, а с другой – проблема подлинного счастья. Несчастье, потеря удачи – это и есть своего рода возмездие богов возгордившемуся, не знающему меры.

На мысли о том, что такой поэтический вид новеллам придал сам Геродот, нас наталкивает тот простой факт, что вышеупомянутых советчиков попросту не могло быть. Солон никак не мог видаться с Крезом, так как жил несколько раньше. А Крез, в свою очередь, скорее всего погиб при штурме Сард и никак не мог давать советов Киру и Камбису. Очевидно, историку был нужен *понятный читателю образ* мудреца. Если о Солоне, наверняка, знал каждый грек, то образ Креза, судя по всему, Геродот соткал самостоятельно, проводя мысли об удачливости, счастье и неизбежности судьбы через логосы о царях [10, р. 50]. То есть историк в какой-то мере пренебрегает достоверностью отдельных фактов в угоду определенной общей теме. А ведь это как раз то, в чем Геродоту отказывает Аристотель.

Логосы о несчастьи Креза, Кира и многих прочих царей в «Истории» сопоставимы с трагедией Софоклова Эдипа. Персонажи эти, зачастую даже движимые благой целью, не в состоянии противостоять воле судьбы и страдают как будто ни за что. Как справедливо заметил И.Е. Суриков, трагедия Эдипа есть не трагедия вины, но трагедия Рока [7, с. 27].

Утратив свои богатства и власть, Крез, подобно Эдипу, ослепши «прозревает»; стоя на костре перед Киrom, он вспоминает Солона, ведь счастье его оказалось зыбким и ложным, как и предрекал мудрец (I.86). Волею божества лидийский царь был наказан за спесь, лишившись своей удачи, и лишь его же волею он был спасен. Происходящее переменялось к противоположному; успех обернулся неудачей, а пророчество о гибели великого царства оказалось предназначено Лидии.

И, что самое интересное, под один из поэтических приемов, описанных Аристотелем, прямо подпадают сюжеты о царях в «Истории». «Перемена происходящего к противоположному» (Aristot. Poet. 1452a), – так Аристотель определял перипетию (περιπέτεια) в сюжете. В трагедии за ней всегда следует узнавание (ἀναγνώρισις), момент прозрения. Философ в «Поэтике» дает в качестве примера перипетии и узнавания трагедию Софокла «Царь-Эдип». На наш взгляд новеллы о царской власти в «Истории» (особенно логос о Крезе) также является примером этого поэтического приема.

Итак, если Геродот действительно приложил руку к сюжетной обработке фольклорных историй, то он явно стремился подбирать наиболее понятные и рафинированные образы некоторых персонажей, чтобы пороки и добродетели их выступали наиболее явно: если человек, соvrащенный безмерностью и гордыней, то богатый и властный монарх; если мудрый советник, то философ и политик Солон и т.д. Образ царя в этой поэтической системе занимает особое место, воплощая в себе общечеловеческие проблемы счастья, гордыни, безмерности и возмездия и словно вступая в вечный диалог о власти над собственной судьбой. Сюжетам фольклорных логосов был придан ясный эллинистический вид. Пусть сюжеты эти местами будто бы стихийны и неравномерны (новеллы о Крезе и Кире вне сомнений являются наиболее проработанными из всех) и уж тем более далеки от уровня Софокла или Эсхила, все же, на наш взгляд, в них есть место поэтическим приемам и художественной образности.

Литература

1. Аристотель. Поэтика / пер. В.Г. Апеллерота под ред. Ф.А. Петровского // Поэтика. Риторика. М.: Лабиринт, 2000. С. 149–181.
2. Геродот. История: в 9 кн. / пер и прим. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. А. Утченко; ред. перевода Н. А. Мещерский. Л.: Наука. 1972. 600 с.

3. Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль у Геродота. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1957. 201 с.
4. Сапогов А.С. Кир и Крез у Геродота: проблема пересечения водных границ // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 23. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=23751> (Дата обращения: 01.04.2022).
5. Соболевский С.И. Геродот // История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М.: Издательство АН СССР, 1955. Т.2. С. 28–69.
6. Суриков И.Е. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота) // История: Мир прошлого в современном освещении: Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э.Д. Фролова / Под ред. проф. А.Ю. Дворниченко. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. С. 67–82.
7. Суриков И.Е. Чему учила «диалогия» Софокла об Эдипе? // Hypothekai: Журнал научных статей по истории античной педагогической культуры. 2018. № 2 (2). С. 17–33.
8. Чугунов А.А. Царь Крез и его место в «Истории» Геродота // Исследования молодых ученых: материалы IX Международной научной конференции (г. Казань, апрель 2020 г.) / под ред. И.Г. Ахметова и др. Казань: Молодой ученый, 2020. С. 33–34.
9. Gammie J. G. Herodotus on Kings and Tyrants: Objective Historiography or Conventional Portraiture? // Journal of Near Eastern Studies. 1986. Vol. 45. No. 3. P. 171–195.
10. Kindt J. Delphic Oracle Stories and the Beginning of Historiography: Herodotus' Croesus logos // Classical Philology. Chicago, 2006. Vol. 101. P. 34–51.

Фомин М.В.

О РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ УКРЕПЛЕНИИ НА МЫСЕ КУЛЕ-БУРУН (СЮЙРЕНЬ-ШИВАРИН)

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. Крепость была построена в конце VI в. и играла значительную роль в системе обороны Византийского Херсона. Со временем крепость была перестроена, был добавлен этаж в башне, старые ворота заложены, новые перенесены на место потерны в стене.

Abstract. The fortress was built at the end of the 6th century and played a significant role in the defense system of Byzantine Cherson. Over time, the fortress was rebuilt, a floor was added to the tower, the old gate was laid by stone, the new one was moved to the place of the pattern in the wall.

Ключевые слова: Сюйрейская крепость, Юго-Западный Крым, «Длинные стены», фортификация, Византия, Херсонес-Херсон.

Key words: Syuyren fortress, Southwestern Crimea, "Long Walls", fortification, Byzantium, Chersonese-Cherson.

Исследование памятников Крыма началось фактически с конца XVIII в. Но и сегодня многие вопросы остаются до конца не изученными. В первую очередь это касается «Пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Одним из них является Сюйренская крепость, расположенная на мысе Куле-Бурун в районе села Малая Садовая (быв. Кучук-Сюйрен). Она возвышается над одной из важнейших крымских магистралей, проходящей в долине реки Бельбек и соединяющих степной Крым с побережьем. С территории крепости визуально контролируется фактически вся долина до главной гряды Крымских гор.

Об укреплении на мысе Куле-Бурун указывают Келлер [9, с. 372–396] и Г.Э.Караулов [8, с. 1–24]. В разное время крепость привлекала внимание Е.В.Веймарна и Н.И.Репникова [2, с. 115–125], М.А.Тихановой [15, с. 324], А.А.Якабсона [17, с. 120–122; 18, с. 11–26], Д.Л.Тилиса [14, с. 217–229], И.А.Баранова [1, с. 88–92], В.А.Мыца [11, с. 135], О.В.Вуса [5, с. 54–56], М.В.Фомина [16, с. 90], В.В.Майко [3, с. 458–464], В.В. Лаврова [10, с. 344–347].

Ожье Гислен де Бусбек (1522–1592 гг.) упоминает крымских жителей (гота и грека), которые рассказали ему о главных центрах горной Таврики – Мангупе и Шиварине. Именно с Шиварином в литературе не редко отождествляют Сюйренское укрепление [6, с. 54–56], [16, с. 90].

На территории крепости проводились археологические исследования, которые выявили плотную застройку территории [4, с. 313–315], [1, с. 91], [14, с. 218–229], [11, с. 23]. Материалы, полученные в результате исследований, легли в основу выводов, переходящих из одного издания в другое. Но при этом многие вопросы остаются открытыми. Данная работа является попыткой на основании опубликованных результатов исследований Сюйренской крепости, а также личных наблюдений на территории городища восстановить историю развития инженерных сооружений крепости.

Крепость. Укрепление развернуто фронтом к юго-востоку, перегораживая мыс Куле-Бурун двумя куртинами, сходящимися под тупым углом (около 132 гр.) к круглой башне, вынесенной во фронт обороны. Общая длина укрепленного периметра – 110 м [11, с. 34].

Стены. Толщина куртин почти точно соответствует византийскому стандарту – 2,5 м, сохранившаяся высота достигает 4,5 м. Стена, скорее всего, имела ступенчатый рисунок фасада, парапет и зубцы-мерлоны с клиновидным завершением. Составные части зубцов и квадраты верхних рядов кладки и сегодня можно наблюдать лежащими под куртиной. Стена двухпанцирная, сложена в технике (opus quadratum). Пространство между панцирями заполнено бутовым камнем с добавлением сухой извести, что хорошо визуально прослеживается.

С внешней стороны защитников прикрывал парапет с мерлонами, общей высотой порядка 1,8–2 м. В развале стен прослеживаются колпаки мерлонов треугольной формы (0,45х0,5х0,9 м). Это позволяет предположить, что толщина парапета была около 0,5 м, ширина мерлонов 0,9 м. расстояние между ними так же около 0,9 м. На внутренней стороне стен просматриваются ложа под деревянные конструкции боевой площадки.

Ворота. Первоначально ворота крепости находились под прикрытием башни. В юго-западной куртине сохранились остатки прохода, в литературе не редко упоминаемые как «потерна» (вылазная калитка). Во время перестройки «потерна» была перестроена в ворота

после того, как были замурованы главные ворота, а с юго-востока проложен новый путь к крепости [1, с. 89]. Такая перестройка может быть отнесена к XIII-XIV вв. Этим временем датируется сооружение на расстоянии 240 м от основных укреплений дополнительной стены длиной 145 м [11, с. 135], перегадившей мыс Куле-Бурун.

Башня. Центром обороны крепости была круглая башня. Сегодня, она сохранилась на высоту 10 м и имеет два этажа. Стены башни сохранили ниши от балок деревянных перекрытий между этажами. Верхнее перекрытие было выложено клиновидными блоками. Сверху находилась боевая площадка, выложенная отёсанными прямоугольными известняковыми плитами. С учетом парапета и зубцов башня могла достигать около 12 м. Диаметр сооружения составляет 8 м. толщина стен составляла порядка 1,5 м. В нижнем ярусе башни сохранилось две амбразуры, а на втором этаже в толще стены были оборудованы три площадки (полностью сохранилась одна), которые имели полуциркульный верх и разгружающие арки [6, с. 54–56]. Размер площадок примерно 1,70 м в высоту и 1,5 м в ширину. Внутри этих площадок могли быть установлены баллисты, которые по настильной траектории прямой наводкой простреливали конечный участок поднимающейся к главным воротам дороги. Во время раскопок 1978 г. на Куле-Буруне было найдено около 500 боллов – круглых каменных ядер небольшого калибра для баллист [4, с. 314].

Сохранившиеся изображения башни XIX в. демонстрируют внешнюю лестницу, которая вела на боевую площадку из крепости. Следы ее частично сохранились и сегодня.

Визуальный осмотр башни позволяет выделить как минимум два строительных периода. Техника кладки стен и башни первого периода полностью совпадают. Во время первого, была построена стена и невысокая башня с зубцами. Во время второго башня была достроена. Верхний ярус возводился с использованием цемянкового раствора.

Возведенная не ранее второй половины VI в. крепость являлась частью глобальной системы обороны, создание которой было положено в период правления императора Юстиниана для защиты главной базы Империи в Северном Причерноморье – Херсонеса-Херсона. Непосредственно Сюйренское укрепление несло функции защиты «Байдарских ворот», помимо крепости, включавшей боевую площадку, высеченную в скале на высоте 15-18 м с правой стороны каньона. О.В.Вус предполагает присутствие здесь одного из фрагментов «длинных стен» (о возведение которых упоминает Прокопий Кесарийский), перекрывавший Байдарские ворота в узком месте. В таком случае площадка, «стены» и крепостью составляли единый комплекс обороны в VI-VII вв. [5].

Неоднократные исследования в окрестностях с. Малое Садовое выявили следы густой заселенности территории в V-VII вв. [12, с. 316–317], [13, с. 320] Которые бы не могли существовать в условиях отсутствия инженерной системы обороны, в условиях постоянной угрозы нападения кочевников.

Крепость имела прямую видимость с Мангутом. На самом конце мыса Коле-Бурун остались следы деревянных конструкций в виде углублений в скале. Можно предположить, что часть из них могла принадлежать башне, с которой, в случае необходимости, могли сигнализировать на Мангут.

Таким образом пограничный бург Шиварин был возведен на командной высоте в Бельбекском каньоне во второй половине VI в. вероятно при помощи византийской администрации Херсонеса-Херсона для обеспечения контроля за передвижением в предгорьях, появившихся в Таврике войск Тюркского каганата и защиты местного населения, союзников Империи Ромеев.

В IX-X вв. крепость была перестроена и превратилась в один из многих небольших средневековых горнокрымских городков. Боевая площадка башни поднята на еще один этаж. На территории крепости во время раскопок были открыты следы пожара, которые относятся ко второй половине XIII в. вероятно связаны с татарскими набегами. К этому времени относятся так же обнаружены при раскопках закрытые комплексы [3, 313–315; 11, с. 55].

По всей видимости, в период восстановления крепости в конце XIII в. на втором этаже была создана часовня. Стены и свод башни расписаны фресками [7]. К сожалению, сегодня они почти не просматриваются, но путешественники и исследователи XIX в. сохранили их описания и изображения.

Литература

1. Баранов И.А. Археологическая разведка на территории Сюйренского укрепления в Крыму // АПУ 1968 г. 1971. Вып. 3. С. 88–92.
2. Веймарн Е.В., Репников Н.И. Сюйренская крепость; Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931-1933 гг. // ИГАИМК. 1935. № 117. С. 115–125.
3. Воронин Ю. С., Майко В. В., Кутайсов В. А. Археологические раскопки Сюйренского укрепления 1978-1979 гг. Раскоп I // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь, 2014. С. 458–464.

4. Воронин Ю.С., Даниленко В.Н., Кутайсов В.А. и др. Работы в Бахчисарайском районе // АО 1978 г. М., 1979.
5. Вус О.В. Оборонна доктрина Візантії у Північному Причорномор'ї: інженерний захист Таврики та Боспора в кінці IV – на початку VII ст. Львів: Тріада Плюс, 2010. 304 с.
6. Вус О. В. Ранневизантийский бург Шиварин в горном Крыму // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византистов / Под ред. М.В. Грацианского, П.В. Кузенкова. Москва–Белгород: Эпицентр, 2016. С. 54–56.
7. Домбровский О. И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966.
8. Караулов Г.Э. Древнее Суюренское укрепленной башня на Бельбеке // Новороссийский календарь. Одесса, 1861. С. 1–24.
9. Келлер. Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Келлером о путешествии его в Крым в 1821 г. // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 372–396.
10. Лавров В.В. История изучения Суюренского укрепления /В. В. Лавров // История и археология Крыма. 2016 Вып. III. С. 344–347.
11. Мыш В.А. Укрепления Иаврики X-XV вв. Киев: Наук, думка, 1991. С. 135.
12. Омелькова А.А. Изучение сельских поселений в Бельбекской долине // Археологические открытия 1979 г. Москва: Наука, 1980. С. 316–317.
13. Омелькова А.А. Исследования раннесредневековых памятников в Бельбекской долине // Археологические открытия 1986 г. Москва: Наука, 1988. С. 320.
14. Талис Д.А. Суюренская крепость // ВВ. 1972. Т. 33. С. 217–229.
15. Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА, 1953. № 34. С. 324.
16. Фомин М. В. Про гірську фортецю Суюрень (Шиварін) // Проблеми історії та археології України. Матеріали VIII Міжнародної наукової конференції. Харків, 2012. С. 90.
17. Якобсон А.А. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 120–122.
18. Якобсон А.А. Средневековый Крым. М.; Л. 1964. С. 11–26.

СЕКЦИЯ «История и археология Большого Средиземноморья в средневековье»

УДК 94/904

DOI 10.5281/zenodo.7270788

Белоусова А.И.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ ГЕНУЭЗСКИХ ФАКТОРИЙ НА ПРИМЕРЕ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО-БАЛАКЛАВА

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье рассмотрены события XIII–XVIII вв в регионе Северного Причерноморья. Описано одно из поселений подконтрольного Генуе государственного образования. Отмечено, что появление генуэзцев в пределах современной Балаклавы относится к первой половине XIV в. Крепость Чембало охарактеризована как один из самых значимых торговых узлов в системе средневековой экономики Таврики, а также как многоконфессиональный и полиэтнический город. Для детального раскрытия темы многоконфессиональности населения Чембало были привлечены результаты археологических исследований, которые подтвердили факт значительного перевеса православного населения по сравнению с представителями других конфессий. Подчеркнута необходимость продолжения исследований на территории крепостного ансамбля Чембало-Балаклава.

Abstract. The events of the 13th–18th centuries in the Northern Black Sea region are considered. One of the settlements of the state formation controlled by Genoa is described. It is noted that the appearance of the Genoese within the modern Balaklava dates back to the first half of the 14th century. The fortress of Chembalo is characterized as one of the most significant trading hubs in the system of the medieval economy of Taurica, as well as a multi-confessional and multi-ethnic town. Disclosing the topic of the multi-confessional population of Chembalo, authors involved the results of archaeological research. They confirmed the fact that the Orthodox population significantly outnumbered the representatives of other confessions. The need for further archaeological survey on the territory of the fortress ensemble Chembalo-Balaklava is emphasized.

Ключевые слова: Чембало, Балаклава, Генуэзская республика, Генуэзская Газария, Северное Причерноморье, Крымский полуостров, археологические исследования.

Key words: Cembalo, Balaklava, Genoese Gazaria, Northern Black Sea Coast, Crimean Peninsula, archaeological research.

На протяжении XIII–XIV вв. в регионе Северного Причерноморья усилиями Генуэзской республики постепенно складывалась сеть поселений и торговых факторий. К концу XIV в. окончательно оформленное подконтрольное Генуе государственное образование включало в себя поселения от дельты Дуная (Ликостомо, Килия) до Крымского полуострова (Солдайя, Каффа, Воспоро, Чембало). Верховная власть над этими землями принадлежала консулу, который находился в столице этих владений – Каффе (Феодосия). Подобное объединение обеспечивало торгово-экономическое превосходство Республики Святого Георгия в пределах региона Северного Причерноморья на протяжении XIV–XV вв. Подобная роль городов определила и пестроту народов, посещающих или постоянно проживающих в этих землях. Часть населения представляли латиняне: выходцы из самой Генуи, а также из Германии, Польши, Испании, Франции и Венгрии. Однако по численности населения латиняне значительно уступали не латинянам, чаще всего, армянам и грекам. Кроме того, среди населения нередко встречались представители еврейской, русской, караимской, татарской общин. И даже кавказские народы. Об этом можно судить, исходя из информации, содержащейся в письменных источниках. Также согласно сохранившимся данным у представителей каждой из этих общин имелись свои кварталы, центрами которых выступали сакральные сооружения представителей того или иного вероисповедания. Подобная практика встречается, к примеру, на территории одной из самых значимых генуэзских крепостей, руины которой находятся в 12 км. от центра Севастополя на южной окраине Балаклавы, на скалистом мысу горы Кастрон. Сохранившиеся на сегодняшний день руины стен и башен ограждали с северо-востока и востока территорию, приблизительно равную 3,5 га. Речь идет об уникальном средневековом крепостном ансамбле Чембало. Появление генуэзцев в пределах современной Балаклавы относится к первой половине XIV в. [14, с. 531]. На рубеже 1344–1345 г. Генуэзцы в спешке сооружают в Чембало некоторые укрепления. К моменту монгольского нашествия

на крепость, генуэзцы успеют частично укрепить только внешний периметр, с северо-восточной стороны, валом с деревянным палисадом (частоколом) и земляным рвом. Аналогичным образом в первое время были укреплены Каффа и Сугдея. Долгое время многие исследователи считали, что в Чембало не мог быть сооружен ров и вал в виду сложившихся особенностей рельефа. Однако на северо-восточном склоне сохранились реальные остатки этих фортификационных сооружений [1, с. 53]. Выполненная сотрудниками Южнокрымской археологической экспедиции (С.Б. Адаксина, В.А. Мыц) инструментальная съемка памятника позволила проследить вал с внешним и внутренним рвами на протяжении около 110 м. [2, с.165], [15, с.103]. Общая протяженность с северо-востока – не менее 300 м, с востока – 110 м. На практике этого оказалось недостаточно, и в конечном итоге город со всеми деревянными конструкциями и укреплениями подвергся пожару и разорению со стороны монгольского войска. В то время как большая часть местного населения укрылась в горной местности. Впоследствии, выполняя ремонтные работы пострадавших от землетрясения и осады укреплений, генуэзцы не станут реконструировать палисад, ров и земляной вал [7, с. 15]. На тот момент фактория не только не являлась густонаселенной, но и не успела окончательно сформироваться в качестве одного из торговых узлов Северного Причерноморья [14, с. 531].

Тем не менее, генуэзцам вскоре всё же удастся основательно закрепиться в Чембало. И значительно нарастить торгово-экономический потенциал города. В частности, содержащиеся сведения в ряде документов конца XIV столетия позволяют заключить, что Чембало постепенно получает роль одного из самых значимых рыночных узлов. Основными предметами экспорта из местного порта являлись кожа, соль и лен. Татары здесь в основном занимались работоторговлей. Латиняне перевозили из Европы различные ткани. Сами генуэзцы поставляли на рынок Чембало большое количество фруктов и овощей, зерно, вино, рыбу и другие продукты, которыми славилась сельская округа генуэзских факторий [14, с. 532]. Таким образом, Чембало наравне с другими генуэзскими торговыми поселениями превращается в многоконфессиональный, полиэтнический город. И несмотря на то, что территория принадлежала католикам, главенствующее положение по численности населения на этой территории занимали православные греки. Остальной процент составляли католики, армяне, мусульмане и иудеи. Такой вывод можно сделать не только благодаря информации из письменных источников. Но и, если опираться на данные многолетних археологических исследований.

За время проведения сотрудниками совместной Южно-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и Национальным заповедника «Херсонес Таврический» археологических изысканий на территории средневековых крепостных укреплении Чембало в период с 1991 по 2018 гг. было изучено 5 христианских культовых сооружений, принадлежащих различным городским общинам. Из них католическим храмом являлась так называемая «Консульская церковь». Церковь расположена на крутом склоне в западной части горы Кастрон на высоте 45 м. над уровнем моря. С западной стороны примыкает к консульскому замку Св. Николая. По по одной из версий, с конца XIV в. и до начала османского присутствия, составляла единый комплекс с остальными строениями замка [9, с. 214]. Однако, согласно мнению С.Б. Адаксиной и В.А. Мыца, однозначно утверждать, что храм являлся единым комплексом с консульским замком, нельзя. По крайней мере до того момента, пока не будет обнаружено примыкание крепостных стен к церкви с северо-запада и севера. Что в свою очередь дало бы возможность изучить оборонительную систему в данной части замка [8, с. 15].

Исходя из расположения церкви, С.В. Дьячков и Н.А. Алексеенко предположили, что храм, вероятнее всего, был воздвигнут в честь св. Николая, считавшегося покровителем мореплавателей. Однако С.Б. Адаксина и В.А. Мыц на страницах одного из своих последних исследований, посвящённых чембальским культовым сооружениям, отмечают, что западный склон г. Кастрон, на котором, собственно, и возведен храм, именуется мысом не св. Николая, а св. Георгия. Из чего следует и их предположение о возведении церкви именно во имя св. Георгия – одного из главных генуэзских святых. Остатки данного культового сооружения были впервые раскопаны в 1991 г., объединённой экспедицией Института археологии Российской академии наук во главе с А.В. Сазановым, и сотрудников Херсонесского музея под руководством Н.А. Алексеенко. Тем самым было положено начало современному периоду в истории исследования крепости Чембало. Повторное изучение происходило в 1999–2003 гг. совместной экспедицией Харьковского Национального университета им. В.Н. Каразина (С.В. Дьячков) и Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Н.А. Алексеенко). А также в 2018г. сотрудниками Государственного Эрмитажа (С.Б. Адаксина, В.А. Мыц) [9, с. 214].

В результате детального изучения территории храма в течении нескольких полевых сезонов (1991, 1999–2003, 2018) церковь была не до конца открыта с внешней стороны, но в полной мере открыта с внутренней. До сих пор остаются неизученными юго-западный и юго-восточный периметры сооружения [9, с. 214]. Что и дает возможность предполагать даль-

нейшие векторы исследования храма. Исходя из аналитических данных, основанных на результатах проведения археологического исследования, в ходе которых были обнаружены различные архитектурные части храма, можно заключить, что «консульская церковь» функционировала не только в генуэзский период. Но и на протяжении еще какого-то срока после перехода крепости под османский контроль в 1475 году. О чем, в частности, свидетельствуют данные стратиграфического анализа внутри помещения. Было установлено, что среди камней в полу храма присутствуют различные детали иных архитектурных сооружений. Причиной такого вторичного использования архитектурных деталей вероятнее всего являлся существующий в Османской империи запрет на сооружении новых христианских церквей при возможности реконструировать старые, чем и воспользовалось христианское население Чембало.

Другой культовой постройкой Чембало является так называемый «Двухапсидный храм». Руины данного сакрального сооружения находятся на вершине г. Кастрон в 2,50 м. к юго-западу от донжона цитадели на высоте 115,62–115,92 м. над уровнем моря. Церковь была сооружена в середине XV в. на вершине г. Кастрон. История ее функционирования, по всей видимости, была недолгой. Если судить по обнаруженным нумизматическим находкам, возведенный в середине XV века двухапсидный храм уже к окончанию того же столетия подвергся разрушению [9, с. 219–220]. Однако именно этот храм не может быть отнесен четко к одной конфессии, т.к. по мнению С.Б. Адаксиной и В.А. Мыца, данная церковь могла одновременно служить и для православных, и для католиков, которые совершали богослужения одновременно в разных частях одного здания, разделенного стеной [9, с. 232].

Помимо вышеизложенного, в результате археологических исследований также был подтвержден факт значительного численного превосходства православного населения над представителями других конфессий. Было установлено, что помимо «Двухапсидного храма», который возможно использовался православными греками, православными церквями являлась ещё 2 из 5 изученных храмов. Речь идет о часовне у городских ворот и о церкви Богородицы Оранты (?). Первая из них – «Часовня у городских ворот» располагалась у дороги, шедшей от проезда городских ворот к консульскому замку св. Николая (1388–1475 гг.), в пределах северо-западного склона г. Кастрон на одной из искусственных террас. Храм был сооружен не раньше первой–второй четверти XV в. Скорее всего, церковь была частью инфраструктуры городского квартала, который здесь находился. Руины часовни были исследованы сотрудниками Южно-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (С.Б. Адаксина, В.А. Мыц) в 2007 г. [3, с. 9–22]. Было выдвинуто предположение, согласно которому, более века (20–40 гг. XV в. – 80-е гг. XVI вв.) храм служил усыпальницей. В течение этого времени в храме было захоронено не менее 60 человек. А обнаруженные в храме монетные находки рубежа XVI–XVII вв. служат прямым подтверждением того, что церковь продолжала функционировать и после захвата крепости турками-османами в 1475 году. В то же время, единственная обнаруженная в ходе исследования храма монета 40-х–80-х гг. XIV в. указывает на то, что здесь могла существовать и более ранняя застройка. Однако, чтобы доказать этот факт, необходимо продолжение археологических исследований внутри города [4, с. 21].

Что касается церкви Богородицы Оранты (?), следует упомянуть, что размещалась она к северо-западу от главных крепостных ворот Чембало на отдельной искусственной террасе. Время сооружения церкви относится либо к рубежу XIII–XIV вв. Либо к началу XIV в. [9, с. 223]. В то время как дата прекращения его функционирования относится или ко второй половине XVI в., или ближе к концу того же XVI в. [9, с. 225]. Руины храма были исследованы сотрудниками Южно-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (С.Б. Адаксина, В.А. Мыц) в 2009 г. [5, с. 46–61]. Последним из тех храмов, который был исследован археологами в Чембало, но не упомянут в рамках данного исследования, является армянская церковь. Храм располагался на той же террасе, что и двухапсидный храм XV в. У дороги, шедшей к консульскому замку св. Николая. Исходя из данных четырех карт 1771–1817 гг., следует, что на данной территории еще в конце XVIII в. находилась церковь, а к северо-востоку от нее довольно большая (хозяйственная или жилая?) постройка [6, с. 8].

Начало строительных работ на данной территории датируется первой половиной XIV столетия. Тогда, вероятно, было выстроено первоначальное культовое сооружение. После «строительная история» церкви еще не раз будет изменена. Точно могут быть подтверждены два периода проведения перестройки и ремонтных работ. Один из них относится к XV в. Когда на протяжении XV–XVII вв. церковь находилось в собственности у представителей армянской общины (халкидониты). Возможно, возвели ее во имя св. Апостолов Петра и Павла [9, с. 227]. Памятник исследовался сотрудниками Южно-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (С.Б. Адаксина, В.А. Мыц) в 2014–2015 гг. [6, с. 7–35]. Среди наиболее примечательных здешних находок следует уделить особое внимание 17

фрагментам армянских надгробных плит. 1 из них мраморная белого цвета с примесью серых прожилок. В то время как материалом для остальных выступил нуммулитовый известняк. На ряде плит имеются рельефные кресты с подводкой красного и желтого цветов. 8 из них выделяются наличием эпитафий с примерами армяноязычных текстов. Только 1 такая плита с надписью уцелела полностью. Хронологические рамки всех вышеупомянутых экземпляров определяются XVI–XVII вв. [8, с.35].

Гораздо меньше мы знаем о мечетях крепости Чембало. На данный момент мы имеем лишь теоретическое представление о локализации балаклавских мечетей. Имеется в виду отсутствие археологических подтверждений в отношении уже затронутого вопроса о местах расположения мусульманских храмов в пределах территории османской Балаклавы. Отсутствуют и точные данные о размерах и внешнем виде мечетей.

О наличии мечетей сообщается из письменных источников, относящихся только к османскому периоду крепости (после 1475 г.), когда бывшая генуэзская фактория, утратив прежнее значение, перестанет быть центром торговли, превратившись в периферийный османский гарнизон. В первой половине XVI в. (1520 г.) уже была воздвигнута большая пятничная мечеть (мечеть Джами-и-Кебир), находившаяся неподалеку от ворот башни консула Барнабо Грилло на площади у подножья г. Кастрон. И служившая правоверным, населяющим один из самых первых и самых больших мусульманских кварталов крепости [13, с. 18].

Известно, что к наступлению 1542 года в городе появится и малая пятничная мечеть (Мечеть Халзе). Располагалась она вне крепостных стен, как и примыкающий к ней квартал. Если исходить из замечаний знаменитого турецкого путешественника Эвлии Челеби, посетившего эти места спустя более чем столетие (1666 г.), количество мечетей за этот срок не изменилось. Он упоминает всего две мечети. Одна из которых – квартальная, другая – соборная [11, с. 325].

Согласно данным из письменных источников, в предместье Балаклавы – селении Кадыкой не было воздвигнуто отдельной мечети, не смотря на тот факт, что эти земли по большей части населяли татары. Однако в данном случае стоит упомянуть храм Св. Живоначала Троицы. Возможно, именно он был переоборудован мусульманами в мечеть. По крайней мере, именно на этом факте настаивало местное греческое население, когда в 1805 году просило разрешения на перестройку мечети в церковь. Но данное предположение по-прежнему нуждается как минимум в археологическом обосновании путем тщательного изучения руин разрушенного сакрального сооружения [13, с.19].

Исходя из данных иконографического материала, Балаклавские мечети перестают функционировать уже в первой половине XIX в.

Таким образом, полиэтничность, являющаяся одной из характерных черт генуэзских владений в регионе Северного Причерноморья возможно проследить, в частности, благодаря археологическим исследованиям, не только генуэзской столицы Каффы, но и в меньших городах, подконтрольных Республике Св. Георгия. В данном случае одним из самых подходящих примеров выступает именно крепость Чембало.

Литература

1. Адаксина С.Б. Отчет об археологических исследованиях крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 г. СПб.; Симферополь, 2003. 184 с.
2. Адаксина С.Б. Отчет об археологических исследованиях крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. СПб.; Симферополь, 2004. 253с.
3. Адаксина С. Б., Мыц В. А. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2006 г. СПб.; Симферополь, 2007. 227 с.
4. Адаксина С.Б., Мыц В.А. Отчет об археологических исследованиях крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 г. СПб.; Симферополь, 2008. 215 с.
5. Адаксина С. Б., Мыц В. А., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг. СПб.; Симферополь, 2010. 300с.
6. Адаксина С.Б., Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2014 г. Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. СПб.; Севастополь: ГЭ, 2015. Вып. XII. 204 с.
7. Адаксина С.Б. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345–1476 гг.) // Таврические Студии. Исторические науки. Симферополь. 2015. № 7. С.12–18.
8. Адаксина С.Б. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2018 году. Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. СПб.; Севастополь. 2019. Вып. XVI. 177 с.
9. Адаксина С.Б. Храмы крепости Чембало XIV-XV вв. //Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 213–239.
10. Бочаров С.Г. Археология Генуэзской Газарии XIII-XV вв. Определение термина. // Серия История. Политология. 2018. Т. 45. С. 35–135.

- 11.Бочаров С.Г. Балаклава: введение в историческую топографию османского города 1475–1774 годов на Крымском полуострове. // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 6. С.321–328.
- 12.Бочаров С. Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское // Поволжская археология. 2017.№ 2. С. 204–223.
- 13.Иванов А. В. Мусульманские культовые постройки османского времени в Инкермане и Балаклаве // Великая схизма. Религии мира до и после разделения церквей // Тезисы докладов и сообщений XVI Международной конференции по истории религии и религиоведению (Севастополь 26–31.05.2014). Севастополь. 2014. С.17–19.
- 14.История Севастополя в трех томах. Том I. Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года. М.: Издательство «ИстЛит», 2021.688 с.
- 15.Мыц В.А. Каффа и Феодоро в XV веке. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

Глушич А.М.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ К ЗРЕЛИЩНОМУ СПОРТУ В ВИЗАНТИИ И ЕЕ РОЛЬ В ИЗМЕНЕНИИ СПОРТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ ИМПЕРИИ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Аннотация. В статье изучен процесс эволюции отношения Церкви к зрелищному спорту в Византии в ранне- и средневизантийский периоды. На материалах гомилий церковнослужителей, текстов византийских историков и византийской «Книги церемоний» рассмотрена сложная дихотомия связей Церкви и Ипподрома в империи. Сделан вывод о том, что только в Византии сложилась уникальная для Средневековья ситуация, благодаря которой здесь смог сохраниться зрелищный спорт. Она заключалась в двух аспектах: главный вид спорта в Византии – гонки на колесницах – играли важную роль в поддержке императорского культа, победы возниц отождествлялись с триумфами императора; кроме продолжали славные спортивные традиции своих предков времен Рима, и не готовы были отказаться от конных ристаний даже под влиянием критики Церкви. Однако, менее популярные состязания, имеющие языческие корни (Олимпийские игры, гладиаторские бои и схватки с дикими зверями) либо исчезли полностью, либо серьезно видоизменились в сторону гуманизации. Таким образом, взаимоотношения Церкви и Ипподрома представляли собой уникальный симбиоз, основанный на взаимных уступках и компромиссах.

Abstract. The article examines the process of evolution of the Church's attitude to spectator sports in Byzantium in the Early and Middle Byzantine periods. Based on the materials of the homilies of the clergy, texts of Byzantine historians and the Byzantine "Book of Ceremonies" we examined the complex relationship of the Church and the Hippodrome in the Empire. It is concluded that only in Byzantium there was a unique situation for the Middle Ages, thanks to which spectacular sports could be preserved here. It consisted in two aspects: the main sport in Byzantium – chariot racing – played an important role in supporting the imperial cult, the victories of the charioteers were identified with the triumphs of the emperor; also, the Romans continued the glorious sporting traditions of their ancestors from the time of Rome, and were not ready to give up chariot racing even under the influence of the Church's criticism. However, less popular competitions with pagan roots (Olympic Games, gladiatorial fights and venationes) either disappeared completely or seriously changed towards humanization. Thus, the relationship between the Church and the Hippodrome was a unique symbiosis based on mutual concessions and compromises.

Ключевые слова: Византия, спорт, Церковь, христианство, гонки на колесницах, бои с животными, Олимпийские игры, Иоанн Златоуст.

Key words: Byzantium, sports, Church, Christianity, chariot racing, venationes, Olympic Games, John Chrysostom.

Физическая культура и спорт в Византии остаются малоисследованными явлениями социальной жизни империи. Немногочисленные работы западных историков освещают ряд вопросов проведения соревнований по различным видам спорта [19], [15], [21], [17], [23]. Отечественные византинисты концентрировались на изучении крупного социального феномена – сущности партий Ипподрома [12], [3], [10], [13]. Однако, до сих пор в историографии нет комплексного ответа на один из очень важных вопросов в контексте всего Средневековья и места Византии в нем: как в этот временной период, когда в Западной Европе под влиянием могущественной Церкви соревновательный спорт исчез практически полностью, в Византии, традиционно представляемой в образе строгой христианской империи, зрелищный спорт продолжил существовать как минимум до 1204 года? Анализу взаимодействия двух очень важных для византийцев сущностей – Церкви и Ипподрома – посвящена эта статья.

В эпоху раннего христианства иерархи Церкви не были настроены против физического самосовершенствования прихожан. Наоборот, мы находим свидетельства поощрения занятий физкультурой и даже некоторых видов спортивных игр. Так, богослов св. Климент Александрийский во II веке писал: *«Юношам нужно иметь телесное упражнение. Не будет никакого зла, если они будут упражнять свое тело в том, что полезно для здоровья – лишь бы подобные занятия не отвлекали их от лучшего. <...> Из мужчин же одни могут в нагом виде бороться, другие в мяч играть, особенно на открытом воздухе в так называемую игру*

фенинду¹; другие пусть довольствуются путешествием по стране и прогулками по городу» [7, с. 179]. Более того, Климент давал прямые рекомендации заниматься спортом в оздоровительных целях: «Борьба же, дозволяемая нами, должна производиться не ради какого-нибудь суетного состязания, а для вызова испарины на теле; и не с бахвальством своей ловкостью должно приступать к ней, но бороться, схватившись в прямом положении тела, что влияет на развитие рук, спины и туловища с боков. Такое приличное упражнение сил, предпринимаемое в интересах столь необходимого и столь полезного здоровья, прекрасно и совершенно достойно мужчин» [7, с. 180].

Делалось ли это из желания не переусердствовать с запретами на многовековые спортивные традиции, что могло бы оттолкнуть паству от молодой религии, или раннехристианские богословы действительно видели возможность мирного сосуществования спорта и веры, но факт остается фактом.

Отношение Церкви к спорту начинает меняться в худшую сторону с конца IV века. Первыми были запрещены Олимпийские игры, так как посвящались языческому богу Зевсу. До сих пор дискутируется вопрос о дате запрета Олимпиад. Традиционная дата – 393 год, связанная с эдиктом Феодосия I, в наше время опровергается многими историками, в основном зарубежными. В законах «Кодекса Феодосия II», изданного в 438 году, отсутствуют эдикты, которые напрямую запрещали бы игры в Олимпии. А ещё в 399 г. вышел эдикт, в котором утверждалось, что нельзя лишать народ всех тех праздников, к которым они привыкли. И поэтому традиционные фестивали и игры могут продолжаться, но без жестокости, убийств и жертвоприношений, которые были присущи этим празднествам ранее [21, р. 54-55]. Иоанн Малала указывает, что префект Константинополя при Феодосии II и один из соавторов вышеупомянутого Кодекса – Антиох Кузон – предоставлял средства на конные ристания в Антиохии и на Олимпийские празднества [6, с. 69]. Ирландский византист Дж.Б. Бьюри полагал, что масштабные спортивные игры в Дельфах продолжались до самого конца правления Феодосия II, то есть до середины V века [21, р. 56].

В источниках содержатся сведения и о гораздо более позднем проведении Олимпиад. Иоанн Малала сообщает, что в 507 году «традиционное празднование Олимпийских игр состоялось в привычном виде в антиохийской Дафне» [6, с. 99]. В Антиохии Олимпийские игры были запрещены лишь в 520 году в связи с напряженной обстановкой в городе, ставшем центром восстаний цирковых партий [6, с. 115]. Одноименные пелопонесским Олимпиадам игры проводились в Антиохии с 212 г. н.э. За это время сменилось 77 алитархов (распорядителей игр) [8, с. 52–53]. Конечно, по своему масштабу они вряд ли могли соперничать с состязаниями в Олимпии, но сам факт сохранения такой атлетической традиции даже в начале VI века примечателен и свидетельствует об огромной приверженности ромеев к эллинской спортивной традиции.

Б. Шродт справедливо полагает, что игры приходили в упадок постепенно под влиянием нашествий варваров, тяжелого финансового положения и роста влияния христианства [21, р. 57]. Олимпийские игры, которые, в отличие от гладиаторских боев, не были жестокими по своей сути, оказались под запретом из-за того, что в их основе лежали языческие верования. Отрицание Церковью необходимости физического самосовершенствования ее прихожан в ее борьбе с Олимпиадами отсутствует.

Конные ристания на ипподромах (самый популярный вид спорта в империи) не были столь однозначно привязаны к почитанию языческих божеств, хотя и проводились на Олимпиадах по меньшей мере с VIII в. до н.э. Тем не менее, Отцы Церкви с IV века принялись с ними бороться. Наиболее ярким противником спортивных игр был Иоанн Златоуст, в 397 году возведенный в чин константинопольского архиепископа. В проповедях он не раз обращался к своей пастве, жестко требуя прекратить посещение спортивных состязаний, особенно если проведение конных бегов приходилось на воскресенье или христианские торжества [17, р. 43].

Позже этот запрет был закреплен и на законодательном уровне. Он касался в основном религиозных дат – Рождества, Крещения, Великого Поста, недели до и после Пасхи, а также любого воскресенья. Этот закон, изданный Феодосием I (379–395), был расширен Львом I (457–474), который запретил все музыкальные и светские церемонии в этот период. По воскресеньям следовало воздерживаться от любых развлекательных мероприятий. Г. Дагрон трактует эти запреты как адаптацию языческих игр к христианскому календарю. Но запреты не распространялись на празднования дней рождения императоров – для них делались исключения, даже если дата совпадала с религиозным праздником [23, р. 141].

¹ Фенинда (греч. φαίνίνδα, лат. harpastum) — одна из разновидностей античной игры в мяч, более всего напоминающая регби. Ее главной особенностью было стремление игрока обмануть соперника, отдавая пас не тому партнеру, кому он якобы предназначался.

Иоанн Златоуст называл ипподром «Сатанодромом», а игрища – дьявольским зрелищем [19, р. 66]. Несколько раз в своих трудах Иоанн хулил атмосферу «мракобесия», которая царила во время бегов, ведь ромеи действительно неистово болели за своих любимых спортсменов: *«Они были так поглощены своей страстью, что весь город был наполнен их голосами и дикими криками. Сидящие выше вели себя более сдержанно, но другие, находящиеся на площади¹, кричали на своих возничих, аплодировали им и вопили громче прочих»* [23, р. 127].

Порой от простого возмущения таким поведением константинопольцев, многие из которых были прихожанами константинопольских церквей, Златоуст переходил к открытым угрозам в адрес тех, кто регулярно позволял себе посещать зрелища ипподрома: люди из его паствы, шли на скачки и *«впали в такое неистовство, что наполнили весь город непристойным шумом и криком, возбуждающим смех, лучше же сказать плач. <...> Если кто после этого увещания и наставления пойдет на нечестивые и гибельные зрелища, того я не впускаю внутрь этой ограды, не сделаю причастником таинств, не позволю ему прикоснуться к священной трапезе; как пастыри отделяют шелудивых овец от здоровых, чтобы болезнь не распространилась и на прочих, так точно поступлю и я»* [5, с. 179]. Из этого отрывка становится ясно, сколь раздражающим для архиепископа имперской столицы было массовое увлечение паствы зрелищами ипподрома. Да и угроза, озвученная Златоустом, звучала весьма серьезно. Но должно эффекта она, видимо, не возымела. Преданность ромеев зрелищам, а особенно конным состязаниям, была столь велика, что Златоуст однажды вынужден был с горечью отметить: *«Опять бега, и опять наше собрание стало меньше»* [14, с. 113].

Виднейшие лица города, в том числе и градоначальник (эпарх), игнорировали жалобы священнослужителей на то, что гром аплодисментов и крики заглушают голоса во время молитвы, а народ массово идет на ипподром, из-за чего пустеют храмы [11, с. 224].

Даже сам Златоуст порой обращался в проповедях к аллегориям, связанным с ипподромом и проводимыми на нем зрелищами. В одном из текстов он говорит о пророках как о возничих истины, об апостолах – как о лошадях Бога, о церкви – как о духовном ипподроме [23, р. 134]. Видимо, эти аллегории были призваны донести сложные духовные истины до прихожан на простых и понятных каждому жителю Константинополя примерах.

Однажды Златоуст сделал щедрый комплимент возничим ипподрома, отдав должное их умениям: *«Посмотрите на возниц: сколько внимания они уделяют своей умственной и физической подготовке, даже своей диете, чтобы набрать надлежащую форму перед гонкой»* [16, р. 49]. Видимо, и это признание было вынужденным. Чтобы подстегнуть паству к воздержанности в приеме пищи во время поста, ей ставились в пример люди, бывшие для жителей города кумирами и примером для подражания.

Разумеется, иерархи на официальном уровне решительно осуждали соревнования и всецело ратовали за их запрет, однако с популярностью конного спорта в массах ничего поделать не могли. Иногда священники и сами посещали игры. Например, в провинциальном городе Магнесии представители духовенства регулярно посещали заезды, после чего истово *«каялись во грехе»* [11, с. 224].

Антиохийский патриарх Порфирий (404–412) регулярно присутствовал на конских ристаниях, а правительство, озабоченное поддержанием духовного авторитета Церкви, вынуждено было удерживать клириков от слишком активного участия в *«суетных и мирских делах»*, связанных со зрелищами [9, с. 230–231]. Спустя несколько веков, по свидетельству историка рубежа XI–XII вв. Георгия Кедрина, константинопольский патриарх Феофилакт (933–956) тоже появлялся на ипподроме был любителем гонок, и, по слухам, даже содержал в роскошных условиях более 2000 лошадей, потчuya их не только обычным овсом или сеном, но даже изюмом и финиками [16, р. 332].

Не имея возможности отвратить широкие массы от конных бегов, духовенство пыталось хотя бы ввести законодательный запрет на их посещение духовными особами. Сделать это удалось в первой половине VI века. Изданный патриархом Епифанием (520–535) запрет был поддержан Юстинианом I и обрел статус закона в Кодексе Юстиниана. Закон гласил, что мужам церкви запрещено появляться на ипподроме даже инкогнито. Исключение порой составляли церковные певчие, но их нельзя считать духовными лицами в полной мере [23, р. 134]. В аккламациях никто и никогда не обращался к духовенству, только к императору, армии и сановникам. Посол короля германии Оттона I (936–973, с. 962 – император западной «Римской» империи) Лиутпранд Кремонский, дважды, в 949 и 968 годах, побывавший с посольством в Константинополе, не упоминает о гонках вообще. Хоть он и был иностранным

¹ Имеются в виду, вероятно, работники партий, занимавшие места непосредственно возле дорожек ипподрома.

гостем, а во время второго визита – послом короля Оттона I, его, как священнослужителя, не приглашали на ипподром, соблюдая церковный этикет [18, р. 8-9].

В Житии св. Лазаря Галесийского (XI в.) приведен рассказ о том, как в Константинополь прибыли по делам два монаха из провинции, и один из них пошел на Игрище: *«В тот день, когда на Ипподроме проводились бега, младший из иноков, Иоанникий, без ведома старшего отправился туда. По возвращении он на расспросы старца тотчас сознался, где был. Тот начал сокрушаться и говорить: «Ты нехорошо поступил, отправившись на это сатанинское зрелище». Но инок, вместо того чтобы принести покаяние, принялся спорить: «Что сатанинского в том, чтобы смотреть, как бегают люди и лошади?»* [цит. по: 4, с. 220].

Стоит отдать должное изобретательности и умению служителей церкви смириться с невозможностью искоренить конные бега как любимейший вид спорта в империи. Из этого Церковь умудрялась извлекать пользу для себя. Во-первых, партии ипподрома поддерживали культ императора как безупречного представителя Бога на земле, а значит, поддерживали Церковь и веру. За каждую победу возницы благодарили Бога, а, соответственно, и его наместника на земле – императора, то есть каждая победа спортсмена была символически и победой венценосца. Кроме того, чемпионы заездов и члены партий перед гонкой и после нее обязательно отправлялись в ближайшие храмы, дабы воздать небесам хвалу и попросить их об удаче во время заезда, либо поблагодарить за победу [21, р. 46].

Именно таким абсолютно уникальным симбиозом объясняется тот факт, что из всех европейских стран только в Византии в период раннего средневековья сохранился соревновательный спорт. Как отмечал немецкий и американский философ, историк культуры и спорта Х. Гумбрехт, *«едва ли был период в западной истории с более неблагоприятными условиями для возникновения спортивных зрелищ, чем средневековье»*. Он объясняет это как раз тотальным доминированием Церкви в культурной сфере: *«Культура, в которой всемогущая Церковь требовала от человека служения Богу в течение шестидневной трудовой недели и прославления его в воскресенье, не оставляла времени и психологического пространства для процветания игр и спорта»* [2, с. 72] (рыцарские турниры того времени, по мнению автора, лишь с натяжкой можно назвать спортивным соревнованием).

Не сумев одержать победу в борьбе с конными ристаниями, Церковь заняла жесткую позицию в отношении соревнований в других видах спорта. Это привело к значительным изменениям самой сути этих состязаний, особенно по сравнению с аналогичными в Римской империи.

После запрета Олимпийских игр стала приходить в упадок подготовка профессиональных атлетов, в частности, спортивные школы. В течение IV–V веков массово закрывались гимнасии и палестры. После закрытия спортивных школ соревнования не прекратились, но подготовка атлетов (за исключением возниц), стала уделом семьи и армии. А занятия спортом ромеи совмещали с другими видами деятельности.

Непросто решался и вопрос с гладиаторскими боями, самым популярным видом состязаний в Римской империи. Кровавые поединки между гладиаторами в V веке были полностью запрещены, а вот сражения бестиариев с дикими зверями запретить было сложнее. Существовало несколько праздников и фестивалей, связанных с такой борьбой. Ромеи, как и римляне ранее, искренне любили наблюдать за состязанием храбрецов с необузданными животными, чаще всего львами и леопардами. Но давление со стороны духовенства вынудило власть запретить и это зрелище. В 498 году император Анастасий I постановил запретить борьбу с дикими животными в цирках [21, р. 50].

Однако, тоска публики по битвам со зверями была столь велика, что Юстиниан I в «Новеллах» признал несправедливым лишать граждан привычных развлечений. В 105-й Новелле, посвященной статусу и обязанностям консула, среди игр, которые тот должен устроить, упоминаются состязания под названием «Весь день» с участием бестиариев. В ходе этого зрелища *«животные должны быть, во что бы то ни стало, убиты»* [22, № 105].

Но и оставить состязания с животными в виде кровавой бойни насовсем тоже было нельзя – это вызывало ассоциации с травлями ранних христиан на аренах амфитеатров. Поэтому ромеи обратились к давнему опыту своих предков из Рима и совершили революцию в этих состязаниях, заменив смертельную борьбу человека и зверя на соревнование с животным в ловкости, скорости и изобретательности с помощью целого ряда технических устройств [1, с. 127–128].

Церковь вступила в борьбу со зрелищным спортом чтобы, во-первых, побороть их как пережитки язычества, а, во-вторых, чтобы паства не отвлекалась на зрелища от молитв и покаяния. Но победа Церкви была лишь частичной. Конные ристания, став частью императорского культа, остались практически неизменными. Бои бестиариев с дикими животными к VII веку трансформировались в бескровные соревнования, а подготовка спортсменов, перестав быть государственной задачей, не исчезла, став элементом частной жизни ромеев.

На физическую культуру византийского общества и стремление ромейских мужчин к физическому совершенству переход от язычества к христианству не повлиял вовсе.

Таким образом, в Византии сложилась уникальная система отношений Церкви и зрелищного спорта, благодаря которой византийцы оставались единственными хранителями спортивных традиций античности в Средние века.

Литература

1. Гаушич А.М. Консульские диптихи как источник по истории спортивных игр на Константинопольском ипподроме // Материалы XXVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2020» (22–24 апреля 2020 года, г. Севастополь) / Под ред. О.А. Шпырко. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2020. С. 127–128.
2. Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта / Пер. с англ. В. Фещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 176 с.
3. Дьяконов А. П. Византийские димы и факции (τα ῥεῖρα) в V–VII вв. // Византийский сборник. М. Л., 1945. С. 144–227.
4. Иванов С.А. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М.: вокруг света, 2011. 752 с.
5. Иоанн Златоуст. Слово против зрелищ / Избранные проповеди святых отцов Церкви и современных проповедников. СПб: Издание И.А. Тузова, 1912. С. 178–184.
6. Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII–XVIII // Мир поздней античности. Документы и материалы. Белгород, 2014. 200 с.
7. Климент Александрийский. Педагог / пер. с древнегреческого и комм. А. Ю. Братухина. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2018. 344 с.
8. Кобзева А.В., Сеница М.М. Город Антиохия в «Хронографии» Иоанна Малалы // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. 2017. № 1 (250). С. 44–59.
9. Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 284 с.
10. Левченко М. В. Венеты и прасины в Византии V–VII вв. // Византийский временник. 1947. Т. 1. С. 164–183.
11. Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М.: Наука, 1974. 256 с.
12. Успенский Ф. И. Партии цирка и димы в Константинополе. // Византийский временник. Санкт-Петербург, 1894. Т. 1. С. 1–16.
13. Чекалова А. А. К вопросу о димах в ранней Византии // Византийские очерки: труды советских ученых к XVI Междунар. конгрессу византинистов / АН СССР, Ин-т всеобщей истории; отв. ред. З. В. Удальцова М.: Наука, 1982. С. 37–53.
14. Чекалова А.А., Поляковская М.А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. 304 с.
15. Cameron A. Circus factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium. Clarendon Press, 1976. 364 p.
16. Georgius Cedrenus. Compendium Historiarum. Vol. II / Ed. Weber. Bonnae, 1839. 638 p.
17. Giatsis S. G. The organization of chariot racing in the great hippodrome of byzantine Constantinople, 17:1. 2000. P. 36–68.
18. Guiland R. Études sur l'Hippodrome de Byzance, III // Byzantinoslavica. 1965. 26. P. 1–33.
19. Guiland R. The Hippodrome at Byzantium. Speculum, Vol. 23, No. 4. 23 (4): p. 676–682.
20. Kazhdan A, Constable G. People and Power in Byzantium. Washington, 1982. 218 p.
21. Schrodtt B. Sports in the Byzantine Empire // Journal Of Sport History, 1981. Vol. 8, No. 3, P. 40–59.
22. The novels of Justinian. № 105. [Электронный ресурс] // URL: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novellae_Scott.htm (дата обращения: 03.04.2022).
23. Wolińska T. Constantinopolitan Charioteers and Their Supporters. Łódź: Studia Ceranea 1. 2011. P. 127–142.

Ильичев А.В.

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ГОРНОЙ ТАВРИКИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ «ДЛИННЫХ СТЕН» И КЛИСУР

Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя, г. Севастополь

Аннотация. В статье изучены два оборонительных комплекса, созданных Византийской империей на территории Крыма в VI–VII веках – «длинные стены» и клисуры. Обосновано время угасания «длинных стен» как оборонительного элемента Римской империи. Изучена история возникновения Стены Анастасия и Балканских «длинных стен». Сделан вывод о том, что «длинные стены» и горные крепости Крыма представляли собой два разных оборонительных комплекса, с различными военными и стратегическими целями. В рамках работы по отношению к Византии будет применяться термин «Рим» и «Римская империя», что полностью соответствует принципу историзма в силу того, что жители империи идентифицировали себя как «римлян», а само государства во всех своих аспектах было римским. В тоже время термин «Византия» является политизированным идеологическим конструктом, созданным в XIX для предотвращения греческой национальной экспансии.

Abstract. The article examines two defensive complexes created by the Byzantine Empire on the territory of Crimea in the VI–VII centuries – «long walls» and klisura. The time of the extinction of the «long walls» as a defensive element of the Roman Empire has been compiled. The history of the Anastasia Wall and the Balkan «long walls» has been studied. As part of the work, the term «Rome» and «Roman Empire» will be used in relation to Byzantium, which fully corresponds to the principle of historicism because the inhabitants of the empire identified themselves as «Romans», and the state itself was Roman in all its aspects. At the same time, the term «Byzantium» is a politicized, ideological construct created in the XIX century to prevent Greek national expansion.

Ключевые слова: Романия, военное дело, «длинные стены», Византия, клисуры

Key words: Romania, warfare, «long walls», Byzantium, klisourai.

Середина VI века является переломным периодом в истории Римской империи (Романии). Именно в этот временной отрезок, на императорский престол вступает юный Юстиниан I, получивший за свои деяния в полотно истории прозвище «Великий». Всего за 30 лет ему удалось добиться того, над чем бились многие его предшественники – восстановить репутационные и территориальные потери, постигшие империю в конце IV–V вв., полностью реформировать римскую армию, а также задать новый вектор развития государства и общества путем грамотных культурных и правовых реформ. Однако к военным заслугам Юстиниана I относится не только, возвращение Италии, Нового Карфагена и Северной Африки и реформирование вооруженных сил, но и полный пересмотр концепта оборонительной системы государства. Римская империя в годы правления Юстиниана Великого перешла от модели «панцирной обороны» Позднего Рима к линейной оборонительной системе. Это решение было продиктовано как экономическими соображениями (активные и масштабные военные кампании оказали серьезное негативное воздействие на бюджет страны), так и политическими. В условиях, когда римские легионы один за другим уничтожали варварские государственные образования на местах исконно римских земель, потребность в глубоко эшелонированной обороне отпала так как империя перешла от защиты к нападению. Ошибочность, данных суждений дорого стоила империи фактически можно говорить о том, что они создали фундамент для успешного ирано-арабского вторжения в VII в.

В период принципата стратегия «превентивной обороны» была эффективна, поскольку Рим обладал военным и технологическим превосходством над своими соперниками, которые к тому же были политически разобщены. А самое главное, государство было способно финансово содержать огромные армии на границах. Но уже начиная с III века ситуация значительно изменяется в отношении всех аспектов из-за чего империя и переходит к стратегии «панцирной обороны». Государство Юстиниана I в тоже время не обладало ресурсами и финансами эквивалентными, хотя бы Поздней империи. Кроме того, финансовый сектор империи был значительно истощен завоевательными походами и, как следствие, правительство было вынуждено сократить вооруженные силы.

Пересмотр оборонительной концепции привел к естественным для такого рода изменениям – перестройке ряда старых и строительству новых крепостей, а также и вовсе отказу от оборонительных элементов в некоторых провинциях (в качестве примера можно привести

Арабский лимес). О том, насколько масштабными были изменения нам известно из трудов придворного историка Юстиниана I – Прокопия Кесарийского. В своем трактате «*О постройках*» он писал о том, что значительное внимание император уделял строительству крепостей в Таврике и Северном Причерноморье. На Крымском полуострове были отремонтированы стены Херсона и Боспора, построены крепости Алустон и Горзувиты [3, с. 249], а также сооружены «длинные стены» для защиты готского населения «*страны Дори*». Из сохранившихся до наших дней источников, нам известно, что для работ были приглашены военные инженеры, которые занимались восстановлением «*стены Анастасия*» в Малой Азии. Это позволяет нам сделать предположением о том, что «длинные стены» в Крыму конструктивно и концептуально были идентичными с фортификационными объектами в Малой Азии. В этой связи для изучения «*длинных стен*» Прокопия Кесарийского нам следует рассмотреть их прямой прообраз.

Из сообщений Прокопия Кесарийского нам известно, что «длинные стены» в Крыму были сооружены с целью защиты готского населения «*страны Дори*», что является маловероятным если учитывать специфику взаимоотношений Рима с федератами. Для империи варвары-союзники служили своего рода «*живым щитом*», сдерживавшим удар противника в случае вторжения. Таким образом, в обмен на проживание на имперских территориях варвары брали на себя обязательство защищать Рим, в то время как «*Вечный город*» за счет такого симбиоза избавлялся от потребностей в строительстве укреплений или в необходимости содержать большие гарнизоны на отдельных участках границы. Пример подобной политики можно встретить и в период правления Юстиниана I, когда охрана арабского лимеса была передана племени Массагетам. Не стоит и забывать, что строительство «*длинных стен*» велось инженерами, занимавшимися восстановлением «*Стены Анастасия*», а, следовательно, строившийся на территории Крыма оборонительный комплекс должен был выполнять аналогичные задачи.

Практика создания римлянами линейных заградительных укреплений известна еще в начале IV века в Юлийских Альпах для защиты путей в северо-восточную Италию [28, с. 410–430]. В V веке римские инженеры применили эту же стратегию для защиты Греции, Балкан, Константинополя и Галлипольского полуострова [22, с. 440–443], [23, с. 235–253], [24, с. 105–114]. Использование римскими авторами, в частности Прокопием Кесарийским, греческого термина «длинные стены» по отношению к данным заградительным укреплениям отсылает не к греческим образцам фортификационной архитектуры, а к «*великой стене*» Адриана в Британии [18, с. 114–135], [11, с. 415]. В дальнейшем мы увидим ряд общих конструктивных и стратегических замыслов, которые объединяют два несравнимо крупных оборонительных комплекса – Адрианов вал в Британии и «*Стену Анастасия*» на европейской территории Малой Азии.

«*Стена Анастасия*» является самым крупным комплексом «*длинных стен*» в истории Рима. Он был сооружен в начале VI в. н.э. по приказу императора Анастасия для защиты Дунайской границы от угрозы со стороны Булгар. «*Стена Анастасия*» или «*длинные стены Фракии*» были расположены в 65–75 км к западу от Константинополя и протягивались от *Evcik İskelesi* через весь Фракийский полуостров до побережья Мраморного моря в 6 км западнее от Силиври (город на южном побережье Мраморного моря в европейской части Турции). В период правления императоров Анастасия и Юстина I командование данным комплексом было поручено двум *vicarii*, один из которых был военным офицером, представлявшим *magister militum*, а другой гражданским чиновником из *praefectus praetorio per Orientem* [26, с. 273–274], [27, с. 253–379], [25].

Сам комплекс включал в себя как сами стены, так и серию небольших крепостей и башен. Эти небольшие форты, часть из которых датируется концом VI века, предназначались для снабжения защитников стен, а также для размещения гарнизона. Они были расположены с интервалом в 3,5 км друг от друга и представляли собой основные точки доступа для пересечения стены. Подобная практика была применена римлянами и в Британии в лице Адрианова оборонительного комплекса [21], [29], [30].

Сохранившиеся участки стен позволяют нам сделать вывод о том, что они были сооружены из крупных блоков известняка и песчаника с сердцевинной из известняка, скрепленные известняковым раствором с добавлением кирпича. Сохранившаяся ширина стен 3,2 м., а высота 4,5 м. Вероятнее всего, изначальная высота доходила до 10 метров [11, с. 416]. Сама стена обладала боевым ходом, о чем свидетельствуют археологические материалы. В 23 км. от самой стены был вырыт ров, шириной 15 м. Стена была также укреплена башнями многоугольной, а также, иногда, пятиугольной и шестиугольной формы. Размеры этих башен были сопоставимы с крупнейшими башнями времен Античности [19]. Предположительно, в них размещалась артиллерия. Между этих исполинских башен были расположены многочисленные башни прямоугольной формы, главной целью которых было обеспечить доступ к курти-

нам. Учитывая общую протяженность «Стены Анастасия», таких башен должно было быть, приблизительно, 340 [11, с. 417]. Во времена правления Юстиниана I «длинные стены Фракии» были восстановлены и укреплены. Однако нашествие варваров в 559-560 гг. н.э., в ходе которого «Стена Анастасия» была с легкостью прорвана [10, с. 51], что привело к постепенному отказу от практики создания линейных оборонительных комплексов, в том числе и «длинных стен». Окончательно, «длинные стены Фракии» были полностью заброшены к 626 г.

Еще одним примером «длинных стен», которые в силу географических особенностей являются более близкими для Крыма, являются «*Haemus gate*» в южной Болгарии. Этот оборонительный комплекс растянулся на 41 км от побережья Черного моря и до прибрежного города Обзор (Бургасская область современной Болгарии). Целью его создания было обезопасить горные проходы Старой Планины (крупнейшая горная система Болгарии, пересекающая всю страну). «*Haemus gate*» включали в себя как сами стены, так и небольшие форты для их защиты. Остатки одного из фрагментов «длинных стен» были обнаружены неподалеку от Керемиса в восточной части Святого Власа в Южной Болгарии, в границах бывшей провинции Хемимонт (северо-восток Фракии). Оно представляло собой линейный оборонительный комплекс протяженностью в 250–300 метров, подкрепленный небольшой крепостью с двумя башнями [9, с. 129–131].

В этой связи выводы отечественных авторов относительно принадлежности крепостей Мангуп, Эски-Кермен и Чуфут-Кале к единому оборонительному комплексу с «длинными стенами» выглядит маловероятным [6, с. 118], [7, с. 70]. Вероятнее всего, «длинные стены» и горные крепости Крыма представляли собой разные оборонительные системы. Мангуп, Эски-Кермен и Чуфут-Кале являются масштабными фортификационными объектами, предназначенными для защиты местного населения и противодействию противнику в случае вторжения. Подобного рода, крепости, как и сам концепт был активно применен Римом на территории Балкан. Общее географическое сходство между регионами, позволило применить этот подход и в Крыму. В то же время, рассматривая остальные примеры «длинных стен» в империи мы наблюдаем небольшие крепости, расположенные в прямой близости от самих стен, что не позволяет связать клисуры Крыма с «длинными стенами».

Горные крепости Крыма, согласно археологическим исследованиям, были основаны в конце VI – начале VII века [2, с. 43–51], [6, с. 118], [7, с. 70]. Именно в этом временном промежутке происходит угасание «длинных стен» как фортификационно-инженерной системы, в силу основных недостатков присущих линейным оборонительным системам (в случае прорыва на одном из участков весь комплекс становился бесполезным).

Горные крепости Крыма представляли собой многофункциональные объекты. С одной стороны, в них должны были размещаться жители близлежащих территорий при вторжении сил противника. С другой стороны, горные крепости служили средством для остановки сил неприятеля. Реализовывалось это следующим способом: располагаясь в стратегически важных проходах, они пресекали возможность вторгнуться во внутренние территории Рима в Таврике. Взятие столь массивных оборонительных комплексов требовало значительной подготовки, длительной осады, а также привело бы к серьезным потерям, что являлось недопустимым для любых сил вторжения. В случае, если противник отказывался брать в осаду данные крепости и предпринимал попытки найти обходные пути маршрутов, силы гарнизонов наносили удары по линиям снабжения противника и отдельным малочисленным его группам. В тоже время «длинные стены» представляли собой одно-функциональный комплекс. Согласно, одной из версий их строительство в Таврике было обусловлено угрозой сасанидского вторжения [5]. О вероятности нападения Сасанидов со стороны Черного моря нам сообщает Агафий Миренейский в своей работе «О царствовании Юстиниана» [10, с. 53]. Однако в сторону этой теории можно привести ряд серьезных контраргументов. Прежде всего в том, что угроза морского вторжения в Таврику Сасанидов была быстро нивелирована за счет возвращения контроля Римом над прибрежными территориями Лазики. Это привело к полному отказу Сасанидов от идей высадки морского десанта в пользу реализации стратегии наземной наступательной операции на Константинополь, подкрепленной поддержкой десантных кораблей в Средиземном море. В противовес этой версии можно привести и материально-технические характеристики остатков укреплений во второй гряде Крымских гор, которые совершенно несхожи с представленными выше образцами.

В 1991 году В.А. Сидоренко опубликовал статью под названием ««Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму», в которой писал об обнаруженных им остатках «длинных стен» в районе балки Каралез. По всем параметрам (двухпанцирная регулярная кладка с известняковым раствором и подогнанными друг к другу известняковыми блоками, толщина стен в 2,3-2,4 м.) [8, с. 114] она полностью идентична классическим образцам римской оборонительной архитектуры изучаемого периода. Кроме того, стена была

пристроена вплотную к известняковым обрывам и была снабжена смотровыми площадками и небольшими пещерными помещениям, в которых, вероятнее всего, располагался местный гарнизон. Таким образом мы имеем образец классической римской «длинной стены». Сидоренко В.А. датировал фрагмент этой стены серединой VI века [8, с. 115].

Таким образом мы можем сделать вывод о том, что «длинные стены» в Крыму и горные крепости Крыма представляли собой два разных оборонительных комплекса, последовательно сменявших друг друга. Строительство «длинных стен» в районе горных проходов Крыма должно было обезопасить римские владения от наиболее вероятного направления удара. Версия Прокопия Кесарийского о том, что «длинные стены» были сооружены для защиты местного готского населения, выглядит маловероятно по двум основным причинам.

1) Империя за всю свою многолетнюю историю не прибегала к сооружению оборонительных стен для защиты федератов, поскольку именно они, по стратегическому замыслу императоров, должны были стать «живым щитом империи».

2) «Длинные стены» как инженерно-фортификационный комплекс предназначались для защиты определенного населенного пункта («Стена Анастасия» – Константинополь), либо для контроля проходов (Южная Болгария, Балканы). В то же время прорыв «Стены Анастасия», в ходе варварского вторжения в 559–560 гг., вскрыл весомые недостатки в реализации линейной оборонительной системы. Для защиты своих владений империя начала планомерный переход к возвращению концепции «панцирной обороны» с ее дальнейшим усилением и усовершенствованием. На территории Крыма этот процесс разворачивался за счет создания клисур, которые с одной стороны позволяли контролировать основные пути перемещения через Крымский полуостров, а с другой обезопасить жителей близлежащих территорий от рейдов противника.

Литература

1. Агафий Миренейский. О царствовании Юстиниана. М., 1996. 255 с.
2. Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 43–51.
3. Прокопий Кесарийский. О постройках // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 203–283.
4. Веймарн Е. В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия // Античная древность и средние века. Свердловск, 1980. Вып. 17. С. 19–33.
5. Ильичев А.В., Хапаев В.В. К вопросу о предназначении раннесредневековых укреплений в районе главной гряды крымских гор // Dictum – factum: от исследований к стратегическим решениям. Вып. 2: сборник научных трудов по материалам II Всероссийской молодежной научнопрактической конференции с международным участием «LinguaNet» (г. Севастополь, 22 - 23 октября 2020 г.). 2020.
6. Манаев А. Византийское раннесредневековое оборонительное зодчество в Крыму // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини. 2005. С. 114–131.
7. Мыц В.А. Укрепления Таврики X-XV вв Киев: Наукова думка, 1991. 164 с.
8. Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «Длинные стены» в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 105–118.
9. Христов И. MARE PONTICUM. Крайбрежни крепости и пристанищни зони в провинция Хемимонт V-VII век. София: Изд-во UNICART. 2018. 432 с.
10. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора). М., 1980. 214 с.
11. Alexander Sarantis, Neil Christie. War and Warfare in Late Antiquity: Current Perspectives // Late Antique Archaeology 8. Brill Academic Publishers, 2013. 1024 p.
12. Angelova S. and Buchvarov B. Durostorum in Late Antiquity (fourth to seventh centuries) // Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium: Vol. 2 Byzantium, Pliska, and the Balkans. Berlin, 2007. p. 61–87.
13. Bayliss R. Archaeological survey and visualisation: the view from Byzantium // Late Antique Archaeology 1. Leiden, 2003. p. 288–313.
14. Christie N. The Alps as a frontier, A.D. 168–774 // JRA 4, 1991. p. 410–430.
15. Croke B. The date of the Anastasian Long Wall. // GRBS 20, 1982. p. 59–78.
16. Crow J. Fortifications and urbanism in late antiquity: Thessaloniki and other eastern cities // JRA Supplementary Series 21. Portsmouth, 2001. p. 91–107.
17. Crow J. Late antique cities in eastern Thrace (Europa) // The Roman and Late Roman City, Proceedings of the Conference on Classical and Late Antique Urbanism. Sofia, 2002. p. 342–351.
18. Crow J. The northern frontier of Britain from Trajan to Antoninus Pius: Roman builders and native Britons // A Companion to Roman Britain. Oxford, 2004. p. 114–135.
19. Crow J. and Ricci A Investigating the hinterland of Constantinople: interim report on the Anastasian Long Wall // JRA 10, 1997. p. 109–124.
20. Curta F. Frontier ethnogenesis in Late Antiquity: the Danube, the Tervingi, and the Slavs // Borders, Barriers and Ethnogenesis, Frontiers in Late Antiquity and the Middle Ages. Turnhout, 2005. p. 173–204.
21. David J. Breeze Hadrian's Wall. A study in archaeological exploration and interpretation. Archaeopress Publishing Ltd, 2019. 190 p.

22. Dinchev V. Razkopki v Kompleks na Chemskite Porti pri c. Golitza, obshtina Dolni Chiftlik. // HAIM- BAN Archeologicheski Otkritiya i Razkopki prez 2007. Sofia, 2008. p.440–43.
23. Gregory T. E. Kastro and Diatiechisma as a response to early Byzantine frontier collapse // Byzantion 62, 1992. p. 235–53.
24. Gregory T. E. Procopius on Greece // Antiquité Tardive 8, 2000. p. 105–14.
25. Haldon J. F. Byzantine Praetorians: An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikon and the Tagmata c. 580-900. R. Halbert, 1984. 669 p.
26. Jacek Wiewiorowski. The defence of the long walls of Thrace under Justinian the great (527–565 a.d.) // Bulgaria Mediaevalis. Вып. 3. 2012. С. 181-194.
27. Laurent Notes du titulature Byzantine, EO 38 (1938) 353–379, esp. 365–368.
28. Napoli J. Recherches sur les fortifications linéaires Romaines // Collection de l'École Française de Rome 229. Rome, 1997. 608 p.
29. Nic Fields Hadrian's Wall AD 122–410 // Osprey Publishing. 2003. 64 p.
30. Nick Hodgson Hadrian's Wall: Archaeology and history at the limit of Rome's empire. The Crowood Press Ltd, 2017. 224 p.

Меньшиков И.А., Гаверыш О.В.

ТЮРКСКИЕ КОЧЕВНИКИ НА СЛУЖБЕ У ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск

Аннотация. Статья посвящена исследованию возникновения и развития практики принятия тюркских кочевников на службу к древнерусским князьям. На основании анализа летописных источников авторами была предложена периодизация этого процесса. Кроме того, в статье рассмотрены взаимоотношения между славянским и тюркскими этносами на примере характера взаимодействия представителей русской и тюркской знати. Автор приходит к выводу, что до 40-х г. XII в. тюркские конфедераты были пассивным инструментом обороны русских земель, а с 1142 г. становятся активным и важным участником удельных конфликтов и русско-половецких войн.

Abstract. The article attempts to investigate the emergence and development of the practice of accepting Turkic nomads into the service of ancient Russian princes, periodization is proposed, and the relationship between Slavic and Turkic ethnic groups and between the upper classes of Russian and Turkic nobility is partially considered.

The practice of receiving Turkic nomads by ancient Russian princes has long roots and has been practiced since the second half of the tenth century.

The periodization proposed in the article is based on chronicle sources and is divided into 2 main periods. The first period began in the second half of the X century and will last until the 40s of the XII century. It is characterized by low activity of accepted nomads, both in the political sphere and in the military.

The second period is from the 40s of the XII century to the beginning of the XIII century. A large association "Black Hoods" appears, as well as smaller ones, at the same time the activity and importance of Turkic nomads in the political and military life of the ancient Russian principalities increases.

The relations between the local population and the employed Turks were different, but despite the periods of aggravation, it can be assumed that over time, norms were developed that both sides tried to adhere to. The nomads themselves began to perceive the places of their settlements in the Russian territories more and more as their homeland. As for the relationship between the upper classes, classical Old Russian feudal relations have developed between them.

Ключевые слова: древнерусские князья, род, черные клобуки, тюрки.

Key words: ancient Russian princes, clan, black hoods, Turks.

Данная тема актуальна для исследования многих проблем истории Отечества. Она освещает особенности междивизационных контактов между тюркскими и славяно-русскими этносами, которые происходили на территории Древнерусского государства и непосредственно повлияли на формирование и особенности развития Древней Руси в экономическом, политическом и культурном аспектах.

Проблема службы тюркских кочевников у древнерусских князей, привлекала к себе внимание исследователей еще с середины XIX в. Например, она неплохо освещена в трудах П.В. Голубовского [2]. Большой вклад в изучение данной проблематики внес Д.А. Расовский [10], предметом анализа которого стал вопрос происхождения, дальнейшего развития и взаимодействия тюркских кочевников с феодальными государствами. Советские исследователи также уделяли внимание указанной проблеме, например, С.А. Плетнева, которая написала ряд монографий, ставших классическими в номадоведении [8], [9]. Среди современных исследователей стоит отметить А.А. Инкова, написавшего ряд статей про русско-половецкие отношения [12]. Таким образом, данная тема продолжает привлекать внимание исследователей и в наши дни.

Целью данной статьи является исследование возникновения и развития практики принятия тюркских кочевников на службу к древнерусским князьям. На основании летописных источников составить периодизацию этого процесса. Рассмотреть взаимоотношения между славянским и тюркскими этносами на примере характера взаимодействия представителей русской и тюркской знати.

Предметом исследования выступают военные, политические, культурные взаимоотношения между тюркскими и славяно-русскими этносами.

Принятие на службу кочевников оседлыми государствами имело широкое распространение и давнюю историю, такая практика была свойственна многим государствам от архаического периода вплоть до истории Нового времени. Особенно это было актуально и жизненно необходимо для оседлых государств, которые граничили со степью. Венгерское

королевство, Византийская империя, Древняя Русь, Грузинское царство, Хорезм, массово привлекали к себе на службу тюркских кочевников. В целом практика переселения покоренных племен, народов, хорошо была известна Древней Руси. Достаточно вспомнить, как князь Владимир в 988 г., заселял недавно построенные города кривичами, чудью и вятичами. В качестве примера, можно также привести планы князя Василька Романовича в 1097 г., когда он хотел: «...захватить болгар дунайских, и посадить их у себя» [5, с. 97].

Первый этап принятия тюркских кочевников на службу древнерусскими князьями берет свое начало во второй половине X века и продолжается до 40-х гг. XII в., для него характерна пассивность принятых тюрков, как в политической жизни Руси, так и в военной.

Первый прецедент отмечен в Никоновской Летописи под 979 г., тогда киевский князь Ярополк принял на службу печенежского князя Илдея [7, с. 39]. Следующий случай произошел уже при князе Владимире в 991 г.: «Того же лета пришел печенежский князь Кучюг, принял христианство, служил Владимиру» [7, с. 64]. Стоит отметить, что немного раньше, чем на Руси, печенеги появились на службе в Венгерском королевстве, еще с середины X в., для защиты северных территорий от немецкой экспансии [10, с. 43]. Так что сведения Никоновской летописи о принятии на службу печенежских князей вполне могут носить достоверный характер.

На основании летописной статьи под 1015 г., которая называет убийцу князя Глеба «Торчином», можно предположить, что торки (новый тюркский этнос в южнорусских степях), появились на службе у русских князей еще в первой четверти XI в. Однако более массовое поступление торков на службу к древнерусским князьям, скорее всего, произошло во второй четверти XI в., когда с одной стороны племена торков были ослаблены борьбой с половцами и печенегами, а с другой, столкновениями с древнерусскими князьями (два удачных похода русских князей 1055, 1060 гг. вероятно, после которых также на службу русским перешла какая-то часть). Увеличение числа тюркских конфедератов произошло и после походов русских князей на половцев в 1103 г., и 1111 г., когда освобожденные печенеги и торки были переселены в русские княжества. Как видно из рассмотренных примеров поступление на службу к оседлым государствам могло носить добровольный характер, когда по тем или иным причинам род по доброй воле переходил под покровительство князя. Либо принудительный, под угрозой потери статуса, или просто физического уничтожения.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос о взаимоотношениях славянского населения с тюрками на первом этапе. Места поселения тюрков на Руси известны благодаря археологическим, письменным и топонимическим данным. Их ареал поселения находился в основном в южных районах Киевщины, Переяславщины, Черниговщины, в Новгород-Северском княжестве, Рязанских землях, Галиции. Таким образом, селили тюркских кочевников не только на степном пограничье, но и на границе с оседлыми соседями [10, с. 96–102].

Вероятнее всего, недавно переселенные тюркские роды были, в большей степени, в зависимости и контролировались больше, чем на следующем этапе, хотя некоторым ханам по сообщению Никоновской летописи и давали: «...города и волости...» [7, с. 39]. Из практики принятия тюрков на службу в Венгерском королевстве, Византийской империи, Грузинском царстве, нам известно, что некоторым тюркским ханам действительно давали города и земли. Например, печенежскому хану Кегену, византийский император даровал титул патрикия, три крепости и некоторые земли [4, с. 352]. Во всех вышеперечисленных государствах, тюркским кочевникам сохраняли самоуправление, родоплеменной строй оставался так же социальной основой тюрков. Характерной особенностью было и то, что ханы, а видимо с ними и некоторая часть знати при переселении принимали христианство, так было и в Византии, Венгрии, Грузии. В Древней Руси, судя по археологическим и письменным источникам к языческой религии тюрков относились более терпимо, часто в летописях черных клобуков называли «погаными» то есть язычниками, так же есть свидетельство о распространении ислама среди киевских тюрков в середине XII в. [1, с. 37]. Для укрепления отношений, между высшим слоем феодальных государств и высшим слоем тюркских кочевников, заключались и брачные союзы, как было в Грузии и Венгрии. К сожалению, русские источники освещающие взаимоотношения с принятыми на службу тюрками до 40-х гг. XII в. практически не сообщают на каких условиях и какими правами обладали торки, переселяясь в русские земли.

Из летописей нам известны два конфликта между русскими князьями и переселенными тюрками, это 1080 г., когда взбунтовались переяславские торки, которых сумел разбить и, видимо, снова подчинить Руси Владимир Мономах. Второй случай произошел в 1121 г., когда снова Владимир Мономах, изгнал на этот раз берендеев из Руси, а печенеги и торки решили сами покинуть русские земли [6, с. 199]. Причины этих конфликтов не известны, но

с большой вероятностью они могли произойти из-за сильного контроля со стороны русских князей, которые чрезмерно старались контролировать воинственных и недавно свободных кочевников. Возможно, и кочевники давали повод, причиняли ущерб и проявляя насилие по отношению к местному населению. С материальным ущербом и насилием со стороны недавно подчиненных и переселенных кочевников сталкивались и Византия, и Венгрия. В последней, половцы, несмотря на разгром от монголов и угрозу их нападения на Венгрию, вели себя на новой родине крайне агрессивно [3, с. 19].

Кроме массовой практики переселения и службы тюрок, известны факты из древнерусских летописей, в которых тюрки служили в качестве личных слуг князей, выполняя различные функции от поваров до послов и убийц. Так, уже упоминавшийся некий Торчин в 1015 г. с санкции князя Святополка убил князя Глеба. В 1097 г. князь Васильку выколол глаза торк Берендий, в 1100 г., на княжеском съезде в Уветичах в качестве представителя князя Олега выступал некий Торчин.

Второй этап длился с 40-х г. XII в. до начала XIII в. Стоит отметить, что с 1142 г. по 1162 г., преобладает участие зависимых тюркских кочевников в усобицах русских князей, а с 1162 по 1206 г. преобладает их участие в войнах с половцами. Также, для этого периода характерна активизация тюрок в политической жизни Древней Руси, повышение их субъектности во внешней и внутренней политике, в отношениях с князьями, вплоть до решающей роли. На этом этапе появляются объединения торков, печенегов и берендеев под общим названием, известным по источникам как – «Черные Клобуки». Хотя часто, летописец называет только одну группу, печенегов, торков, берендеев. Черные клобуки, в большинстве, находились в Поросье, в бассейне реки Рось, которая протекала на территории Киевского княжества [9, с.5].

Помимо черных клобуков, в древнерусских летописях упоминаются и различные тюркские роды, например, «Бастеева чадь», черниговские «коуи», «каепичи». К сожалению, практически ничего не известно о них либо о других союзах или объединениях тюрок на территории древнерусских княжеств, к тому же, как и в случае со многими кочевниками, по археологическим материалам они очень однородны, и отличить материальные источники одного объединения от другого крайне сложно [9, с. 15]. Поэтому весь анализ взаимоотношений и политической роли, проведен, в основном, на основании летописных данных о черных клобуках.

Первое упоминание объединения черных клобуков мы встречаем в Ипатьевской летописи под 1146 г., во время очередной междоусобицы, причем, интересно отметить, что их не только упоминают в качестве союзников или противников какой-либо стороны, а как одну из существенных сил, повлиявших на исход междоусобицы князя Изяслава и князя Игоря Ольговича [6, с. 225]. Вероятнее всего, объединение черных клобуков возникло несколько раньше 1146 г., возможно в 20–30 гг. XII в. Предпосылками создания объединения поросских тюрок и усиления их влияния, как во внутренней, так и во внешней политике Киевского княжества, были в относительной безопасности и стабильности самих объединений, ведь таких разгромов от половцев как например в 1092, 1096 гг. торки, печенеги и берендеи не испытывали.

Стоит учитывать и то, что черные клобуки укрепляли свое экономическое положение за счет освоения Поросских земель, доступа к русским и европейским товарам, возможности вести торговлю в одном из крупнейших экономических центров – Киеве. Помимо торговли, обогащение приносило и участие в походах русских князей на половцев, участие в усобицах русских князей, это, в свою очередь, давало возможность требовать выкуп за знатных пленных, стимулировать работоторговлю за счет рядовых пленных половцев или русского населения. Достаточно хорошее экономическое положение знати тюрок Поросья прослеживается по археологическим материалам [8, с. 96].

Но самой основной предпосылкой, прямо влиять и иногда решать исход усобиц и походов, стала раздробленность и разобщенность древнерусских княжеств, что сильно ослабило их военный потенциал. Так, если еще Ярослав Мудрый мог позволить себе большую дружину, состоящую из 1000–1500 воинов, его наследники, как, например, киевский князь Святополк в конце XI в. имел уже 800 человек большой дружины, то к середине XII в. уже таких крупных сил на службе у князей не было [11, с. 311, 312, 330]. Поэтому в междоусобной борьбе так были важны хорошие и многочисленные (относительно княжеской дружины) тюрки Поросья. Если отбросить мифические цифры численности черных клобуков, то Ипатьевская летопись дает цифры: 600, 2100, 6000 [6, с. 347, 433, 436] воинов, что представляет довольно внушительный контингент войск.

Примеров решающего влияния на исход и результат усобиц, в древнерусских летописях немало. Так, в 1150 г., когда, видя невозможность продолжения войны, наряду с киевлянами, черные клобуки советуют князю Изяславу не вступать в битву, а бежать, что князь и сделал [6,

с. 277]. Через некоторое время в том же году, черные клобуки позвали князя Изяслава захватить Киев, опираясь на их поддержку. В следующем 1151 г. клобуки уговаривают князя не вступать в битву и изменить весь план кампании. Обыкновенным явлением становится участие черных клобуков и в военных советах на равных с княжеской дружиной. Если киевский князь чем-то не устраивал клобуков, то они могли в решающий момент изменить князю, либо начать слать послов к тому князю, которого они считали более выгодным для себя как например было в 1159 г., когда от претендента на киевский стол, тюркская высшая знать, прямо требовала дать ей города за свою поддержку [6, с. 345].

Наиболее показательным случаем, который демонстрирует сложившиеся отношения, является конфликт между князем Святославом и тюркским князем Кунтувдеем, в результате которого тюркский князь бежал в половцы, часть которых лично возглавил, и отомстил за свою оскорбленную честь серией набегов на русские земли. Конфликт длился два года с 1190 г. по 1192 г., пока при помощи тех же половцев, за вознаграждение, Кунтувдея не выдали князю Рюрику. Но последний не только не наказал тюркского беглого князя, но и дал ему города и земли [6, с. 462]. В целом, взаимоотношения между русскими князьями и знатью черных клобуков были очень тесными. Когда умирал достойный с точки зрения черных клобуков, как например князь Изяслав, летописец писал, что плакала не только вся русская земля, но и черные клобуки [6, с. 323], – или же в 1178 г. после смерти князя Мстислава также черные клобуки горевали по умершему князю [6, с. 418–419].

Достаточно интересно отметить важную часть мировоззрения черных клобуков, она хорошо проиллюстрирована в летописной статье под 1155 г., когда на требование Юрия Долгорукого выдать пленных половцев их сородичам, черные клобуки отказались это сделать, и ответили князю, что они умирают за русскую землю и за княжескую честь [6, с. 330]. То есть фактически, черные клобуки уже в середине XII века отождествляли себя с русской землей.

Взаимоотношения черных клобуков и половцев, представляли также сложный комплекс родоплеменных связей, несмотря на постоянные военные конфликты с половцами, имели с ними тесные связи, в летописи под 1187 во время похода в степь прямо написано, что половцы успели перебраться на безопасное место, благодаря предупреждению «сватам» от черных клобуков [6, с. 447], в 1192 году, черные клобуки не захотели продолжать уже начавшийся поход на половцев, аргументируя отказ родственными связями с половцами [6, с. 461].

Таким образом, принятие русскими князьями на службу тюркских кочевников прослеживается со второй половины X в., оно было свойственно не только Древней Руси, но и многим оседлым государствам. Так же до 40-х г. XII в., тюркские конфедераты были пассивным инструментом обороны русских земель, а с 1142 г. становятся активным и важным участником удельных конфликтов и русско-половецких войн. Что касается характера взаимоотношений высшей русской и тюркской знати, то он принял вид классических удельных отношений характерных для Древнерусских княжеств середины XII в.

Литература

1. Абу Хамид Ал-Гарнати. Путешествие в Восточную и Центральную Европу / [пер. с арабского Большакова О.Г.]. М.: Наука, 1971. 135 с.
2. Голубовский. П.В. Печенеги, Торки, Половцы. М.: Вече, 2011. 288 с.
3. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского Королевства Татарами. / [пер. Досаева А.С.]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 287 с.
4. Мэнуку-Адамештяну Г. Нашествия печенегов на Нижнем Дунае (1027-1048 гг.). // StratumPlus. 2000. № 6. С. 352-353.
5. Повесть Временных Лет / [пер. Д.С. Лихачева]. М.: Наука, 2007. 76 с.
6. Полное Собрание Русских Летописей / Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. Т. 2. 638 с.
7. Полное Собрание Русских Летописей. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. Т. 9.
8. Плетнева С.А. Половцы. М.: Ломоносов, 2010. 216 с.
9. Плетнева С.А. Древности черных клобуков. // Свод Археологических источников. Вып. Е1-19. М.: Наука, 1978. 96 с.
10. Расовский. Д.А. Половцы, Черные Клобуки, Печенеги, Торки и берендеи на Руси и в Венгрии. // Материалы и исследования. Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей. М.: ЦИВОИ, 2012. Т. 1. 237 с.
11. Стефанович П.С. Бояре. Отроки. Дружины. Военно-политическая элита Руси в X-XI веках. М.: Индрик, 2012. 656 с.
12. Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетейя, 2003. 160 с.
13. Инков А.А. К оценкам первой встречи Руси и половцев в российской историографии // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 1. С. 4–10.

Шук Н.В.

ПОДСКАЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ ГОРНОГО КРЫМА КАК ОСОБЫЙ ТИП СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ

*ГБОУ ДО «Севастопольский центр туризма, краеведения, спорта и экскурсий»,
г. Севастополь*

Аннотация. В статье изучено использование подскальных оборонительных сооружений в средневековом Крыму. Предложена их классификация. Сделан вывод, что на Крымском полуострове использовались вершинные, мысовые, равнинные, предвещерные укрепления, аналоги которых можно встретить в других районах Причерноморья. Такими оборонительными сооружениями оснащались, в частности, пещерные монастыри.

Abstract. The article studies the use of under-the-rock defensive structures in the medieval Crimea. Their classification is proposed. It is concluded that peak, cape, plain and pre-cave fortifications were used on the Crimean Peninsula. Similar defensive structures can be found in other areas of the Black Sea region. In particular, cave monasteries were provided with such fortifications.

Ключевые слова: Крым. Средние века. Подскальные оборонительные сооружения. Пещерные монастыри.

Key words: Crimea. Middle Ages. Underground defensive structures. Cave monasteries.

Фортификация, как отрасль военно-инженерного искусства, развивалась на протяжении многих тысячелетий. Изменяющийся характер рельефа и горных пород приводил к тому, что в каждом регионе Земли складывались свои традиции и правила возведения укреплений, которые не всегда совпадали, или даже противоречили общепринятым. В этом отношении средневековые фортификационные сооружения, известные на территории Крымского полуострова, несомненно, представляют значительный интерес, так как несут в себе ряд самобытных черт. Примером, когда оборонительные сооружения строились не по тщательно разработанному плану, а спонтанно, применительно к конкретной местности, в зависимости от традиций местных жителей, являются подскальные укрепления, отличительной особенностью которых является их размещение в нижней или средней части вертикальных горных склонов. Мы не имеем в виду хорошо известные оборонительные пещерные казематы, являющиеся неперенным атрибутом для таких археологических памятников Таврики, как «пещерные города» [1, с. 125], [2]. Под термином «подскальные укрепления» нужно понимать фортификационные (оборонительные) сооружения, расположенные на (или внутри) обрывистой части склона или у его подножья и предназначенные для самостоятельной защиты укрытых (размещенных) в них людей и животных от воздействия средств поражения противника.

Для защитников подскальных укреплений, чьи боевые позиции и жилые помещения «утоплены» в скалу или находятся под скальными навесами, нахождение противника сверху не представляет большой опасности, так как его стрелы, копья, камни не имеют возможности поразить их. Этот факт не всегда очевиден, поэтому некоторые такие памятники не рассматривались как фортификационные сооружения. Актуальность работы обусловлена возрастанием научного и общественного интереса к истории Крыма, что требует описаний всех известных военно-исторических сооружений, в том числе и памятников оборонительного зодчества Средневековья. Выделение среди них подскального типа поможет разобраться в истоках средневековой фортификации Крыма, сочетающей, по мнению разных авторов, черты архаичных таврских убежищ [4, с. 16], античных и византийских крепостей, малоазийского пещерного зодчества и новейшие (на то время) достижения западноевропейского фортификационного искусства.

В основе самой общей типологии крепостей лежит нахождение фортификационного сооружения в пределах определенной формы мезорельефа, что определяет внешний облик укрепления. Основные типы фортификационных сооружений, выделяемые по поэтому принципу, следующие: *вершинные*, то есть занимающие вершину горы, скалы, холма (Тепе-Кермен, крепости в Гурзуфе и на скале Пания в Симеизе и др. [4]); *мысовые*, находящиеся на оконечности возвышенности и отделенные от остальной части этой горы стенами (Чуфут-Кале, цитадель Мангупа [1], Кыз-Кермен и др.); *равнинные* (Керкинитиды-Гезлевы); *островные*,

т.е. окруженные водой. Каждый из этих типов укреплений имеет свою специфическую систему организации обороны, что находит отражение в их плановом начертании, высоте и толщине стен и башен, внутреннем и внешнем строении укрепления. Подскальные укрепления – впервые выделяемый тип фортификационных сооружений. Было бы не совсем корректно считать этот термин (подскальные укрепления) синонимом понятия «пещерные крепости», хорошо известные в разных концах Европы, Азии, Африки, так как имеются фортификационные объекты прошлого, защитники которых в качестве природной защиты использовали нависающие над ними скальные обрывы, находясь у их подножья либо в подземных полостях внутри горы. Иногда укрепления, выбитые в скале, называют «скальными» [5]. Данный термин по смыслу слишком близок к вершинному типу укреплений, сооруженных на вершине скалы, не являясь таковым. Термин «подскальный» подчеркивает главную особенность этих укреплений – нахождение их в нижней и/или средней части крутого скального склона, оставляя вершину горного массива над собой – вне пределов своей активной обороны.

Рассмотрим различные классы укреплений этого типа. Наиболее примитивные черты фортификации несут так называемые *подскальные загоны* (термин предложил А.А. Щепинский). Такую кошару можно видеть под северо-восточными обрывами мыса Элли-бурун (Мангуп). Кошара помещена под скальный навес огромного природного грота (длина 250 м, глубина 10–13 м), а снаружи защищена стеной, сложенной насухо из обломков известняка. Её внутренне пространство поделено небольшими стенками на участки площадью от 50 до 200 м², в каждом из которых можно видеть следы жилых построек-сторожек [1, с. 135]. К *подскальным пещерам-убежищам* можно отнести пещеры № 7 и № 5 (пещера Домбровского) в обрывах горы Басман – одного из отрогов Главной гряды в бассейне реки Кача [4, с.18], а также пещеру Данильча-Коба (Коккозская долина). Интересным решением использования природных факторов являются *подскальные убежища-навесы*. Примером может служить убежище-навес, находящийся на скальной полке в средней части горы Деликли-Кая (западная вершина массива Ильяс-Кая). Защита подскального убежища строилась на полном перекрытии узкого (не более двух метров) единственного прохода завалом из камней, естественный вид которого – дополнительная маскировка. Наиболее ярко фортификационное назначение подскальных укреплений проявляется в *предпещерных укреплениях* (замках или крепостях – в зависимости от масштаба укрепления). Данный термин применяется к так называемым, Дзивгисским Предпещерным замкам, которые находятся рядом с селением Дзивгис (Северная Осетия) [5]. В Крыму примером такого класса подскальных укреплений является оборонительный комплекс, возведенный на Большом выступе и в нижней части Четвертого грота многослойного археологического памятника Качи-Кальон (Бахчисарайский район).

Наиболее интересным примером подскальных укреплений являются пещерные монастыри. Одним из первых на фортификационные особенности пещерных монастырей Крыма обратил археолог В.Н. Даниленко [3]. Детально исследовав монастырь Чилтер-Коба (в настоящее время монастырь освещен во имя св. вмч. Феодора Стратилата), он пришел к выводу, что монастырь имел довольно значительные оборонительные сооружения: ворота, стену-парапет, защищающую внутреннее пространство монастыря от обстрела. Входом в другие монастыри служил туннель-образный проход (Южный монастырь Мангупа, монастыри Шулдан и св. Софии), который мог быть надежно перекрыт в случае опасности. Возможность применения таранов устранилась приподнятостью входа на 1,5–2,0 метра над землей. Вышеописанные приемы фортификационной пещерной архитектуры вполне обеспечивали безопасность монастыря или небольшого поселения при нападении малочисленного противника.

Литература

1. Веймарн Е.В., Лобода и др. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. - К.: Наукова думка, 1974. С.123-139.
2. Герцен А.Г. Проблемы типологии средневековых городищ Юго-западной Таврики // Византия и средневековый Крым. – Симферополь: Таврия, 1995. С. 85-90.
3. Даниленко В.Н. Монастырь Чилтер-коба: архитектурный аспект / В.Н. Даниленко // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь: 1993. С. 78-108, 349-367.
4. Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» крымского Южного бережья // Феодальная Таврика. - К.: Наукова думка, 1974. С. 5-56.
5. Сланов А.А. Военное дело алан I-XV вв.: монография / Под ред. доктора ист. наук Бзарова Р.С. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований. Владикавказ, 2007. С. 400.

СЕКЦИЯ «История Большого Средиземноморья в новое время»

УДК 94(47).066

DOI 10.5281/zenodo.7271055

Бичаков С.А., Хапаев В.В.

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ НОВОРОССИИ В 1792–1799 гг.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье анализируются торговые отношения в Новороссии после русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и до конца XVIII в. Особое внимание в статье уделено развитию морской торговли и политике в отношении иностранных купцов. В исследовании использована информация из личных распоряжений (ордеров) правительства Новороссии. Выявлен позитивный вклад П.А. Зубова в развитии торговли края, а также экономические проблемы, с которыми столкнулось правительство в конце XVIII в.

Abstract. The article analyzes trade relations in Novorossiya after the Russian-Turkish war of 1787-1791. and until the end of the XVIII century. The article pays special attention to the development of maritime trade and policy towards foreign merchants. The study used information from personal orders (orders) of the government of Novorossiya. The authors determined the positive contribution of P.A. Zubov in the development of trade in the region, as well as the economic problems that the government faced at the end of the 18th century.

Ключевые слова: Новороссия, Северное Причерноморье, Платон Александрович Зубов, порто-франко, черноморская торговля.

Key words: Novorossiya, Northern Black Sea region, Platon Alexandrovich Zubov, porto-franko (free port), Black Sea trade.

В 1791 г. Российская империя одержала победу в очередной русско-турецкой войне (1787–1791 гг.). По итогам подписанного Ясского мирного договора 29 декабря 1791 г. Россия закрепила за собой земли Северного Причерноморья; к империи отошли земли между Южным Бугом и Днестром, по которому была установлена новая граница. Новые территории были включены в хозяйственную жизнь Новороссии.

В этом же году ушел из жизни устроитель Новороссии светлейший князь Г.А. Потемкин. На его место пришел новый фаворит императрицы – граф Платон Александрович Зубов, перед которым стояла задача не только сохранить благосостояние региона, но и включить в экономическую жизнь Новороссии новоприобретенные земли. Действительно, после окончания войны произошло резкое оживление торговли, как внутри региона, так и с другими губерниями. Расширялась продажа хлеба и других продуктов питания, торговля скотом, который в значительных количествах отправлялся в центральные районы страны. Активизировался вывоз сельскохозяйственных товаров за границу.

На многочисленные ярмарки и торги крестьяне привозили хлеб, масло, рыбу, пригоняли скот, выносили предметы домашних промыслов и ремесел. В северной части края широко практиковалось сенокошение, и на рынки вывозилось сено, которое требовалось при отгоне скота и для извозного промысла. На ярмарки также поступала промышленная продукция – сукно и кожаные изделия. Водка с винокурных заводов чаще всего продавалась в пределах данной вотчины или казенного села – в близких к заводу местах [1, с. 246].

Столица региона город Новороссийск (до 22 декабря 1797 г. – Екатеринослав) был расширен, став не только административным, но и торговым центром. В городе находились две группы торговцев: одни (великороссийские) торговали «красными, железными и мелочными товарами», очевидно, привозными, другие (малороссийские) – съестными припасами [1, с. 247].

Усиливались связи различных городов Новороссийской губернии с черноморскими портами. По Днепру, Бугу, Дону и Северскому Донцу, а после Ясского мира и по Днестру, транспортировалось много товаров для местного потребления, строительства и вывоза за границу. Благодаря сподвижнику Г.А. Потемкина крупному промышленнику Михаилу Фалееву был построен новый город, центр кораблестроения и торговли – Николаев (в 1788 г.). Созданный в качестве базы кораблестроения, он вскоре приобрел большое экономическое

значение. Поселившиеся в нем купцы и мещане торговали не только на месте, но и в соседних городах.

В новоприсоединенные земли между Южным Бугом и Днестром начали прибывать новые поселенцы как из Новороссии, так и из других губерний Российской империи, что привело к ускорению заселения и хозяйственного освоения земель. В связи с тем, что границы отодвинулись, таможенная и карантин были перенесены из Херсона в Очаков, т.е. ближе к морю. А по всей Бугско-Днепровской линии были возведены таможни [7, с. 215–216].

Началась активная урбанизация присоединенных земель. На Днестре, напротив турецкой крепости Бендеры, в 1792 г. Суворовым была заложена крепость Средняя, рядом с которой вскоре возник город Тирасполь. Русские купцы, поселившиеся в городе, производили здесь торговлю *«шелковыми, пушными, шерстяными и железными товарами, съестными и прочими припасами»*. Иностранцы привозили из Молдавии вина. Мещане занимались хлебопашеством и различными ремеслами [2, с. 302]. Другая крепость, Овидиополь, заложенная в 1796 г., также стала региональным центром торговли.

Два других города – Григориополь и Новые Дубоссары были населены преимущественно армянами. Армянские купцы (выходцы из Турции) сохраняли связи с турецким рынком. Пользуясь пограничным положением города, они ввозили через Днестр и далее по сухому пути турецкие ткани, виноградные вина, бакалейные товары. За границу они отправляли предметы скотоводства, преимущественно, сало [1, с. 250].

Жемчужиной нового региона стал основанный в 1794 г. город Одесса. Признавая необходимым открытие купеческим судам свободного входа в Гаджибейскую гавань, российских, так и иностранных подданных, *«с позволения привозить и нагружать для вывоза товары, подлежащие оплате пошлин по Черноморскому тарифу»*, императрица приказала начать строительство порта и крепости [8, с. 73–74]. Уже в 1795 г. Одесса обогнала по торговым оборотам Херсон, Феодосию, Керчь, Еникале и Севастополь. В 1796 г. она оказалась впереди Евпатории (лидера среди Крымских портов по коммерции) [1, с. 258]. Именно с хлебным экспортом было связано исключительно быстрое развитие Одессы. Выгодное географическое положение Одессы – морского порта, находящегося сравнительно недалеко от устьев Днестра, Буга и Днепра, позволяло транспортировать сюда товары из всех юго-западных губерний России. Подвоз товаров производился также и сухим путем. Кроме того, в городе были крупные купцы-оптовики: их числилось 12 семейств с общим ежегодным оборотом капитала в 300 000 рублей. Розничной торговлей занималось 30 семей с общим оборотом в 50 000 рублей [1, с. 260]. Таким образом, даже те города, которые возникли как крепости, очень быстро втягивались в хозяйственную жизнь страны.

«Геродот Новороссии» А.А. Скальковский в работе «Хронологическое обозрение Новороссийского края» приводит следующие данные послевоенного регионального товарооборота. В 1794 г. за весь год в край прибыло с товаром 255 кораблей, а отошло 302, итого 557 кораблей. Товаров было привезено на сумму 400 389 рублей, а вывезено на сумму 903 297 рублей. Сухопутный иностранный товарооборот составил свыше миллиона рублей. Следовательно, внешнеторговый оборот Новороссийского края в 1794 г. составил 2 044 167 рублей. За счет сбора пошлин казна получила 95 616 рублей [7, с. 233–234].

Светлейший князь П.А. Зубов продолжал экономическое развитие, в первую очередь развитие торговли. Несмотря на то, что управлял Платон Александрович Новороссийским краем из Санкт-Петербурга, благодаря его наместникам, таким как Иосиф Хорват, князь быстро освоился в делах. В 1793 г. он издал ордер, в котором указывалось, чтобы правительство со своей стороны *«какие-либо меры к способствованию в строении судов купеческих приняло..., каким бы образом привести сию столь важную для умножения торговли часть в наилучшее состояние, возбуждая к сим жителям по способности пребывания их и доставляя им от правительства всевозможные способы»* [4, с. 49–50].

Также, продолжая политику своего предшественника, П.А. Зубов покровительствовал иностранным торговцам и оказывал им всяческую поддержку. Например, Савойскому дворянину Галеру, который имел в Тавриде хозяйство и вел торговлю, Зубов приказал способствовать ему и его устремлениям: *«... предписываю вашему превосходительству одного господина Галеру принять благосклонно и во всех делах его подавать деятельное пособие, доставляя ему в его предприятиях и заведениях всякое облегчение и покровительство, дабы через то другие его соотечественники, могущие Таврическому краю принести пользу расширением Черноморской торговли и заселением оными выводимыми колониями, видя благосклонное принятие его и узнав о чинимом у нас коммерции ободрения, могли подражать похвальному его примеру и предпринять подобные заведения на пользу торговли и заселения»* [5, с. 70.]. Ситуация с Савойским дворянином была типична в тот период, и со всеми иностранцами правительство края действовало аналогично, поддерживая иностранных торговцев и колонистов и покровительствуя их коммерции.

Еще одной мерой для улучшения морской торговли, предпринятой П.А. Зубовым, был пересмотр Черноморского тарифа. Платон Александрович писал по этому поводу следующее: *«От времени издания тарифа для портов Черного моря, какая последовала в ценах на все вещи перемена и возвышение, вашему превосходительству довольно известно...»* [3, с. 27.]. Тем самым предполагалось пересмотреть цены на продукцию, привозимую и вывозимую из Новороссии. Также предлагалось наложить запрет на вывоз некоторых товаров: *«О товарах, коих вывоз запрещен по тарифу, и о которых представляем Вашему Сиятельству причины, побудившие нас ходатайствовать о разрешении выпуска оных, осмелюсь я удостоверить Ваше Сиятельство, что таковым разрешением умножается доход таможенный и прекращается покушение к потаенному их выпуску»* [3, с. 27–29].

Также черноморская торговля развивалась на основе внутреннего обмена, представляя собой одно из наиболее ярких явлений хозяйственной жизни края. Благодаря экспорту и импорту товаров происходил быстрый рост портовых городов. Исследование, проведенное экономистом А. Семеновым, наглядно показывает расцвет морской торговли. Ее оборот за последнюю четверть XVIII в. увеличился в 11,7 раза, в то время как сумма общеевропейского оборота России возросла за тот же период с 30 593 757 руб. до 74 704 699 руб. [6, с. 220], т.е. в 2,4 раза.

Пшеница и пшеничная мука составляли по стоимости 654 138 руб. [1, с. 254.] – более половины всего черноморского экспорта. Если в 1782 г. в экспорте на первом месте стояла промышленная продукция (в особенности железо), а количество вывезенного хлеба было ничтожно, уступая маслу, паюсной икре и листовому табаку, то впоследствии хлебобобы Юга стали основным поставщиком пшеницы в черноморские порты.

12 ноября 1796 г. П.А. Зубов был уволен со службы, впад в немилость у императора Павла I. На его место Екатеринославским (Новороссийским) военным и гражданским губернатором был назначен генерал-лейтенант Н.М. Бердяев. Как и Г.А. Потемкину, П.А. Зубову не удалось осуществить далеко идущие планы по улучшению коммерции в крае. Почти в тоже время (указом 14 от ноября) император приказал: *«доходы Екатеринославской и Вознесенской губерний и Таврической области, предоставленные единственному распоряжению тамошнего генерал-губернатора, присоединить к общим государственным доходам...»* [7, с. 4.]. До этого времени право оставления налогов в региональной казне, дарованное Новороссийскому краю по просьбе Г.А. Потемкина, было предоставлено с целью украшения городов, заведения полезных фабрик, устройства дорог, мостов и прочего. Теперь льготы были убраны, и ничто не отличало Новороссию от других регионов. Однако созданный за четверть века экономический базис способствовал тому, что императорский указ не смог нанести серьезного вреда торговле региона.

В 1797 г. центр морской торговли окончательно переместился в Одессу. В ее структуре теперь значительно преобладал экспорт. В том году 72 корабля посетили Одесский порт; 50 из них повезли русские товары за границу [7, с. 9–10].

В последние годы XVIII в. были попытки учреждения порто-франко на берегах Черного моря. В манифесте от 13 февраля 1798 г. говорилось: *«Взирая сердечным порадованием, вещает Монарх, на успех торговли при портах наших на морях Балтийском и Белом распространяющейся, и желая то же самое найти на море, окружающем полуостров Таврический, столь природно обогащенный, признали мы за благо для вящего торговли нашей поощрения и для прочнейшего заселения и обзаведения городов и земель на сем полуострове, установить там для всех народов и наций на 30 лет порто-франко, даруя двум первенствующим тамошним купеческим гаваням, полную свободу для прихода туда судам всех наций, и жалую всем иностранным, какого бы рода и племени они ни были, коим приезд в Империю нашу дозволен, и кои пожелают там поселиться, надежное и безопасное пристанище и убежище, под покровительством Нашим, с тем, что в течение вышеозначенного времени, дозволяется всякому и каждому природному российскому подданному и иностранцу, не только в выше помянутые гавани привозить все товары беспошлинно, но доставлять их по всем другим местам полуострова на таком же праве...»* [7, с. 15–16.]

Сам манифест включал 12 пунктов, в которых поощрялась морская иностранная торговля. Казалось, что эти меры смогут дать новый импульс развитию экономики края. Однако, исполнение предложенного порто-франко было «неудобно», ибо продолжалось менее двух лет, и в конце 1799 г. было упразднено. Также возникла опасность закрытия Одесского порта. Основными причинами, из-за которых порто-франко потерпел фиаско, были: 1) Смутные обстоятельства торговых дел в Европе, связанных с Великой Французской революцией; 2) слишком обширное пространство, занятое под порто-франко, следовательно, невозможность точного таможенного надзора.

Таким образом, с началом правления Павла I, упразднившего экономические преференции Новороссии, регион погрузился в экономический застой. В начале XIX в. торговля

Одессы и других черноморских портов почти заглохла. Понадобилось много времени, чтобы восстановить ее в дальнейшем.

Литература

1. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М.: Академия наук СССР, 1955. 368 с.
2. История Молдавии. Документы и материалы, Т. I. М.: Кишинев, 1951. 450 с.
3. Лашков Ф. О пересмотре Черноморского тарифа 1782 г. // ИТУАК. 1891. Т. 1 С. 27–30.
4. Ордер № 13 от 2 августа 1793 г. «О поиске способов для привлечения к торговле местных жителей». Ордера Графа (потом Князя) Платона Александровича Зубова. 1793 год. // ИТУАК. 1892. Т. 15. С. 49–50.
5. Ордер № 371 от 1 июля 1794 г. «О принятии Савойского дворянина Галера...». Ордера Графа (потом Князя) Платона Александровича Зубова. 1794 год. // ИТУАК. 1893. Т. 18. С. 70.
6. Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. ч. 1. М.: СПб, 1859. 307 с.
7. Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730–1796. Часть 1. М.: Одесса, 1836. 319 с.
8. Устройство Одесского порта и первоначальный отвод земли г. Одессе. // ЗООИД. 1894. Т. 17. С. 73–74.

Кравчук А.С.

**ПРАКТИКИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДЕ ВЫСШЕГО ЧИНОВНИЧЕСТВА
ЭПОХИ ПАВЛА I (НА ПРИМЕРЕ НОВОРОССИЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹**

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь

Аннотация. В статье на основе ранее неизвестного документа, выявленного в Российском государственном историческом архиве, восстановлены перипетии отношений между новороссийским военным губернатором Н.М. Бердяевым и гражданским губернатором И.Я. Селецким. Конфликт между двумя сановниками возник по поводу разграничения полномочий. Законодательная неурегулированность и административные преобразования привели к возникновению комплекса противоречий, решать которые было необходимо «в ручном режиме» при участии самого императора.

Abstract. The article is based on a previously unknown document which was identified in the Russian State Historical Archive. Based on these materials, I restored the vicissitudes of relations between the Novorossiia Military Governor N. M. Berdyayev and the Novorossiia Civilian Governor I. Ya. Seletsky. The conflict between the two dignitaries aroused over the division of powers. The contradictions emerged due to legislative unsettledness and administrative transformations. The emperor himself had to participate in solving these problems in «manual mode».

Ключевые слова: Новороссийская губерния, И. Я. Селецкий, Н. М. Бердяев, чиновники, бюрократия.

Key words: Novorossiia Governorate, I. Ya. Seletsky, N. M. Berdyayev, officials, bureaucracy.

Правление Павла I в российской историографии зачастую воспринимается негативно. Императора обвиняют в уничтожении начинаний его матери, особенно актуальны данные утверждения в контексте исследования истории юго-запада Российской империи. Объясняется это сокращением финансирования развития Новороссийского края и Крыма по многим статьям. В том числе сворачиванием большей части проектов, связанных с развитием хозяйства. Однако последние наши исследования показали, что значительная часть из предпринимаемых Павлом I мер, являлись вынужденными – казна была опустошена военными кампаниями и непомерными тратами на освоение присоединенных территорий. Привлечение новых архивных материалов, позволяют по-новому взглянуть на историю региона в годы царствования Павла I и пересмотреть устоявшиеся тезисы. Отношение к проводимой в регионе политике сформировались в годы царствования Александра I. Часто умышленно искажалась реальность для дискредитации Павла I и его действий во главе государства с целью легитимизации нового императора.

Одной из основных мер принятой Павлом I и призванной сократить расходы казны была оптимизация аппарата местного управления. Вместо трех административных единиц – Екатеринославского и Вознесенского наместничеств, а также Таврической области – учреждалась Новороссийская губерния. Количество чиновников сократилось втрое. На содержание штата новой губернии выделялось меньше средств чем на финансирование органов управления одной только Таврической области в годы правления Екатерины II. Данный подход нарушил привычные механизмы взаимодействия в местной администрации, оставил не удел массу рядовых чиновников, которые вынуждены были искать себе новое место.

Изменения коснулись и высшего эшелона власти в регионе. Павел I сместил, возглавлявшего край последнего фаворита Екатерины II Платона Александровича Зубова (1767–1822). Его сменил генерал-лейтенант Николай Михайлович Бердяев (1744–1823): «При определении военным губернатором в Новороссийскую губернию генерала-лейтенанта Бердяева в Именном Высочайшем указе от 16 декабря 1796 г. повелено быть ему же и гражданским губернатором» [7, л. 6]. Он занимал пост новороссийского (екатеринославского) военного губернатора с 16 декабря 1796 по 29 ноября 1797 гг. [1, л. 1–3], гражданской частью управлял до 19 июля 1797 г. [7, л. 6–7]. Таким образом вся власть в крае замкнулась на Н. М. Бердяеве.

¹ Статья выполнена в рамках гранта «Формирование и кадровое обеспечение местных учреждений Новороссийского края и Крыма в конце XVIII – первой половине XIX вв.» Совета по грантам Президента Российской Федерации для молодых российских ученых, грант № МК-3927.2022.2

This work was supported by The Russian presidential grant for young scientist, project «Formation and staffing of local authorities in the Novorossiia Region and Crimea at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries», no. МК-3927.2022.2

Вскоре, 28 марта 1797 г., на должность новороссийского (екатеринославского) гражданского губернатора был назначен действительный тайный советник Иван Яковлевич Селецкий (1743–1810). Вот как описывал новый гражданский губернатор первую встречу с военным губернатором: «Первый день моего сюда прибытия я всю принадлежащую честь сделал господину Бердяеву. Приехал к нему как к старшему себя и строму знакомцу. Но первые от него мне были слова, что он тут на праве генерал-губернатора, и чтобы я по делам моей должности сначала к нему относился. Я, зная в чем состоит должность военного и гражданского губернатора, и получая от Сената указы лично, а от генерал-прокурора чрез писание по силе Высочайших Именных указов в коих пишут меня начальником губернии и что ежели чего не исполнено, то строжайше отвечать буду. Представил ему о сем во всех деталях. Сообщил, что когда он будет мешаться в мою должность и делать преграду в исправлении оной я доложу высшему о том начальству» [7, л. 3].

Между двумя сановниками разгорелся конфликт, в основе которого, помимо личных амбиций, было несовершенство законодательства. Административные преобразования Павла I нарушили устоявшиеся отношения между сановниками, в основе которых было «Учреждение для управления губерний Российской империи» от 7 ноября 1775 г. К тому же, Н. М. Бердяев сменил на этом посту последнего фаворита Екатерины II П. А. Зубова, обладавшего фактически неограниченной властью. Можно предположить, что себя он считал его полноправным сменщиком. Подобная ситуация не была чем-то уникальным, противотечения между военными губернаторами, генерал-губернаторами и гражданскими губернаторами возникали достаточно часто [2, с. 53–56; 3].

Для разрешения конфликтной ситуации И. Я. Селецкий 26 января 1797 г. обратился к своему покровителю, фавориту Павла I – Петру Васильевичу Лопухину [7, л. 1–2]. Текст данного обращения ярко иллюстрирует литературный стиль в контексте патронажных отношений в среде чиновничества: «Исполнение важного и многотрудного настоящего моего в сей губернии служения было бы для меня тягостию, и я при всем моем рвении и неутомимости к службе, могу быть не способен к сохранению порядка в оной. Меня подкрепляет то одно, что я служу под вашего сиятельства началом и под присмотром вашей добродетели. Правосудия и прозорливости буду иметь счастье пользоваться вашим малейшим покровительством, наставлением и в невинности моей защитой. В сем оставаясь в лестном уповании честь и долг имею вашему сиятельству, открыв мое затруднительное тут положение, которое во многих частях делает преграды в точном и поспешном отправлении моей должности. Господин военный здешней губернатор вмешивается в дела ему не подлежащие и считает себя в праве генерал-губернатора, требуя от меня зависимости. Сие можно усмотреть из следующего: 1) предлагает палате суда и расправе первому департаменту чтобы оные по 113 статье высочайших учреждений присылали к нему дела преступления уголовного и подавали на ревизию оного; 2) требует представлять ему о набранных рекрутах; 3) принимая от частных людей прошения, препровождает оные при сем с предложениями в губернское правление» [7, л. 1–2]. Неформальные отношения, патронаж и фаворитизм играли важное значение в структуре управления Российской империи в различные времена [5].

Также И. Я. Селецкий утверждал, что Н. М. Бердяев заставлял городничих не подчиняться гражданскому губернатору и не давать для наведения порядка солдат штатных рот: «вашему превосходительству известно сколько тут великие расстояния между уездами, а встречаются самые важные и времени не терпящие дела и ежели через почту посылать предписания не известно, как скоро дойдет, а за медленность невинно я буду страдать. Все таковые обстоятельства не одного меня тут затрудняют, но и все присутственные места, кои не знают кого слушать и кому подчинены. [...] Всепокорнейше прошу снабдить меня вашими наставлениям, что мне делать и что предпринять» [7, л. 4]. Таким образом деятельность местного аппарата управления, который только начал складываться после административной реформы, была полностью парализована. Это не могло не вызвать недовольство не только рядовых обывателей, но и местной бюрократии.

П. В. Лопухин для защиты своего протекже и решения возникшей проблемы обратился в Сенат и непосредственно к императору: «При определении военным губернатором в Новороссийскую губернию генерала-лейтенанта Бердяева в именном высочайшем указе 16 декабря 1796 г. повелено быть ему же и гражданским губернатором. Сего 28 марта 1797 г. высочайше определен в оную губернию гражданским губернатором действительный статский советник Селецкий. Почему и осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, имеет ли ныне начальство по гражданской части Бердяев» [7, л. 6].

В ответ 19 июля 1797 г. последовал указ Павла I Сенату в котором указывалось следующее: «По определении в Новороссийской губернии гражданским губернатором действительного статского советника Селецкого повелеваем генерал-лейтенанту Бердяеву по званию

его военного Екатеринославского губернатора остаться при начальстве одной только части военной на основании военного нашего устава. Правительствующий Сенат приказали о сем высочайшем повелении обоим сообщить, послать им указы каковыми дать знать всем присутственным местам и губернским правлениям...» [7, л. 6–7]. Таки образом конфликт завершился в пользу гражданского губернатора.

В ноябре 1797 г. Н. М. Бердяев и вовсе покинул занимаемый пост. Отставка была почетной – ему были пожалованы земли недалеко от Обухова в Киевском уезде. Иначе сложилась судьба И. Я. Селецкого, вскоре после данного конфликта ему был пожалован чин тайного советника. Сам он был вполне доволен положением дел, о чем писал своей супруге: «Я здесь нашел ту страну, где меня все возлюбили и паны и простые, где разумеют мою цену, и после гордости и ругательств бывших губернаторов, а особливо Бердяева, коего имя всем тут ненавистно, почитают меня своим избавителем» [6, с. 11].

Таким образом, выявленное нами дело позволяет восстановить сюжеты истории, связанные со взаимоотношениями в среде высшей бюрократии Новороссийской губернии времен правления Павла I. Проведенный анализ показал, что ключевую роль в конфликтных ситуациях приобретали неформальные связи и механизмы патронажа. И. Я. Селецкий смог не просто отстоять свои позиции благодаря покровителю приближенному к императорскому трону, но и фактически добиться отставки военного губернатора Н. М. Бердяева. После этого он оставался на посту гражданского губернатора вплоть до 1800 г. [4, с. 23].

Литература

1. Государственный архив Республики Крым. Ф. 28. Оп. 3. Д. 102.
2. Кравчук А. С. Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Бизнес-Информ, 2019. 244 с. (Серия: Биобиблиография крымоведения; вып. 29).
3. Кравчук А. С., Непомнящий А. А. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // Былые годы: российский исторический журнал. 2018. Т. 47. № 1. С. 97–106.
4. Макидонов А. В. К светской и церковной истории Новороссии: XVIII–XIX вв.: изд. 3, испр. и доп., Запорожье: Просвита, 2008. 140 с.
5. Мельников К. В. Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России // политическая наука. 2021. № 4. С. 210–238.
6. Модзалевский В. А. Малороссийский родословник: в 4 т. Киев: тип. Фронцкевича и К^о, 1908. Т. 1. 519 с.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 147.

ОРГАНИЗАЦИЯ В СЕВАСТОПОЛЕ КАМПАНИИ ПО ЛИКВИДАЦИИ БЕЗГРАМОТНОСТИ В 1920-1930-Е ГОДЫ

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье уточнено и расширено представление об организации кампании по ликвидации безграмотности в Севастополе в 1920-1930-е годы благодаря введению в научный оборот новой источниковой базы. Автором проанализированы факторы, препятствующие успешности борьбы с безграмотностью, а также на основе статистических данных были сделаны выводы о результатах проведения кампании в Севастополе.

Abstract. The article clarifies and expands the idea of organizing a campaign to eliminate illiteracy in Sevastopol in the 1920-1930s due to the introduction of a new source base into scientific circulation. The author analyzed the factors hindering the success of the fight against illiteracy, and based on statistical data, conclusions were drawn about the results of the campaign in Sevastopol.

Ключевые слова: образование, Севастополь, ликвидация неграмотности, ликбез, политпросвет, отдел народного образования.

Key words: education, Sevastopol, eradication of illiteracy, likbez, political education, department of Public Education.

15 ноября 1920 года части рабоче-крестьянской Красной армии вошли в Севастополь, в городе была установлена советская власть, начались преобразования во всех сферах жизни населения. Одним из приоритетных направлений реформирования стала сфера образования.

В.И. Ленин полагал, что в государстве, где царит неграмотность и невежество построить коммунистическое общество невозможно: "...пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке" [5, с. 174]. Действительно, положение в государстве можно было охарактеризовать, как катастрофическое: к 1917 году около 73% населения в возрасте от 9 лет не умели читать и писать, в деревне процент неграмотности достигал 80, а в национальных районах 99,5% [2, с. 14]. В подобных условиях успешность и законченность социально-экономических и политических преобразований подвергались серьезным сомнениям со стороны правительства.

Следовательно, после прихода к власти большевиков и победы Великой Октябрьской революции задача ликвидации безграмотности стала осуществляться на государственном уровне и в пределах всей страны. Ликвидация неграмотности (ликбез) – это процесс массового обучения грамоте взрослых и подростков школьного возраста, не охваченных школой, проводимый в советском государстве в 20-30-е годы XX века [13].

Безграмотных обучали в школах, кружках самообразования (политграмотности, сельскохозяйственные), пунктах ликбеза. В деревнях и сельской местности центром грамотности и пропаганды знаний стали избы-читальни. Ликвидация неграмотности сочеталась со всеми формами массовой политико-просветительной работой: проведением бесед на общественно-политические темы, лекций, экскурсий, клубной работы; использованием газет, журналов, книг для малограмотных; вовлечением малограмотных в общественную работу [9, с. 382].

По данным, Е.Б. Алтабаевой в начале 20-х годов Севастополе количество неграмотных составляло 40-45% от числа всего населения, к середине десятилетия показатель сократился и не превышал 10% [1, с. 91]. Таким образом, в городе развернулась широкая ударная кампания по ликвидации малограмотности и безграмотности, которой руководил севастопольский Политпросвет.

Главная задача севастопольского Политпросвета в области ликбеза в 1923-1924 годы заключалась в открытии ликпунктов (школ первоначальной грамоты) и превращение избы-читален в действительный центр культурной жизни в деревне [8, л. 6]. Данная работа была усложнена: Исполнительный комитет отказывался утвердить сеть в 15 ликпунктах, как по городу, так и по району, возможно по причине финансовой нехватки. Более того, Исполком отказывался выделять необходимые суммы на покупку книг для политпросветучреждений, следовательно, ликпункты, избы-читальни испытывали острую нехватку учебных пособий, литературы, принадлежностей. Однако, Политпросвет не прекращал свою деятельность и пытался добиться урегулирования данной проблемы, обращаясь за помощью к городским союзам по борьбе с неграмотностью [8, л. 6].

На 1 июня 1924 года в Севастополе функционировало 23 ликбеза (499 учеников), 10 изб-читален (570 учеников), 7 школ политграмотности (с 325 учениками), также действовали школы малограмотности с 15 учениками [4, л. 159]. 9 ликпунктов в районах был открыты благодаря агитационной деятельности Политпросвета: "...взывая с сознательности учителей, путем широкого снабжения букварями и пособиями, путем переговоров с Заведующими избами-читальнями и обещанием о скором утверждении сети" [8, л. 6]. Они находились в следующих деревнях: Байдары (2 ликпункта на татарском и русском языках), Баге, Саватке, Узундже, Кучук-Мускомье, Биюк-Мускомье (все на татарском языке). Два ликпункта на русском языке располагались в Балаклаве и Инкермане [8, л. 7].

Работа по ликвидации неграмотности проводилась и в союзах, однако, в отчете за 1923-1924 годы указывается, что денежные средства союзы охотнее тратят на драмкружки, нежели на ликпункты. Так, Севастополе функционировало 8 ликпунктов следующих союзов: Металлистов (1), Колхозников (1), Архистрой (1), Комработников, Совработников, Нарпит, Медсантруд (совместно с военными организациями 3) [8, л. 6]. Открывались ликпункты и при клубах: клуб имени К. Маркса, Водников, Красный металлист; при Доме просвещения, Первой Совбольнице, Морзаводе, Политпросвете [7, л. 217]. Однако, посещаемость в них составляла 50%. На 1924 год в Севастополе располагалось лишь 3 школы по ликвидации малограмотности, посещаемость была стопроцентной, а ученики были заинтересованы в обучении. Предполагалось к октябрю 1924 года открыть такие же школы при союзах Кожпром, Медсантруд, Металлистов [7, л. 217].

В ликпунктах, особенно татарских, была острая нехватка букварей, учебных пособий, книг и письменных принадлежностей, а посылаемые Крымполитпросветом газеты на татарском языке незамедлительно рассылались по деревням в ликпункты и избы-читальни. Газеты были, как местные, так и центральные: "Маяк коммуны", "Беднота", "Рабочая газета", журналы "Прожектор", "Крокодил", "Безбожник". Избы-читальни смогли заинтересовать население деревень в просвещении, особенно молодежь: "Желание учиться бесконечно, надо только находить культурные силы для их удовлетворения" [14, л. 162]. Таким образом, удостоверения об окончании школ грамот в 1924 году были выданы 15 выпускникам из деревень: Саватка, Уркеста, Сахтик, Биюк-Мускомье [14, л. 162]. В 1925 году Крымнаркомпрос постановил увеличить количество ликпунктов до 56 и школ для малограмотных до 8 по севастопольскому району. Это было сделано с целью сократить срок занятий до 3-4 месяцев, которые к тому времени длились целых полгода [12, л. 204].

Рис. 1. Пятая районная конференция Севастопольского общества "Долой неграмотность". 13-14.04.1924

Исходя из выписки из протокола заседания секции Горсовета по ОНО (Отдел народного образования) первичная ликвидация неграмотности для коренного населения Севастополя к 10 Годовщине Октября 1927 года можно считать возможной, в случае проведения в жизнь необходимых условий: ассигнование ОНО 1 тысячи рублей специально на индивидуальное обучение неграмотных; просить ОНО выделить из числа своих членов ликвидаторов; созвать конференцию учащихся для 7,8, 9-х групп школ II ступени, на которой провести пропаганду и выделить кадры ликвидаторов; организовать краткосрочные курсы для индивидуальных ликвидаторов; провести в печать широкую кампанию по этому вопросу [3, л. 59]. По данным Е.В. Новиковой план по ликвидации неграмотности к 10-летию Октября не был решен в срок по причине недостатка финансов [6, с. 160].

В Севастополе функционировало общество “Долой неграмотность”, где обучали грамоте детей [7, л. 217] (рис. 1). Комсомольцы и обучающиеся в школах II ступени по заданию общества отправлялись в семьи, состоявшие из неграмотных и малограмотных взрослых. Политпросвет также тесно соприкасался в своей деятельности с работой Агитпунктов Окружкома, РКСМ, профсоюзами, Женотделом.

Согласно докладу товарища Безухиной “О состоянии ликбеза”, на 1933 год в Севастополе было открыто 13 новых школ по ликвидации неграмотности, ими было охвачено 75% неграмотных среди неорганизованного населения [10, л. 6]. Однако, посещаемость была слабая, материальное положение было тяжелым. Срок полной ликвидации неграмотности опять был перенес на 1 мая 1933 года. Так, уже к 1 мая из 789 неграмотных выпустились 230 человек, из 2800 малограмотных – 1223 [11, л. 30]. Таким образом, план был осуществлен не полностью.

Об успешности проведения кампании по ликвидации неграмотности в Севастополе помогают судить статистические данные. Согласно переписи населения 1926 года, в Севастополе проживало более 2,5 тысяч неграмотных от 18 до 50 лет, с учетом, того, общее количество населения составляло 67 тысяч [1, с. 92]. Согласно переписи населения, проводимой в 1930 году, в городе проживало 73 тысяч человек, из которых около 2 тысяч оставались неграмотными [1, с. 92].

Таким образом, в Севастополе в рамках реализации государственной политики уже в первой половине 1920-х годов под руководством местного Политпросвета была развернута массовая кампания по ликвидации неграмотности (ликбез) среди взрослых и подростков школьного возраста, не охваченных школой. Уровень количества неграмотных, по сравнению с другими городами РСФСР, в Севастополе был невысоким.

Безграмотных Севастополя обучали в ликпунктах, избах-читальнях, школах малограмотности и ликбезах. Однако, кампания ликбеза в Севастополе была осложнена нехваткой книг, учебных пособий и литературы, отсутствием достаточного количества ликвидаторов, педагогов, финансовой нехваткой. Так, к 1927 году план по ликвидации неграмотности в Севастополе выполнен не был. Однако, согласно переписи населения 1930 года, в Севастополе проживало 73 тысяч человек, из которых около 2 тысяч оставались неграмотными. Статистика по Севастопольскому району отсутствует, но можно предположить, что уровень неграмотных был гораздо выше, чем в городе. Именно поэтому Политпросвет в первую очередь боролся с неграмотностью в селах и поселках.

Литература

1. Алтабаева Е.Б. Марш энтузиастов: Севастополь в 1920–1930 годы. Учебное пособие. Севастополь: Телескоп, 2008. 384 с.
2. Белоусова О.А. Борьба с безграмотностью в первые годы становления советской власти // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, №2(6), 2019. С. 15-26.
3. Выписка из протокола заседания секции Горсовета по ОНО 2 февраля 1927 г. Архив города Севастополя. Ф. Р. 79, Оп. 1, Д. 103. Л. 59.
4. Информационная статистическая отчетность по Севрайону (на 1 июня 1924 года) // Архив города Севастополя. Ф. Р. 420, Оп. 1, Д. 57. Л. 159.
5. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений: в 55 т., изд. 5., т. 44. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 155-175.
6. Новикова Е.В. Народное образование г. Севастополя в конце 20-х-30-е годы XX века // Культура народов Причерноморья. Симферополь: Крымский научный центр НАН и МОН Украины, Таврийский национальный университет имени В.И. Вернадского МОН Украины, 2013. С. 159-161.
7. Отчет о деятельности ОНО за сентябрь месяц 1924 года г. Севастополь // Архив города Севастополя. Ф. Р. 420, Оп. 1, Д. 58. Л. 216-219.
8. Отчет о деятельности Севрайона за первый квартал 1923/24 бюджетного года // Архив города Севастополя. Ф. Р. 420, Оп. 1, Д. 58. Л. 6-7.
9. Постановление ЦК ВКП(б) “О работе по ликвидации неграмотности” (17 мая 1929 г.) // Абакумов А.А. Народное образования в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917-1973 гг. М.: Педагогика, 1974. С. 382-383.
10. Протокол заседаний бюро культ. массовой секции и ОНО 1933 г. / Доклад т. Безухиной о состоянии ликбеза // Архив города Севастополя. Ф. Р. 79, оп. 1. Л. 6.
11. Протокол пленума секции культ. масс ОНО 28.03.1933 // Архив города Севастополя. Ф. Р. 79, Оп. 1. Л. 30.
12. Справка №9765 (10.09.25) // Архив города Севастополя. Ф. Р. 420, Оп. 1, Д. 313. Л. 204.
13. Толковый словарь Ефремовой // Slovar.cc. – URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/300408.html> (дата обращения: 07.04.2022).
14. Учебная часть (выполненные пункты из намеченного плана на май 1924 г.) // Архив города Севастополя. Ф. Р. 420, Оп.1, Д. 58. Л. 160.

Петренко А.И.

МЛАДОТУРЕЦКИЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМ: КАТЕГОРИИ СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА И БРАТСТВА

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам изучения турецкого республиканизма от начала Второго конституционного периода и до начала Балканских войн (1908–1912 гг.). Предложено рассмотреть категории свободы, равенства и братства с точки зрения их внутреннего содержания и влияния на политическую мысль того времени. Данный период крайне важен, поскольку именно в это время происходит творческое осмысление самого концепта республики в условиях конституционной монархии. Ценности Великой французской революции сыграли важнейшую роль в определении политических ориентиров младотурок и впоследствии послужили базисом для первой Конституции Османской империи 1876 года. Особое внимание уделено тому, каким образом эти ценности модифицировались и трактовались в рамках национальной культуры и турецкого политического сознания.

Abstract. This article is devoted to some aspects of the study of Turkish republicanism from the beginning of the Second Constitutional Period to the beginning of the Balkan Wars (1908-1912). It is proposed to consider the categories of freedom, equality and fraternity from the point of view of their internal content and influence on the political thought of that time. This period is extremely important, because it is at this time that the creative understanding of the concept of the republic itself takes place in the conditions of a constitutional monarchy. The values of the Great French Revolution played a crucial role in determining the political orientations of the Young Turks and subsequently served as the basis for the first Constitution of the Ottoman Empire in 1876. Special attention is paid to how these values were modified and interpreted within the framework of national culture and Turkish political consciousness.

Ключевые слова: республиканизм, младотурки, ценности, свобода, равенство, братство.

Key words: republicanism, Young Turks, values, liberty, equality, fraternity.

После победы на парламентских выборах 1908 года Комитет единения и прогресса стал новой элитой Османской империи. Представители младотурецкого движения полагали, что результаты первых демократических выборов утврждают достижения революции и тем самым избавят османское общество от деспотизма и абсолютизма. При этом парламент рассматривался как конституционный орган, способный добиться построения централизованного государства нового типа [7]. Государство мыслилось младотурками как некий общественный договор между правительством и управляемыми, определяющий взаимные права и обязанности, а также медиатор, гарантирующий их взаимное исполнение. Однако, несмотря на подчеркнутое стремление достичь идеалов французского республиканизма, младотурки вполне сознательно выстраивали иерархию господства и подчинения. Так, народ вверял себя в руки правительства, обязуясь подчиняться его решениям, а правительство тем самым гарантировало безопасность и законы, позволяющие управляемым пользоваться своими свободами. Но в четко определенных рамках. Базисом этого положения вещей выступало доверие сторон друг к другу и взаимная ответственность за исполнение контракта [20].

Контрактный принцип государственного строительства младотурок тесно перекликается с политическими воззрениями поэта Н. Кемаля, полагавшего, что в основе государственной лояльности лежит именно патриотизм и верность долгу, а не монархические чувства или религиозные принципы [5]. Таким образом, государство в период коренных изменений османского общества становится символом стабильности и гарантом соблюдения долгосрочных интересов нации, не ограниченных волей суверена. Эту идею развивает Х. Каахит. В его видении государство своим существованием обязано вселять в народ чувство безопасности и уверенности, гарантируя тем самым свободу для своих граждан. Таким образом, уже в младотурецкий период именно государство начинает мыслиться в качестве суверена и деперсонифицированного выразителя воли народа [15].

Спикер парламента А. Риза последовательно продвигал идею внедрения принципов Великой Французской революции в политическую доктрину младотурок. В частности, он настаивал на необходимости сильного государства-суверена, поскольку лишь такое государство способно внедрить основные идеи в архаичное политическое сознание зарождающегося османского общества. Принципы свободы (*hürriyet*), равенства (*müsavat*), братства (*uhuvvet*) и справедливо-

сти (adalet) должны были способствовать тому, что Турция бы стала «Францией на Востоке», тем самым утвердив преимущества республиканизма над деспотизмом монархии [19].

Тем не менее, младотурки в своих республиканских воззрениях оказались ограничены, с одной стороны, конституционной рамкой, гарантирующей статус султана, а, с другой стороны, особенностями массового сознания и тяготеющей к авторитаризму политической культурой. В этой связи следует рассмотреть, как именно имплементировались эти идеалы и каким образом они модифицировались в условиях Турции. Данное понимание становится особенно важным для осмысления того, насколько разнообразные формы может приобретать республиканизм в условиях национальных и культурных различий.

Свобода лежала в основе Османской конституции 1876. Однако ее фактическое вступление в силу произошло лишь в 1908 году после Младотурецкой революции. Таким образом, 1908 год принято считать окончанием периода Зулум и началом Второго конституционного периода. Сама Конституция позже приобрела поэтическое название *İlân-ı Hürriyet* – Декларация свободы, а новый период был назван *devr-i hürriyet* – эрой свободы [13]. То есть свобода становится основой младотурецкого национального мифа, имеющего как свой пантеон героев (Энвер-паша, Ниязи-бей и другие), так и свое «священное писание».

Данный период возносит свободу во главу угла, поскольку в ней видится конечная цель и в то же время средство преобразования архаичной Османской империи в государство нового типа.

Довольно интересные трактовки свободы дают Н. Кемаль и Х. Каахит. Так, первый определяет свободу как возможность не быть собственностью кого-либо, а лично организовывать и направлять свои усилия на благо Отечества. Несколько шире свободу определяет Х. Каахит, полагавший, что свобода должна включать помимо отсутствия физического подчинения со стороны посторонних также право на свободу мыслей и совести, возможность распоряжаться плодами своего труда [19].

Таким образом, мы можем наблюдать в этих двух примерах дихотомию позитивной и негативной свободы И. Берлина [2], как свободу от, так и свободу для. Но наиболее интересным является версия, предложенная Хизиком в книге «Знание цивилизации и морали», постулирующая свободу как моральное право на защиту своей самости. Помимо этого, Хазик акцентирует внимание на том, что свобода не должна использоваться человеком произвольно, поскольку это нанесет вред обществу и государству [4].

Х. Каахит настаивал на необходимости ограничения свободы законом и самоцензурой, поскольку в противном случае страдает авторитет государства и растет степень общественного неповиновения. Тем не менее, именно закон виделся младотурками средством разумного ее ограничения. Данное определение соотносится с предложениями современных теоретиков республиканизма К. Скиннера [10] и Ф. Петтита [8], предлагающих концепцию свободы как не-доминирования. По их мнению, ограничение свобод может быть лишь санкционировано законом и его духом, но никак не произвольным вмешательством. Само состояние свободного человека, по мнению Х. Каахита, недостижимо без закона, учрежденного по воле и согласию народа [19]. При этом закон не мыслился младотурками как ограничение свободы, а скорее как институциональное условие для ее возникновения.

Равенство (*müsavat*) является прямым следствием свободы. Но при этом равенство имело ограниченный характер. Интересным представляется тот факт, что оно не являлось частью неотъемлемых прав. С одной стороны, под османами понимается вся совокупность населения империи, вне зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности, но с другой, равенство было исключительно статусной вещью, гарантирующей равенство перед законом. Политическое равенство выдвигало перед подданными ряда условий, в числе которых знание турецкого языка и истории. Данный ценз был введен с тем, чтобы ограничить права меньшинств на возможность занимать государственные должности. Турецкий социолог Ш. Мардин считает, что в этом самом заключается скрытый намек на ассимиляцию нетурецкого населения и унификацию османского общества [17]. В совокупности с национально-ориентированными законами ранних младотурок и идеологов революции это позволяет утверждать, что Османская империя скорее планировалась в качестве нации-государства, а не государства-нации.

Тем не менее, Х. Каахит отрицает обвинения в предвзятости и предлагает в качестве инструментов достижения равенства справедливые законы. С этим связано внесение в Конституцию ряда норм о трудовых отношениях и гарантиях защиты прав собственности. В этом смысле младотурки отходили от коммунитаристских воззрений на проблему неравенства, в том числе имущественного и политического, но гарантировали устранение законодательного закрепления этого неравенства и, прежде всего, сословного деления общества [3].

С другой стороны, Хазик утверждает, что равенство – это нечто несуществующее в природе, но то, что должно непременно существовать в цивилизованном обществе. Его

аргументы носят прежде всего антропологический характер. Человек, будучи наделенным разумом, жаждет богатства и почестей, а стало быть, реализует себя и отрицает сословное неравенство, существовавшее прежде [16]. Это значительным образом перекликается с концепцией гражданской доблести, предлагаемой Цицероном и рядом неореспубликанистов, где гражданская доблесть выступает в качестве основного лейтмотива экономической и политической активности индивида, жаждущего реализовать себя для себя самого и для своего сообщества. Единственный путь устранения этого неравенства, по мнению Хазика, – это юридические гарантии равенства возможностей, что, впрочем, оставляет за скобками вопрос равенства стартовых условий. Более того, экономическая унификация и коммунитаристские мотивы, по мнению младотурецких идеологов, парадоксальным образом ограничивают свободу тех, кто имеет больше способностей для самореализации, а стало быть, это не может служить основным маркером равенства [15].

Корни турецких дебатов о равенстве лежат в концепции Руссо, утверждавшего, что юридическое равенство – единственный вид равенства, к которому следует стремиться, поскольку преодоление неравенства индивидуальных физических и умственных способностей (а стало быть, и вытекающих из этого экономических различий) не могут и не должны быть целью государственной политики [9].

Равенство также является ключевым принципом нациестроительства во Второй конституционный период. Через равенство выводится и концепция демократического гражданства [18]. Нация определяется не иначе как добровольное объединение свободных и равных в своих правах людей. Таким образом, мы наблюдаем зарождающуюся концепцию согражданственного принципа построения политической нации, что отрицало как имперский принцип национально-сословного деления, так и этнические мотивы нации-государства Энвер-паши.

Из этих рассуждений вытекает также и представление о справедливости (*adalet*). Условно, мы можем выделить три основных его трактовки: 1) распределительная справедливость (каждому поровну); 2) сочувственная справедливость (каждому по нужде); 3) справедливость заслуг (каждому по способностям). Все три вида представлены в дискурсе раннего турецкого республиканизма. Наиболее последовательно данный вопрос представлен в философии права.

Так, законы было предложено разделить на «естественные» (*hukuk-i tabii*) и «позитивные» (*ictimaiye*). И здесь мы прослеживаем влияние французской философской и политической мысли (Ш. де Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др.). Под естественным правом понималась совокупность свобод, присущим людям от рождения. Позитивное же право – следствие необходимости установления справедливого правления. Хазик постулировал взаимную ответственность гражданина и государства друг перед другом. Таким образом, справедливость, является продуктом коллективного труда правительства и управляемых [19].

Что касается экономических гарантий справедливости, то здесь мы наблюдаем гораздо больше национальной и конфессиональной специфики. Несмотря на плавную кампанию секуляризма и лаицизма, младотурецкий республиканизм никогда не стремился нивелировать социальную функцию ислама. Большую роль продолжали играть система вакфов и исламское кредитование, что с одной стороны, снижало издержки государства на социальную политику, а с другой, способствовало сплочению и солидаризму [11].

Братство (*uhuvvet*) является третьей ключевой характеристикой, обеспечивающей свободу и равенство. Идеолог младотурецкого движения А. Джемал рассматривает братство в качестве надэтнического и надконфессионального чувства [14]. В этой связи возникает понятие *halk* – обобщенного народа. Тем не менее, мы не можем поставить между *halk* и нацией знак равенства ввиду того, что в прочтении младотурецких идеологов первая категория подразумевает под собой сообщество, объединенное фактом проживания на определенной территории, а нация все же – сообщество людей общей судьбы. К тому же, исходя из прямого значения слова «*halk*», его следует трактовать как «индивиды» или «люди». Таким образом, *halk* – это первый решительный шаг в сторону построения гражданской политической нации/сообщества (по-турецки *millet*), преодолевающей национальный и религиозный раскол, но не финальная стадия этого процесса [6].

Наибольшее значение категория братства приобретает в связи с проводимой политикой османства, которую Комитет единения и прогресса продвигал в первые годы Второго конституционного периода. В целом, мы можем проследить в этой политике идею унификации, призванной сгладить острые углы в отношениях между сообществами. В отличие от османства времен султанского абсолютизма, османство ранних младотурок предлагало расширить его до общегражданской солидарности. В целом прослеживается довольно сильное влияние Французской революции на эту идею. Комитет единения и прогресса планировал достигнуть общегосударственной лояльности через приверженность революционному мифу, набору общих символов и церемоний. В этом случае братство рождалось из

уважения и общности целей. А основными целями признавалось стремление избежать национальной катастрофы (распада империи) и абсолютистского деспотизма [1]. Но начало Балканских войн вынудило апологетов «общесманской» идентичности признать ее несостоятельность ввиду усиления национально-освободительных движений нетюркских народов. Во время Балканских войн братство в его гражданском прочтении уступает место турецкому национализму и милитаризму, что является поворотным моментом для республиканизма в Турции [12].

Подводя итог, следует отметить неопределимый вклад идей и символов Великой французской революции в конструировании собственно турецкого республиканского мифа. Второй конституционный период в Османской империи был пронизан революционной романтикой и ощущением преимущества республиканского идеала над абсолютизмом. Тем не менее, мы можем установить ряд отчетливых отличительных особенностей собственно турецкого республиканизма. Во-первых, это борьба с имперским синдромом. С одной стороны, младотурки осознавали необходимость удержания османского наследия и даже создания из османских подданных единой нации постимперского типа, но с другой, понимали, что удержание столь различных в этническом и конфессиональном плане сообществ в рамках единого государства может оказаться непосильной задачей. Таким образом, империя мыслилась и как величайшее достижение и главное препятствие на пути построения национального государства нового типа. Во-вторых, идея турецкой республики носит ярко выраженные этатистские, если не сказать авторитарные черты. Именно государство, как часть общего наследия, а не индивид ставился во главу угла. С этим связано стремление найти баланс между свободой и порядком. Младотурки осознавали опасность деспотичной власти султана и предполагали установление социального контракта, но в то же время стремились превратить государство в сверхсуверена. В-третьих, провал изначально намеченных целей по учреждению политической нации в череде военных конфликтов, по сути, обусловил отход Турции от французской модели республиканизма. Впоследствии турецкая модель приобрела отчетливо милитаристские и авторитарные черты. Однако не стоит утверждать, что ценности свободы, равенства и братства каким-то образом были нивелированы. В данном случае, мы можем говорить о том, что из государства-нации Турция, лишившись в XX веке большей части своих завоеваний, стала на путь нации-государства мобилизационного типа. Но тем самым турецкая модель приобрела свои характерные особенности, выражающиеся главным образом в том, что мотив служения и патриотизма стал превалировать над самовыражением и индивидуальной свободой. Таким образом, турецкая модель республиканизма имеет много общего с общеевропейскими представлениями о республике, но в конечном счете приобретает свои национальные черты.

Литература

1. Абидулин А.М., Кривов С. В Исторические аспекты формирования национальной идентичности в Османской империи: становление, развитие, противоречия // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. №3. С. 211–218.
2. Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 448 с.
3. Зульпукарова Э. М.-Г. Дж. Коркмасов об экономической политике младотурок (по страницам газеты «Стамбульские новости») // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 25–31.
4. Зульпукарова Э. М.-Г. Газета «Стамбульские новости»: история, политика, реформы // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. №3-2. С. 480–492.
5. Зульпукарова Э. М.-Г. Реформы младотурок (по страницам газеты «Стамбульские новости») // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2012. №1. С. 16–20.
6. Карташян А.З. Некоторые аспекты формирования системы миллетов в Османской империи // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2013. №4. С. 85–93.
7. Михайлов В. В. Младокурды и младотурки: особенности национально-политических движений в Османской империи в конце XIX - начале XX вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2021. №1. С. 96–103.
8. Петтит Ф. Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 488 с.
9. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс, 1998. 416 с.
10. Скиннер К. Свобода до либерализма. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 128 с.
11. Шлыков П.В. Вакфы в Османской империи XVIII – начала XX в.: кризис развития традиционного института и пути его «обновления» // Мир ислама. Pax Islamica. 2012. № 1–2 (8–9). С. 262–280.
12. Azarian R. Nationalism in Turkey: Response to a Historical Necessity // International Journal of Humanities and Social Science. 2011. Vol. 1 No. 12. P. 72–82.
13. Barkey K. Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2008. 360 p.

- 14.Campos M.U. Ottoman Brothers: Muslims, Christians, and Jews in Early Twentieth. Stanford University Press, 2010. 360 p.
- 15.Göçek F.M. The Transformation of Turkey: Redefining State and Society from the Ottoman Empire to the Modern Era. L.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2011. 310 p.
- 16.Jackson K. From Sultanate to Republic // History Class Publications. 2014. № 5. URL: <https://scholarlycommons.obu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1035&context=history> (date of access 24.03.2022).
- 17.Mardin S. The Genesis of Young Ottoman Thought: A Study in the Modernization of Turkish Political Ideas. NY: Syracuse University Press, 2000. 456 p.
- 18.Shaw E.K., Shaw S.J. History of the Ottoman empire and modern Turkey. Volume II: Reform, Revolution, and Republic: The Rise of Modern Turkey, 1808-1975. Cambridge University Press, 2002. 466 p.
- 19.Turnaoğlu B. The Formation of Turkish Republicanism. Princeton: Princeton University Press, 2017. 297 p.
- 20.Zhigul'skaya D.V. Development of democratization processes in Turkey in the late Ottoman and early republican periods // ИСОМ. 2017. №2-2. P. 37-42.

Ульянова Л.В.

КОММЕРЧЕСКИЙ ПОРТ ИЛИ ГЛАВНАЯ БАЗА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СЕВАСТОПОЛЯ (ПО ЗАПИСКАМ Н.Ф. ЕРАНЦЕВА И А.А. МАКСИМОВА, РУБЕЖ XIX–XX ВВ.)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Аннотация. В статье анализируются не введенные в научный оборот документы, писавшиеся от имени городского сообщества Севастополя различным представителям центральной власти Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Это ходатайство 1890 года руководителя городского самоуправления Н.Ф. Еранцева, адресованное императору Александру III, и записки 1902–1903 годов городского головы А.А. Максимова к руководителю Главного управления торгового мореплавания и портов великому князю Александру Михайловичу и министру финансов России С.Ю. Витте. Данные документы были посвящены вопросу экономической самодостаточности города в условиях закрытия коммерческого порта в Севастополе в связи с возвращением ему статуса главной базы Черноморского флота в 1890 году. Анализ записок показывает, что городское сообщество стремилось сохранить субъектность Севастополя через реализацию либо его торгово-промышленного, либо курортно-туристического потенциала. Однако центральная власть предпочитала выдавать городу ссуды и пособия, рассматривая Севастополь сугубо как военно-административный центр.

Abstract. The article analyzes documents that were not introduced into scientific circulation, written on behalf of the Sevastopol city community to various representatives of the central government of the Russian Empire at the turn of the XIX – XX centuries. This is the petition of 1890 of the head of the city government N.F. Yerantsev, addressed to Emperor Alexander III, and the notes of 1902–1903 of the mayor A.A. Maksimov to the head of the Main Directorate of Merchant Shipping and Ports, Grand Duke Alexander Mikhailovich and the Minister of Finance of Russia S.Yu. Witte. These documents were devoted to the issue of the economic self-sufficiency of the city in the conditions of the closure of the commercial port in Sevastopol in connection with the return of its status as the main base of the Black Sea Fleet in 1890. The analysis of the notes shows that the city community sought to preserve the subjectivity of Sevastopol through the realization of either its commercial and industrial, or resort and tourist potential. However, the central government preferred to give loans and allowances to the city, considering Sevastopol purely as a military-administrative center.

Ключевые слова: торговый порт, стратегия развития Севастополя, А.А. Максимов, Н.Ф. Еранцев, городское самоуправление, Военное министерство Российской империи, Морское министерство Российской империи.

Key words: commercial port, Sevastopol development strategy, A.A. Maksimov, N.F. Yerantsev, city self-government, Military Ministry of the Russian Empire, Maritime Ministry of the Russian Empire.

Специфика Севастополя как главной базы Черноморского флота Российской империи хорошо известна в исторической литературе. Одним из ключевых моментов на рубеже XIX – XX веков в истории города был вопрос о закрытии коммерческого порта в связи с возвращением городу статуса главной базы Черноморского флота, переносом главного штаба флота и всех сопутствующих ему структур в Севастополь из Николаева в 1890-е годы. Этой теме посвящено несколько глав 2-го тома «Истории Севастополя» [4, с. 440–647], (также см.: [5], [6]). Как пишут авторы монографии, закрытие в городе коммерческого экспортного порта, открытого в 1875 году, привело к резкому падению доходов городского самоуправления, общему изменению торгово-промышленного облика Севастополя, в результате чего город к началу XX века постоянно обращался к центральной власти Российской империи с просьбами о списании долгов, выдаче пособий и ссуд.

Обнаруженные автором этих строк в двух центральных архивах (Российский государственный исторический архив в Петербурге и Государственный архив Российской Федерации в Москве) записки и ходатайства двух руководителей городского самоуправления Н.Ф. Еранцева и А.А. Максимова позволяют полнее представить позицию севастопольцев о будущем собственного города в условиях, когда он оказался лишен экономической самостоятельности [3], [7], [8].

Записка городского головы Севастополя Н.Ф. Еранцева датируется декабрем 1890 года, то есть временем, когда стало известно о решении центральной власти закрыть коммерческий порт в Севастополе, перенеся его в Феодосию с постройкой туда новой ветки железной

дороги от Симферополя. Адресатом записки Еранцева был император Александр III, приложением к документу шли подписи гласных городской думы [7, л. 1–9].

Еранцев подчеркивал в своей записке, что горожане гордятся вновь обретенным статусом главной базы Черноморского флота: «Глубоко сознавая, что учреждение главного военного порта в Севастополе вызвано важнейшими и серьезнейшими государственными целями, гордясь тем, что наш город, уже ставший один раз крепким оплотом против вражеского нашествия – сделается и на будущее время опорой для военных и морских сил государства, население Севастополя ходатайствует лишь о том, чтобы вне города, в одной из ближайших окрестных бухт был сохранен торговый вывозной порт... Такой порт создает источник благосостояния для города и его населения и избавит их от неимоверных потерь».

Прогноз, сделанный Еранцевым в записке, полностью сбился в следующее десятилетие. Во-первых, городской голова задавался вопросом: *«Насколько возможен для населения переход от торговой деятельности к иным отраслям труда и в какой мере доходы от новых видов труда могут обеспечить 25 тысячное население? Все рабочее население, привлеченное в город деятельностью торгового порта, осевши здесь, найдя заработки только в коммерческом порте и приспособившиеся исключительно к этой деятельности, должно будет покинуть Севастополь и переселиться в другие города, где окажется возможным прилагать свой труд к привычному делу. Таким образом из города должны будут выселиться от 13 до 15 тысяч человек, наиболее трудолюбивых, энергичных и предприимчивых».*

Во-вторых, начнется разорение частных домовладельцев, *«вследствие чего доходность домов упадет в такой мере, что домовладельцы потерпят громадные убытки, т.к. доходность и стоимость их имуществ, даже в ближайшем будущем, сократится на 20 %. Далее должна последовать продажа имущества, заложенных в банках и у частных лиц, за невозможностью для владельцев выплачивать проценты и погашение по ссудам. Но совершенно безвыходным окажется положение бедных домохозяйств, владеющих одноэтажными, малодоходными домами, составляющими около 83 % всех городских построек, некоторые из этих мелких имуществ, к тому же, заложены в банках. Половина таких владельцев состоит из рабочих и мастеровых, находивших средства для постройки домов в больших портовых заработках, которые достигали 1120000 руб. в год по одной только нагрузке и выгрузке товаров, почти вся эта сумма доставалась именно рабочему люду. Составляя с большим трудом сбережения, эти мелкие труженики застроили окраины города целыми кварталами. Эта часть населения потеряет всё свое достояние...».*

И, в-третьих, закрытие коммерческого порта приведет и к убыткам городского самоуправления: начнется сокращение «доходов, поступление которых уже значительно падает и в самом ближайшем будущем должно будет сократиться с 309 тысяч рублей до 152 тысяч рублей, а далее, вероятно, еще уменьшится. Благодаря этому город не в состоянии будет выполнять даже обязательных расходов, составляющих около 145 тысяч рублей».

В целом, подводил итоги Еранцев, *«обеднение населения приведет к неминуемому падению города, возрождавшегося и развивавшегося после тяжелого погрома в Крымскую кампанию».*

Однако ходатайство Еранцева не ограничивалось просьбой устроить «отпускной торговый порт в одной из ближайших к Севастополю бухт с проведением ветви железной дороги». Также севастопольский городской голова просил: о специальном дешевом кредите для домовладельцев; об оставлении в городе «тех правительственных учреждений, которые должны быть переведены в другие города по упразднению торговли»; об «обеспечении водоснабжения города и его окрестностей при участии военного и морского ведомств» и о «поощрении виноделия в окрестностях города, путем разрешения выдачи ссуд владельцам виноградников и постановки Удельного ведомства во главе этого дела».

Как ясно из рукописной пометы императора, «высшая власть» признала важными устройство каботажного порта (то есть порта для внутренней торговли), если такую необходимость увидят министры внутренних дел, путей сообщения и управляющий Морским министерством, и вопрос о развитии виноделия, *«оставив прочие ходатайства без последствий»* [7, л. 12].

Морское министерство, опираясь на отзыв главного командира Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмирала Н.В. Копытова, выступило «за» обустройство в Севастополе каботажного порта, т.к. это необходимо «с точки зрения успешного развития и деятельности военного Черноморского флота»: *«Устранение возможности торгового обмена морским путем неизбежно вызовет вздорожание большинства необходимых продуктов в самом городе, не говоря уже о застое в делах соседних мест, доставка грузов и разных предметов для надобностей военно-морского ведомства будет крайне затруднена и замедлена, фрахты за доставку в порт неторговый значительно поднимутся, между тем, по сложности работ и разнообразности требований от промышленности настоящего кораблестроения, а также в виду большой стоимости покупок для надобностей своевременного вооружения.... больших*

непроизводительных и постоянных для будущего времени затрат поведет лишь к ущербу самого флота... торгово-промышленное угнетение несомненно поставит всех жителей Севастополя, в том числе и служащих морского ведомства, в весьма неблагоприятные условия, как по неудобству и дороговизне удовлетворения материальных нужд жизни, так и по отсутствию средств для правильного развития высших потребностей общежития, между тем, главным постоянным элементом общества являются здесь чины военного флота, которые будут стеснены сверх того» [7, л. 32].

Учитывая последующее развитие событий, ходатайство Еранцева можно оценить как своеобразный стратегический документ, позволявший в случае его реализации по разным направлениям сохранить у города субъектность. И дело не в наличии торгового порта в городе самого по себе – как показывает статистика из ежегодных всеподданнейших отчетов севастопольского градоначальника, наличие вывозной морской торговли в последующее время само по себе ничуть не давало прибыли городу (вероятно, по той причине, что теперь привоз и вывоз касался в основном военной продукции, т.е. был связан с военно-морскими ведомствами), а каботажный порт для частной торговли начал строиться, в конечном итоге, лишь в 1911 году [2, с. 165–270].

Не менее важными были просьба городского головы, касавшаяся водоснабжения города «при участии военного и морского ведомств» и попытка подвести виноделие (а, значит, и земли севастопольского градоначальства) под защиту Удельного ведомства – попытка неудавшаяся, т.к. Министерство земледелия и государственных имуществ не захотело бороться с Черноморским флотом за 1 тысячу десятин земли под виноградники, а эти земли, как объяснили в Морском министерстве «нужны» ему самому, причем этот отзыв пришел лишь через шесть лет, в 1897 году. Тогда Морское министерство «уведомило о полной невозможности удовлетворить упомянутое ходатайство севастопольского городского управления по той причине, что в виду развития севастопольского порта Морское ведомство само нуждается в этой земле» [7, л. 35].

Учитывая последующее развитие событий, принципиально важной является и просьба Еранцева об участии военного и морского ведомств в строительстве водопровода, т.е. городское благоустройство, в которое на протяжении последующих десятилетий Военное и Морское министерства не спешили вкладываться, вопреки даже прямым указаниям императора [2, с. 172, 200, 202, 207].

Строительство водопровода из реки Черной, в которое в Комитете министров несколько лет обещали вложиться военно-морские ведомства [2, с. 200–210], в итоге было осуществлено городской думой за счет остатков полукопеечного сбора, а обещанная компенсация со стороны Министерства финансов так и не последовала. Поэтому 319 тысяч, потраченные городским самоуправлением на водопровод, в отчетах севастопольского градоначальника императору значились как «долг города», составлявший на 1901 год порядка 30 процентов от общих «долгов» государству и частным банкам [2, с. 218].

При этом уже с 1894 года строительство водопровода трактовалось деятелями самоуправления в качестве важной составной части новой стратегии городского развития – при невозможности самостоятельной экономической торгово-промышленной деятельности они предлагали обеспечивать город за счет превращения Севастополя вместе с Южным берегом Крыма в курортный центр страны. Для этого требовались не только водопровод и канализация, но и соединение Севастополя железной дорогой с Ялтой – еще один инфраструктурный проект, концентрированное изложение сути которого содержится в отчетах севастопольского градоначальника Николаю II в самом конце 1890-х годов.

На вопрос императора, зачем это нужно, севастопольский градоначальник контр-адмирал И.М. Лавров объяснял: «Железная дорога из Севастополя в Ялту... даст могущественное средство к развитию спящего теперь всего южного побережья (за небольшими исключениями) Крыма... теперь большинство мест южного побережья в самых дорогах его частях по берегу моря не имеют никаких сообщений друг с другом, кроме далеко и высоко лежащего крымского шоссе, да и по нему сообщение в экипажах с Ялтой и Севастополем обходится летом 25–20 руб. в один конец, т.е. дороже, чем проезд из Санкт-Петербурга в Севастополь. Ныне центром торговли южного побережья является Ялта, куда товары доставляются гужом из Симферополя и морским путем из Одессы, с устройством же упомянутой дороги картина совершенно изменится: все пассажиры, товары и строительные материалы для южного побережья будут идти чрез Севастополь и доставляться прямо на месте не чрез единственный пункт – Ялту, а чрез 24 остановочных пункта, проектированных на железной дороге, благодаря чему Севастополь сделается центром, где будет сосредоточена вся торговля и промышленная деятельность южного побережья... Устройство ее, при существующем пониженном пассажирском тарифе, несомненно вызовет наплыв

туристов и в особенности больных, которые предпочтут вместо дорогостоящей заграничной поездки посетить Крым и пользоваться его благодетельным климатом» [2, с. 179, 186].

Именно этой теме была посвящена записка городского головы А.А. Максимова [3, л. 1–10], поданная им в октябре 1902 года в Ялте министру финансов С.Ю. Витте, который приехал в Крым для встречи с императором после поездки на Дальний Восток [1, с. 515–524]. В этой записке Максимов ссылался, среди прочего, на поддержку идеям городского самоуправления со стороны великого князя Александра Михайловича, на тот момент – руководителя одного из подразделений Министерства финансов.

В своей записке Максимов, во-первых, обосновывал необходимость строительства железной дороги от Севастополя на Ялту, а, во-вторых, просил о выдаче городу «облигационного займа» в весьма значительном размере – 1,2 млн рублей.

Начинал Максимов записку в адрес министра финансов с благодарности за предоставление городу, по решению высшей власти, «беспроцентной ссуды в 200 тысяч рублей с погашением этой ссуды, после 5 льготных лет, в течение 16 лет равными частями», что позволит «уплатить самые кричащие долги и избавиться от нарастания на эти долги процентов». Однако основное содержание записки Максимова касалось курортно-туристического направления развития города как единственно-возможного в тех условиях для достижения городом экономической независимости, вывода Севастополя из состояния «дотационного» региона: «С уплатою долгов, забота о которых связывает руки городскому общественному управлению, на прямой обязанности последнего будет лежать привести хозяйство города в такое положение, чтобы город мог начать впредь вести самостоятельную жизнь, не обременяя правительство постоянными просьбами о ссудах и пособиях, для чего за утратой всех доходов, которые он имел от коммерческого порта, ему нужно искать доходные статьи и создавать таковые вновь. Не обладая обширными земельными угодьями, могущими быть эксплуатированными, не обладая также фабриками и заводами, городу необходимо, поддерживая и улучшая то, что им в былое, лучшее время, сделано, обратиться к эксплуатации своих естественных, природных богатств, климата и моря, как это делают почти все западноевропейские города... При осуществлении этого имеется в виду не только получение значительных доходов, обеспечивающих возможность впредь иметь всегда правильно сбалансированный городской бюджет, но и возвращение капитала, путем амортизации».

Далее шло многостраничное обоснование различных статей облигационного займа, о выдаче которого в размере 1,2 млн рублей (среди которых 400 тысяч падали на устройство городом канализации, в каковой проект с 1897 года город опять же безуспешно предлагал вложиться Военному и Морскому министерствам) Максимов и просил министра финансов. Реализовывать этот займ Максимов просил через Государственное казначейство [3, л. 3–10].

Непосредственная реакция на записку Максимова, как со стороны самого Витте, так и со стороны центральной власти в целом, неизвестна. В «Истории Севастополя» сообщается, что облигационный займ в размере 1,5 млн рублей город получил только в 1910 году и совсем не через Государственное казначейство России, а в Бельгии.

Это позволяет предположить, что записка Максимова не вызвала какого-либо энтузиазма у Витте.

В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что из Ялты Максимов написал совершенно тревожное письмо адъютанту великого князя Александра Михайловича В.А. Шателену. В нем Максимов сообщал, что не решается беспокоить великого князя напрямую, поэтому пишет его помощнику с просьбой срочно передать эту информацию Александру Михайловичу: «Здесь в Ялте теперь решается вопрос о постройке Ялтинской железной дороги с направлением не на Севастополь, а на Симферополь или Бахчисарай.... Это ... окончательно убило бы Севастополь, отрезав его, а, пожалуй, и лучшую часть Южного берега, от всего Севера. Кто же тогда поедет к нам, имея – прямой, беспересадочный, более удобный и дешевый путь прямо на Ялту, минуя Севастополь?!... Мне передавали, что на этих днях здесь состоится под председательством господина министра финансов комиссия для решения этого вопроса и таким образом перед Севастополем опять встает гамлетовское – быть или не быть» [3, л. 1–2].

Великий князь Александр Михайлович, муж любимой сестры императора Ксении, на осень 1902 года находился в подчинении у Витте, однако, как ясно из воспоминаний Витте, именно в это время, в Крыму Николай II принял решение выделить из состава Министерства финансов, которое возглавлял тогда Витте на протяжении уже почти 10 лет, Главное управление торгового мореплавания и портов на правах отдельного министерства под руководством самого Александра Михайловича. Это решение вызвало откровенную ненависть у Витте к великому князю (в воспоминаниях Витте называет его «великокняжеским ублюдком» [1, с. 820]). Можно предположить, что именно позиция великого князя вопреки позиции Витте способствовала реализации просьбы Максимова.

Из еще одной записки Максимова, октября 1903 года, адресованной великому князю, ясно, что в 1903 году вовсю шли «дела по устройству в Севастополе каботажного порта в связи с проведением электрической дороги из Ялты на Севастополь, с точки зрения интересов в том и другом города Севастополя».

В этой записке Максимов обосновывал необходимость соединения каботажного порта в городе непосредственно с железной дорогой на Ялту: «Для города Севастополя важно, чтобы оба проекта были взаимно согласованы и соединялись одною целью – соединения электрической дороги с каботажным портом, который при этом только условия получит все свое значение и принесет действительную пользу. Наилучшим способом соединения электрической железной дороги с портом представлялось бы устройство в городе двух вокзалов дороги, одного – на самой портовой территории, где поклажа таможни и где электрическая дорога будет соединена с Курско-Харьково-Севастопольской железной дорогой и другого – на Сенной площади сбоку Исторического бульвара, где городская дума согласна отвести и место для вокзала. Но осуществление этих предположений представляется возможным при двух условиях. Во-первых, если результаты произведенных изысканий как по устройству каботажного порта, так и по проведению к нему по берегу бухты Ялтинской электрической дороги будут взаимно согласованы, создавая один цельный проект соединения порта с электрической дорогой и, во-вторых, если здание для штаба Черноморского флота построено будет не возле таможни, как предположено Морским ведомством, а в другом месте, к чему, насколько мне известно, стремится и главный командир Черноморского флота и портов Черного моря, находящийся таможенный двор весьма неудобным местом для штаба» [8, л. 1 – 5].

На записке Максимова подпись от руки, видимо, великого князя – «срочно составить сношение с Министерством путей сообщения от имени Главного управления». Можно предположить, что этот проект мог бы быть доведен до конца под руководством Главного управления торгового мореплавания и портов, если бы не начавшаяся вскоре Русско-Японская война.

Таким образом, записки руководителей городского самоуправления в Севастополе, с одной стороны, показывают, что городское сообщество стремилось всеми силами обеспечить экономическую самодостаточность за счет развития инфраструктурных проектов, а с другой демонстрируют значение города для различных представителей центральной власти, в том числе, такой яркой фигуры как великий князь Александр Михайлович. Только Еранцев обращался к высшей власти в тот период, когда город еще жил независимой от государства экономической жизнью, а Максимов – в тот момент, когда город уже был опутан долгами и перед частными банками, и перед государством, превратившись, выражаясь современным языком, в «дотационный» регион.

Литература

1. Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Альфа-книга, 2019. Т. 2. 1247 с.
2. Ежегодные всеподданнейшие отчеты севастопольских градоначальников, 1874–1915 гг. Сборник документов. М.: Институт наследия, 2022. Вып. 1. 342 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. ГАРФ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 737.
4. История Севастополя. М.: Альбатрос, 2021. В 3 т. Т. 2.
5. Китанина М.Н. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л.: Наука, 1978. 278 с.
6. Марциновский П.Н. Морские порты и рынок Крымского полуострова в последней четверти XIX- начале XX в. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. Т. 1 (67), № 2. С. 63–75.
7. Российский государственный исторический архив. Ф. 95. Оп. 2. Д. 231.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 95. Оп. 4 Д. 1048.

СЕКЦИЯ «История Большого Средиземноморья в новейшее время»

УДК 94(477.75)“19”

DOI 10.5281/zenodo.7271145

Андреева А.И., Хапаев В.В.

АРКАДИЙ ИВАНОВИЧ ПОГУДИН: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ВЕТЕРАНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье, в рамках изучения вклада участников Великой Отечественной войны в развитие высшего образования Севастополя, изучен боевой и трудовой путь доцента кафедры Судовых и промышленных электромеханических систем Аркадия Ивановича Погудина. Методология исследования основана на поиске информации в учетных карточках и наградных листах бойцов ВОВ на сайте «Память народа», в статьях газеты «Севастопольский университет», а также опубликованном журнале боевых действий 766 штурмового авиационного полка.

Abstract. In the given article the combat and labor path of Arkady Ivanovich Pogudin, the Associate Professor of the Department of Ship and Industrial Electromechanical Systems, is established within the framework of studying the contribution of the participants of the Great Patriotic War to the development of higher education in Sevastopol. The research methodology is based on the search for relatives in social networks and also for information in the registration cards and award lists of the Patriotic War fighters on the website "Memory of the People", in the articles of the newspaper "Sevastopol University", as well as the published military journal of "766 Assault Aviation Regiment".

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СевГУ, образование, патриотическое воспитание, память.

Key words: The Patriotic War, SevSU, education, patriotic upbringing, memory.

В разные годы в вузах – предшественниках СевГУ (Севастопольском государственном университете и Севастопольском высшем военно-морском инженерном училище) трудилось более трехсот сотрудников – ветеранов Великой Отечественной войны. Среди них были ректор, директор библиотеки, профессора и доценты, лаборанты и инженеры, рабочие и вахтеры общежитий. Обращение вуза к своей истории и памяти тех, кто эту историю писал, всегда актуально, поскольку позволяет изучить и применять на практике многолетние традиции, опыт преподавания и воспитания молодежи.

В ходе изучения вклада ветеранов ВОВ в развитие вузов-предшественников СевГУ удалось восстановить биографии многих сотрудников университета. В их числе доцент кафедры судовых и промышленных электромеханических систем А.И. Погудин (см. рис. 1).

Аркадий Иванович Погудин родился в 1925 году в столице Татарской АССР городе Казань. Окончив семь классов средней школы, поступил в профессионально-техническое училище, где выучился на лекальщика-инструментальщика. В первые годы войны работал на авиационном заводе и, как рабочий оборонного предприятия, имел бронь от призыва на фронт [1, с. 1]. Но ему удалось добиться разрешения отправиться на фронт, и он был призван Ленинским РВК города Казани, окончил Пензенскую школу воздушных стрелков. 6 июня 1943 года в звании сержанта Аркадий Иванович прибыл в 766-й штурмовой авиационный полк 211-й штурмовой авиадивизии 3-й воздушной армии Калининского фронта. Служил воздушным стрелком на штурмовике Ил-2 в экипаже лейтенанта Георгия Иосифовича Житомирского до весны 1945 года.

Первую награду, орден Славы III степени, А.И. Погудин получил на двенадцатом боевом задании: при возвращении на аэродром их боевая группа подверглась атаке «Мессершмиттов-109». Погудину, взявшему на прицел один из вражеских самолетов, удалось сбить его. Вручал награду лично командующий 3-й воздушной армии генерал-полковник Н.Ф. Папивин [2, с. 89–90]. Второй орден Славы II степени Аркадий Иванович получил за сбитые в январе 1945 года «Фокке-Вульф-190» [2, с. 90].

Медаль «За отвагу» напоминает о последнем боевом вылете бортстрелка. 19 марта 1945 года в ходе выполнения боевого задания по уничтожению вражеской техники и живой силы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-49-920005.

машина лейтенанта Житомирского попала под огонь зенитных батарей. Снаряд попал в двигатель, командир корабля был ранен. При посадке самолет разрушился, но экипажу удалось выжить. И Георгий Житомирский, и Аркадий Погудин выжили, получили серьезные ранения, долго лежали в госпитале [7, с. 64].

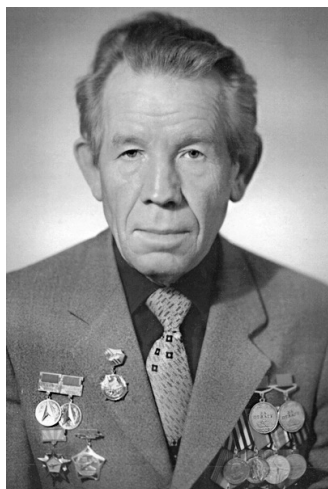

Рис. 1. А.И. Погудин

Еще до демобилизации А.И. Погудин пошел учиться в вечернюю школу и окончил десять классов. После увольнения поступил в Ленинградское высшее инженерное морское училище имени адмирала С.О. Макарова. Получил диплом радиоинженера. После выпуска работал в Мурманском пароходстве на судах дальнего плавания. Обошел весь земной шар. Но вскоре его потянуло в науку.

С 1958 года работал старшим научным сотрудником в Научно-исследовательском институте в г. Баку, в 1970 году защитил кандидатскую диссертацию [3, с. 1]. Преподавал в Липецком политехническом институте, а с 1992 по 2003 годы Погудин работал в Севастопольском техническом университете (преемнике СПИ) доцентом кафедры судовых и промышленных электромеханических систем. Опубликовал ряд научных и учебно-методических трудов [4].

Качество преподавательской деятельности Аркадия Ивановича было оценено по достоинству, и в 1997 году за высококачественную подготовку инженерных кадров приказом исполняющего обязанности ректора В.А. Карпенко он был внесен в Книгу почета Севастопольского национального технического университета [5].

Кроме научной и преподавательской деятельности А.И. Погудин много времени уделял патриотическому воспитанию студентов. Ежегодно во встречах ветеранов ВОВ с обучающимися участвовал и Аркадий Иванович. Он рассказывал студентам о военных годах, тяжелых воздушных боях с противником, послевоенных морских путешествиях: *«Побывал в Буэнос-Айресе, видел Пиночета, не зная английского языка, съездил из Ливерпуля в Лондон, побывал на могиле Карла Маркса и в музее восковых фигур мадам Тюссо»* [1, с. 2].

С 1978 г., каждые 2–3 года, в День воздушного флота в селе Юркино Московской области собирались ветераны 776-го штурмового авиационного Краснознаменного ордена Кутузова полка. Посещал эти встречи и Аркадий Иванович. В полку его прозвали «Осколком Шалапина» за приятный баритон и песенный талант [2, с. 89]. Несмотря на инвалидность (инвалид 2 группы Великой Отечественной войны), А.И. Погудин обладал неумной энергией и щедро делился ею с коллегами, студентами, сослуживцами.

В послевоенные годы за подвиги, совершенные на фронте, был награжден двумя Орденами Славы (II и III степеней), стал полным кавалером этого ордена, что по статусу приравнивало его к Герою Советского Союза; орденом Отечественной войны I степени, двумя медалями «За отвагу», медалью «За взятие Кенигсберга» и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [6].

Аркадий Иванович Погудин прошел Великую Отечественную войну воздушным стрелком на Ил-2, обошел весь мир на судах дальнего плавания и посвятил себя обучению и воспитанию студентов Севастопольского национального технического университета. Изучение его жизненного пути открывает еще одну страницу истории нашего вуза и дает возможность сохранить память о подвигах бойцов, приближавших победу. Имя и биография А.И. Погудина займут достойное место в галерее славы, создаваемой нами на Интернет-сайте «Бессмертный полк СевГУ».

Литература

1. Ананьин Г. Огненных лет биографии. Погудин Аркадий Иванович // Севастопольский университет. 05.05.2001. № 7 (1990).
2. Ислентьев С.И. Победители (Солдаты великой войны). 2-е изд., испр., доп. Севастополь: Издательство СевНТУ, 2010. 164 с.
3. Колесникова Т. Вспоминают фронтовики // Севастопольский университет. 08.05.2002. № 8 (2008).
4. Погудин А.И. Управление тиристорными преобразователями: учеб. пособие для студ. техн. Вузов. Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2003. 60 с.
5. Приказ и.о. ректора СевГУ от 06.05.1997 № 80-ОК "О награждении сотрудников университета" // Севастопольский университет (орган трудового коллектива СевГУ). 06.05.1997. № 5 (1046).
6. Учетная карточка Погудина Аркадия Ивановича. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek/kartoteka/1002574392/> (дата обращения: 27.03.2022)
7. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 22981, оп. 0243769с, Д. 0002.

Белоглазов Р.Н.

ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КРЫМУ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь*

Аннотация. В статье рассмотрен начальный этап развития обновленческого церковного раскола Русской православной церкви в Крыму в 1920-е гг. Установлено, что появление этого движения соответствовало интересам советского партийно-государственного руководства, которое использовало обновленцев для дискредитации православия и церковных институтов с целью их полного искоренения из общественной жизни.

Abstract. The article considers the initial stage of the development of the renovationist church schism of the Russian Orthodox Church in Crimea in the 1920s. It has been established that the emergence of this movement corresponded to the interests of the Soviet party and state leadership, which used the Renovationists to discredit Orthodoxy and church institutions in order to completely eradicate them from public life.

Ключевые слова: Русская православная церковь, обновленческий раскол.

Key words: Russian orthodox church, renovationist schism.

Эффективность и правовой характер конфессиональной политики имеет особое значение для сохранения социально-политической стабильности в обществе. В связи с этим исследования по теме государственно-церковных отношений обладают особой актуальностью и практической значимостью, так как их результаты позволяют учесть исторический опыт для решения соответствующих управленческих задач современности и исправления административно-политических ошибок, допущенных в прошлом. В этом плане большой интерес представляет изучение сюжетов, связанных с попытками государственно-партийного руководства в начале 1920-х гг. ликвидировать Русскую православную церковь (далее – РПЦ) посредством организации обновленческого раскола.

Советская власть с момента своего установления в России приняла ряд законодательных актов об отношении к религии и религиозным конфессиям. В целях привлечения верующих на свою сторону новый политический режим декларировал свободу совести, равенство всех вероисповеданий перед законом. Однако базовый декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. изначально содержал и дискриминационные положения, так как выделил религиозные организации в особую категорию частных обществ, лишенных прав юридического лица, и провозгласил конфискацию их собственности.

Антирелигиозные партийные установки оказывали решающее влияние на выработку приоритетов политики по отношению к религиозным конфессиям страны. Одним из самых ярких примеров двойных стандартов, расхождений официальных деклараций и административно-правовой практики стали попытки ликвидации РПЦ при помощи организации и поощрения в 1920-е гг. обновленческого церковного движения, что происходило как на общероссийском уровне, так и в отдельных регионах.

Эскалация конфликта между советским государством и частью представителей РПЦ, вызванная принятием декрета «Об изъятии церковных ценностей для борьбы с голодом» от 23 февраля 1922 г., активизировала деятельность церковной группы, находившейся в оппозиции к главе РПЦ патриарху Тихону. Наиболее известными ее представителями были протоиереи А.И. Введенский, В.Д. Красницкий и епископ А.А. Грановский, которые выступали за нормализацию отношений с советской властью на основе выражения абсолютной лояльности и выдвинули программу изменения социально-политического курса церкви. Соответствующие инициативы получили поддержку со стороны некоторой части приходского духовенства, которая увидела в этом единственную возможность сохранить церковную организацию в условиях проведения государством антицерковных репрессий. Вместе с тем данное движение пыталось заявить о себе и при помощи лозунгов о необходимости проведе-

ния определенных реформ (женатый епископат, второбрачие духовенства и т.д.), и поэтому получило условное название обновленчества.

Органы государственной власти восприняли появление оппозиции патриарху Тихону как реальную возможность сделать церковь более управляемой, что позволяло усилить контроль за основной массой населения, среди которого сохранялся высокий уровень религиозности. Кроме этого, раскол был использован для дискредитации клира и церковных институтов, что способствовало реализации основной стратегии атеистической власти по полному искоренению религии из общественной жизни.

Одним из главных инициаторов и авторов плана по организации и углублению церковного раскола являлся высокопоставленный партийный функционер Л.Д. Троцкий, который в марте 1922 г. начал настойчиво проводить в Политбюро ЦК РКП(б) линию на уничтожение организационной структуры РПЦ. В частности, развернутая программа нового направления в конфессиональной политике была предложена им на обсуждение делегатов XI съезда РКП(б) (27 марта – 2 апреля 1922 г.). В ней говорилось о том, что РПЦ как преимущественно феодально-крепостническая организация не прошла стадию буржуазной реформации, а появление «сменовеховского» течения в ее среде стало возможным только после пролетарской революции. В этих условиях, не умаляя потенциальной опасности обновленчества, предлагалось использовать это движение в борьбе с реакционной частью церкви, руководимой патриархом Тихоном.

Приоритеты этого направления формулировались следующим образом: оказать помощь реформистскому духовенству в издании в различных регионах страны своих органов периодической печати; окончательно устранить реакционных служителей церкви «вечекистскими методами» в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, после чего сразу же приступить к разгрому обновленцев. Для решения поставленной задачи местным партийным и советским органам рекомендовалось провести соответствующую агитационную кампанию, организовать раскол духовенства, изъять ценности церкви без каких-либо снисхождений, «расправиться с черносотенными попами», инициировать выступление обновленцев, оказать им неофициальную поддержку, начать подготовку ко второй кампании по уничтожению всех церковных группировок [1, с. 161–163].

Организационно обновленческое движение оформилось в мае 1922 г., когда для координации действий разрозненных течений обновленческого толка было создано Высшее церковное управление (далее – ВЦУ) под руководством митрополита Антонина (Грановского). Наиболее многочисленную церковную группу «Живая церковь» возглавлял протоиерей В.Д. Красницкий. К концу 1922 г. при содействии органов государственной власти в руках обновленцев оказалось 20000 церквей в РСФСР и Средней Азии, что составляло 2/3 всех действовавших православных храмов в этих регионах [7, с. 74].

Быстрое распространение нового церковного течения по стране было не случайным. Весной-летом 1922 г. временно совпали интересы государства, части иерархов и приходского духовенства. Настроения последних формировались во многом под влиянием хода кампании по изъятию церковных ценностей, которая продемонстрировала в очередной раз, что политическое руководство страны готово подавить любое противодействие карательными мерами в неограниченном масштабе. На этом фоне часть священнослужителей стала придерживаться позиции, что сохранить церковь возможно только на условиях безоговорочного признания советской власти.

В Крыму появление обновленцев связано с именем симферопольского священника протоиерея Е. Эндекки. В начале кампании по изъятию церковных ценностей он обратил на себя внимание публикациями на страницах главной газеты Крымской АССР «Красный Крым», в которых призывал церковь активно делать пожертвования в пользу голодающих. Затем вышло несколько статей, в которых он выступил за признание обновленческого движения и начал проводить соответствующую агитацию среди епархиального духовенства.

Согласно действовавшему законодательству, приходская община могла получить юридический статус только в формате так называемой группы верующих (не менее 20 человек), которая должна была оформить договор с органами власти на аренду культового здания и другого необходимого имущества. В связи с этим 12 марта 1922 г. крымский комитет группы «Живая церковь» под руководством Е.Эндеки обратился в КрымНКВД с просьбой аннулировать все договоры об аренде заключенные прежде для того, чтобы передать обновленцам кафедральный собор, архиерейское подворье, свечной завод, все часовни, монастыри и монастырские подворья Крыма [4, л. 143].

В свою очередь сторонники патриарха Тихона под руководством правящего епископа Таврического и Симферопольского Никодима (Кротков) постарались нейтрализовать распространение церковного раскола. Так, 31 мая 1922 г. архиепископ созвал собрание духовенства и мирян с целью провести публичную дискуссию с Е. Эндекой и разоблачить антиканоническую сущность обновленческого движения. Принимая во внимание эти намерения, ГПУ Крыма прервало работу собрания под предлогом нарушений правил об организации общественных мероприятий, а его участники были привлечены к административной ответственности.

В июне 1922 г. Е. Эндека наладил непосредственную связь с ВЦУ в Москве и вернулся в Крым как его официальный представитель. Сразу после приезда он обратился к архиепископу Никодиму с требованием передать ему высшую церковную власть в епархии. 20 июля 1922 г. в Симферополе по его инициативе для обсуждения вопросов обновленческой реформы было организовано собрание епархиального духовенства. Большинство священнослужителей поддерживало правящего епископа, который выступил с резкой критикой обновленцев как антиканонической группы. Под его влиянием была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости признания декрета об отделении церкви от государства, а также о возможной автокефализации Таврической епархии в условиях возникшей неопределённости с высшим управлением РПЦ после ареста патриарха Тихона, что исключало претензии обновленцев на подчинение крымской церковной структуры ВЦУ [6, 1922, 26 июля].

Одновременно с этим архиепископ Никодим развернул на полуострове активную агитацию против раскольников: руководителям благочинных округов были отправлены указания бойкотировать их любые инициативы, в приходах начались проповеди и беседы с верующими, в которых «живоцерковники» характеризовались как отступники более опасные, чем сектанты. Энергичное противодействие архиерея привело к тому, что часть примкнувших к Е. Эндеке священников принесла покаяние и вернулась в патриаршую церковь. Вскоре правящий епископ и несколько его приверженцев были арестованы по обвинению в саботаже исполнения декрета об изъятии церковных ценностей. Но даже находясь в заключении в Инкерманском монастыре, архиепископ продолжал руководить сопротивлением обновленцам.

Тем не менее раскольники продолжали свою деятельность, стараясь привлечь новых сторонников. Первоначально протоиерей Е. Эндека нашел поддержку у некоторых священников северных районов Крыма, которые прибыли в Симферополь и вместе с ним приступили к организации первого церковно-административного органа крымских обновленцев – Таврического епархиального управления (далее – ТЕУ). Затем к нему примкнула часть севастопольского духовенства.

В начале октября 1922 г. в Крым приехал назначенный ВЦУ главой Таврической епархии обновленческий епископ Петр (Рождественский). С этого момента раскольники по формальным признакам могли претендовать на то, чтобы окончательно отстранить от церковной власти в регионе представителей патриаршей церкви. Показательно, что в этом отношении им старались оказать существенное содействие местные органы власти, которые передали в аренду ТЕУ епархиальную канцелярию, домашняя церковь архиерея, свечной завод и несколько часовен. Последние два факта имели особое значение, так как эти объекты обеспечивали обновленцам материальную основу существования [2, л. 24 об.].

5 ноября 1922 г. в Крыму начался суд над архиепископом Никодимом и другими священнослужителями по делу о противодействии изъятию церковных ценностей. Е. Эндека и один из первых лидеров российского обновленчества протоиерей С. Калиновский прибыли в Крым, где последний выступил экспертом на судебном процессе над крымским духовенством. Этот факт вызвал волну негодования среди верующих, в глазах которых авторитетный архиерей предстал жертвой обновленцев, которые приняли участие в судебной расправе. Дальнейшая пропагандистская деятельность указанных раскольничьих протоиереев на полуострове окончательно дискредитировала местное обновленческое движение. Показательным примером стал тот факт, что С. Калиновский в начале 1923 г. вышел из состава ТЕУ, снял сан и стал профессиональным лектором по атеистической пропаганде.

Сторонники канонической церкви отказывались от обновленческих священников, срывали их богослужения, применяя в некоторых случаях грубое физическое воздействие. Такой случай произошел, например, 5 декабря 1922 г. в церкви Св. Николая в Симферополе, где был избит священнослужитель-обновленец [6, 1923, 15 авг.].

Наибольшей остроты в отношениях между представителями антагонистических церковных течений достиг вопрос о кафедральном Александро-Невском соборе в Симферополе. В частности, 5 августа 1922 г. сторонники архиепископа Никодима обратились в КрымНКВД с заявлением о желании взять собор в аренду. Все формальные требования властей для заключения договора об аренде со стороны верующих были выполнены.

12 сентября 1922 г. аналогичное заявление поступило от протоиерея Е. Эндеки, который мотивировал просьбу тем, что главный храм епархии необходим новому движению как центр для распространения своих идей. В качестве примера он привел собор Христа Спасителя в Москве, который был передан в распоряжение ВЦУ. После этого заместитель комиссара КрымНКВД В.Н. Ануфриев приказал передать обновленцам симферопольскую городскую часовню, Козмо-Дамиановское монастырское подворье, свечной завод и кафедральный собор [5, л. 141]. Однако начальник церковного подотдела Крым НКВД М.Ф. Седых посчитал невозможным выполнить последнее условие, так как обновленцы не могли организовать группу верующих в 20 человек. На запрос органов власти по этому поводу Е. Эндека ответил, что занимается организацией такой группы и она вскоре подаст необходимое заявление. Передача собора «живоцерковникам» состоялась только 18 декабря 1922 г., когда все формальности с их стороны окончательно были выполнены.

Административные органы в нарушение существовавших правил проигнорировали заявление верующих канонической церкви, которые к этому моменту собрали большое количество подписей прихожан собора в свою поддержку. Передача храма обновленцам вызвала у них волну негодования, выразившуюся в попытке захватить собор силой. Уже вечером того же дня 300 человек под руководством членов бывшего причта вошла в собор и, угрожая физической расправой, предъявила требования обновленческому епископу Петру: вернуть ключ от здания, прекратить богослужение, предоставить храм в распоряжение прежних священнослужителей. Сложившаяся ситуация могла стать началом для развития общественных беспорядков, и 19 декабря 1922 г. руководство КрымНКВД посчитало необходимым закрыть собор.

22 декабря 1922 г. М.Ф. Седых выступил с разъяснениями этих действий на страницах центральной республиканской газеты «Красный Крым». Всю вину за произошедший конфликт он возложил на «несознательные массы» и «контрреволюционные элементы», отметив, что кафедральный собор превратился «из дома, удовлетворяющего религиозные потребности, в базис политических действий. Доказательством этому служат беспрерывно проводящиеся в нем сборища, незаконные собрания...» [6, 1923, 22 дек.]. Однако сомнительные с правовой точки зрения действия органов внутренних дел в вопросе о передаче храма обновленцам не упоминались. 5 марта 1923 г. Александро-Невский собор был объявлен центральным хранилищем культового имущества, изъятого из закрытых молитвенных зданий, затем он в очередной был передан в аренду обновленцам.

К началу 1923 г. раскольники, обладая некоторыми признаками, формально символизировавшими высшую церковную власть в епархии, организационно были слабы, малочисленны, не имели авторитетного лидера, пользовались одиозной репутацией среди прихожан. Однако в этот момент значительную поддержку обновленцам оказали органы исполнительной власти и ГПУ Крыма, которое было главным организатором и координатором распространения обновленческого раскола. Значительную роль в этом также играли специальные подразделения (церковные столы) в системе местных (окружных и районных) исполкомов, которые отвечали за проведение конфессиональной реформы.

Показателен в этом отношении пример Евпаторийского округа, где начальник церковного стола и бывший сотрудник ГПУ Крыма А. Шолох-Терлецкий с первых дней работы на новой должности начал настраивать евпаторийское духовенство на принятие обновленчества. В докладной записке в КрымНКВД он отмечал: «Свое официальное положение заведующего церковным подотделом я использую исключительно в помощь чисто чекистской работе, конечно, постольку, поскольку это не будет компрометировать меня как представителя Советской власти» [5, л. 18].

Несмотря на давление органов власти благочинный Евпаторийского округа протоиерей П. Сербинов категорически отказался перейти на платформу обновленчества. В объяснительной записке для церковного стола он указал на то, что действия обновленцев носят незаконный явочный характер и поэтому верующие относятся к ним не просто отрицательно, но резко враждебно. Несмотря на неопределенность в церковном управлении, духовенство было солидарно с прихожанами о недопустимости принятия церковной реформы. Никто из

священнослужителей не был знаком с программой «Живой церкви», но о методах внедрения обновленческих групп в церковные приходы они были хорошо информированы. Протоиерей обратил особое внимание на то, что, учитывая настроения прихожан округа, «...даже незначительные новшества в церковном быту могут вызвать бурю негодования... и породить массу неприятностей для тех или иных лиц и учреждений, которые будут соприкасаться с этим делом» [5, л. 21]. Вместе с этим он выразил уверенность, что если принцип невмешательства государства в дела церкви будет соблюдаться, то верующие останутся законопослушными и лояльными гражданами.

Опыт становления первых обновленческих групп в Крыму показал, что раскольник движение не могло рассчитывать на добровольную поддержку большинства местного духовенства и религиозных общин. Для его распространения и популяризации во всех районах полуострова ГПУ Крыма приступило к проведению негласных оперативных мероприятий. Во-первых, началось внедрение агентуры в церковно-приходские организации с целью их раскола и проведения соответствующей агитации. Во-вторых, продолжалась поддержка обновленцев административными органами при передаче объектов церковной собственности. Так, 21 марта 1923 г. начальник секретно-оперативной части ГПУ Крыма С.В. Корженко обратился к заместителю комиссара КрымНКВД В.Н. Ануфриеву с указанием передать ТЕУ еще одну часовню, часть богослужебных предметов закрытого кафедрального собора и временно не брать квартплату за помещение, где жили некоторые члены епархиального управления раскольников. Он отметил, что ГПУ полагало «... целесообразным в интересах противодействия реакционному духовенству не лишать обновленцев некоторой возможной негласной поддержки» [5, л. 124].

По требованию местных органов государственной безопасности церковные столы распродавали договоры об аренде храмов с нелояльными группами верующих патриаршей церкви, чтобы затем передать их обновленцам. Так, например, поступили с церковью Трех Святителей при бывшей Таврической духовной семинарии в Симферополе [5, л. 189].

Для информирования местных партийных организаций сотрудники республиканских ГПУ и НКВД составили специальное письмо с характеристикой основных целей, задач и методов проведения политики по отношению к РПЦ. В нем говорилось о том, что церковь вступила в период полной деградации и гибели, ускорению которой способствовал обновленческий раскол. В частности, указывалось: *«Будущему обществу никакая церковь уже не нужна, но в данный момент, когда церковь начала разлагаться, мы должны ускорить этот процесс, используя для этой цели обновленческое движение»* [2, л. 25].

В письме предписывалось оказывать «живоцерковникам» негласную поддержку через проведение следующих мероприятий: передавать им объекты церковной собственности, которые могли бы обеспечить постоянный источник доходов; способствовать свободному передвижению по полуострову с агитационными целями, ориентировать обновленцев на широкое информирование населения о своей лояльности к советской власти; не препятствовать проведению ими различных бесед, собраний, посвященных церковному обновлению.

Указывалось уделять большое внимание составу обновленческих групп, допуская свободу деятельности только объединений, представлявших «Живую церковь» или Союз общин древлеапостольской церкви. Отмечалось, что соответствующие шаги необходимо было координировать с местными органами ГПУ, которые имели необходимые инструкции и план действий по осуществлению раскола. В отношении официальной открытой политики констатировалось, что ее суть оставалась прежней: *«... вести борьбу с религиозными суевериями, отметить в сторону все разговоры о связи Советской власти с обновленцами, использовать все средства для дискредитации тихоновщины и временно щадить обновленцев. Когда же старые церковники будут побеждены, настанет момент ударить и по их преемникам – обновленцам»* [2, л. 25].

Самыми эффективными средствами оказания помощи крымским обновленцам со стороны органов власти были репрессивные меры по отношению к священникам патриаршей церкви. Например, в начале 1923 г. ГПУ Крыма с этой целью провело аресты среди феодосийского духовенства. За пределы республики был выслан епископ Феодосийский Кирилл (Соколов). Эти действия вынудили местный клир признать Феодосийский благочинный округ в подчинении ТЕУ.

Для пропаганды идей обновленчества ТЕУ получило возможность издавать свою газету, которая выходила раз в неделю тиражом в 300 экземпляров [3, л. 7]. Наиболее сильные позиции у последователей «Живой церкви» были в северных аграрных районах Крыма,

удаленных от епархиального центра, где поддержку раскольникам оказало сельское приходское духовенство.

Таким образом, НКВД и ГПУ Крыма в начале 1920-х гг. на региональном уровне последовательно осуществляли программу по расколу РПЦ, разработанную высшим партийным руководством страны. Такая тактика являлась временной и была нацелена на ликвидацию «самой реакционной патриаршей церкви» руками приверженцев обновленческого движения. Органы власти негласно поддерживали их в борьбе против сторонников патриарха Тихона на протяжении первой половины 1920-х гг. В последующее время тактическая линия большевиков по отношению к указанным течениям была изменена: все группы православной церкви стали преследоваться в равной мере.

Литература

1. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922-1925 гг. Кн. 1. М.; Новосибирск: Российская политическая энциклопедия, Сибирский хронограф, 1997. 600 с.
2. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), Ф П-1, оп.1, д. 243.
3. ГАРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 20.
4. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 221.
6. Красный Крым. Орган Крымского областного комитета РКП(б)-ВКП(б), КрымЦИК и КрымСНК.
7. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

Борисов С.Д.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РОЛИ ВЕТЕРАНОВ ВОВ В СТАНОВЛЕНИИ СЕВАСТОПОЛЬСКИХ ВУЗОВ)¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Аннотация. В статье проанализирован опыт применения биографического метода в изучении роли ветеранов ВОВ в создании и развитии системы высшего образования г. Севастополя. Автор рассмотрел работы, опубликованные в рамках научного проекта РФФИ № 20-49-920005 «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя». В настоящей работе систематизирована основная проблематика исследований и выявлен информационный потенциал биографий ветеранов для изучения истории севастопольских вузов.

Abstract. The article analyzes the experience of applying the biographical method in studying the role of Great Patriotic War veterans in the creation and development of the system of higher education in the city of Sevastopol. The author reviewed the works published within the framework of the scientific project “Study of the contribution of the participants of the Great Patriotic War to the formation and development of higher educational institutions in Sevastopol”. This paper systematizes the main issues of the research and reveals the information potential of veterans' biographies for studying the history of Sevastopol universities.

Ключевые слова: человеческий фактор в истории, Севастопольский приборостроительный институт, Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище, ветераны ВОВ, биографический метод.

Key words: human factor in history, Sevastopol Instrument-Making Institute, Sevastopol Higher Naval Engineering School, Great Patriotic War veterans, biographical method.

Отечественная историческая наука находится на перепутье. В условиях очередного переосмысления своего предмета и методологии история тяготеет к одному из полюсов. В процессе социологизации науки предметом выступает общество, классы, а методологический арсенал базируется на количественных методах. Другой полюс – усиление гуманитарной составляющей. Он предполагает, что предметом является человек в истории, а в методологическую основу входят биографический, генеалогический и социально-психологический методы. В настоящей работе предпринят опыт выявления исследовательского потенциала биографического метода при изучении истории становления системы высшего образования в послевоенном Севастополе. Для этого проанализированы результаты изучения биографий ветеранов ВОВ в создании и развитии Севастопольского приборостроительного института и Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища.

В рамках научного проекта РФФИ № 20-49-920005 «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя» были опубликованы исследования о прошедших Великую Отечественную войну преподавателях и руководителях севастопольских вузов. В работах руководителей проекта Е.Е. Бойцовой и В.В. Хапаева обозначены актуальность комплексного изучения биографий ветеранов ВОВ, трудившихся в севастопольских вузах, источниковая база исследования и методология изучения темы, включающая, помимо традиционных приемов, привлечение материалов сети Интернет [13], [12]. В статьях автора настоящей публикации, участника научного проекта, также уделено внимание комплексу источников по теме и методологии исследования [4], [3].

Основной массив работ в рамках проекта сосредотачивает внимание на изучении биографий ветеранов войны. В статьях и тезисах докладов на конференциях прослежен военный путь ветеранов, суровые испытания, которые они прошли и подвиги, которые совершили, представлена информация о полученных ими наградах [5]; [7, с. 74]; [8]. Биографии ветеранов успешно вплетены авторами в историю учебных заведений, а история вузов – в общий исторический контекст эпохи [10]; [9, с. 71]. Особый интерес представляет повествование об общественной деятельности ветеранов, направленной на патриотическое воспитание молодежи [5], [1, с. 50–51], [2]. Обращает на себя внимание выделение особого поколения людей, родившихся в начале 1920-х гг. и встретивших войну в молодом возрасте [6, с. 185]. В 1950-е гг. это были еще молодые энергичные люди, но уже прошедшие суровую школу

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20-49-920005.

войны: им было, что сказать молодежи в стенах учебного заведения. Важно отметить, что СПИ и СВВМИУ – вузы, готовившие гражданских и военных специалистов технического профиля, однако опыт ветеранов войны содействовал всестороннему развитию личности студента, включая и гуманитарную составляющую. Тем более, среди преподавателей были историки [1].

Важна с точки зрения развития севастопольских вузов как научных центров проблема формирования ветеранами войны научных школ и направлений. Многие ученики ветеранов защитили диссертации и стали преподавателями севастопольских учебных заведений, передавая знания и жизненный опыт своих учителей [6, С. 186]. В работах представлена деятельность ветеранов войны на административных должностях: ректоров и проректоров, начальников училища и их заместителей, заведующих и начальников кафедр. Участники войны часто оставались на этих постах по несколько десятков лет, добиваясь выдающихся успехов [9, с. 72], [11, с. 190–191]. Развитию науки способствовали также изобретательская деятельность [6, с. 186], участие в научных советах [6, с. 186], [5, с. 184], публикационная активность севастопольских ученых [6, с. 186], развитие материально-технической базы (создание лабораторий, передовых в масштабах всей страны) [11, с. 189], [9, с. 72].

Исходя из вышеизложенного сделан вывод, что биографический метод позволяет раскрыть значение человеческого фактора в истории, увидеть вклад конкретных людей в осуществление масштабных исторических процессов. В практическом ключе отметим выдающуюся роль ветеранов Великой Отечественной войны в воспитании нового поколения и создании системы высшего образования в городе Севастополе, которая по сей день успешно готовит квалифицированные кадры для различных отраслей отечественной экономики и обороны страны.

Литература

1. Андреева А.И. Джусь И.А.: жизненный путь и вклад участника Великой Отечественной войны в патриотическое воспитание молодёжи // Материалы XXVIII научной конференции «Ломоносовские чтения-2021». Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2021. С. 50–51.
2. Андреева А.И. Заблочный Павел Иванович: жизненный путь и вклад в сохранение памяти об участниках Великой Отечественной войны в Севастопольском приборостроительном институте // Сборник материалов V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» / под ред. Г.В. Косова, Е.Е. Бойцовой, В.В. Хапаева [и др.]. Севастополь: СевГУ, 2021. С. 168–169.
3. Борисов С.Д. Methods of Collecting Information Online for the History Research about Formation of the Higher Education System in Sevastopol after the Great Patriotic War // Сборник материалов III Всероссийской молодёжной научно-практической конференции с международным участием «LinguaNet». Севастополь: СевГУ, 2021. С. 295–298.
4. Борисов С.Д. Источники и методология изучения биографий ветеранов Великой Отечественной войны, участвовавших в создании и развитии вузов города Севастополя // Сборник материалов V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» / под ред. Г.В. Косова, Е.Е. Бойцовой, В.В. Хапаева [и др.]. Севастополь: СевГУ, 2021. С. 71–73.
5. Лекарева В.Д. Александр Иванович Доценко: боевой путь от курсанта до инженер-капитана I ранга и кандидата технических наук // Сборник материалов V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» / под ред. Г.В. Косова, Е.Е. Бойцовой, В.В. Хапаева [и др.]. Севастополь: СевГУ, 2021. С. 183–184.
6. Лекарева В.Д. Вклад профессора И.К. Бондаренко в развитие кафедры радиоэлектроники и телекоммуникаций Севастопольского приборостроительного института // Сборник материалов V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» / под ред. Г.В. Косова, Е.Е. Бойцовой, В.В. Хапаева [и др.]. – Севастополь: СевГУ, 2021. С. 185–186.
7. Лекарева В.Д. Военная и трудовая биография ветерана Великой Отечественной войны Виталия Кирилловича Мухи // Материалы XXVIII научной конференции «Ломоносовские чтения-2021». Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2021. С. 73–74.
8. Лекарева В.Д. История крейсера «Молотов» в контексте биографии М.З. Лавриненко // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Севастополь-Сталинград: одна война, одна история», посвященной 76-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне. Севастополь: СевГУ, 2021. С. 96–99.
9. Лекарева В.Д., Николаева М.Ю. Роль ветерана Великой Отечественной войны М.З. Лавриненко в развитии Севастопольского приборостроительного института // Материалы XXVIII научной конференции «Ломоносовские чтения-2021». Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2021. С. 71–73.
10. Николаева М.Ю. Военная и трудовая биография вице-адмирала М.А. Крастелёва // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Севастополь-Сталинград: одна война, одна история», посвященной 76-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне. Севастополь: СевГУ, 2021. С. 106–109.
11. Николаева М.Ю. Роль ветерана Великой Отечественной войны инженер-капитана I ранга В.М. Руденко в развитие Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища //

Сборник материалов V Международной научной конференции «Потемкинские чтения» / под ред. Г.В. Косова, Е.Е. Бойцовой, В.В. Хапаева [и др.]. Севастополь: СевГУ, 2021. С. 189-191.

12.Хапаев В.В. Музейная практика в условиях дистанционного обучения как опыт привлечения материалов социальных сетей для исследования биографий ветеранов Великой Отечественной войны // Сборник материалов XIX Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2021. С. 23-25.

13.Хапаев В.В., Бойцова Е.Е. Роль ветеранов Великой Отечественной войны в создании и становлении вузов Севастополя: к постановке проблемы // Материалы XXVIII научной конференции «Ломоносовские чтения-2021». Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2021. С. 51-52.

**ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ НА
ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПОДПИСАНИЯ
СТАМБУЛЬСКОЙ КОНВЕНЦИИ)**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Аннотация. В статье рассмотрен процесс формирования гендерной политики на Украине с момента обретения ею независимости. На примере подписания и ратификации Стамбульской конвенции определены основные цели и приоритеты правительства в данном вопросе, а также отношение населения страны к проводимым мерам.

Abstract. The article examines the process of gender policy formation in Ukraine during the period of independence. The main goals and priorities of the government in establishing gender relations are determined by the example of the signing and ratification of the Istanbul Convention, as well as the attitude of the country's population to the measures taken.

Ключевые слова: гендер, гендерные отношения, социальная роль, Украина, Стамбульская конвенция.

Keywords: gender, gender relations, social role, Ukraine, Istanbul Convention.

Результатом дезинтеграции Советского Союза было появление множества новых независимых государств, первоочередной целью которых стало определение национальной идеи и политического вектора дальнейшего развития. Украина в этой ситуации выбрала прозападный вектор развития, стала стремиться к формированию партнерских отношений со странами Европы и Америки. Для вступления в соответствующие альянсы Украине требуется повышать показатели демократического развития, в том числе и гендерного равноправия.

Для достижения этой цели Украиной было предпринято множество шагов, преимущественно на законодательном уровне. В Конституцию был включен пункт, декларирующий равенство всех людей в достоинстве и правах [1, с. 42]. 24 статья основного закона Украины предполагает создание комфортных условий для жизнедеятельности женщин в общественно-политической, культурной и профессиональной сферах, а также отдельно прописан перечень доступных украинкам льгот [7]. Для того, чтобы создать практический механизм для исполнения конституционных норм законом от 8 сентября 2005 года №2866-IV «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин», была создана гендерно-правовая экспертиза, введен статистический учет гендерных отношений в стране. На практике эта деятельность в значительной мере носила декларативный характер, потому темп установления гендерного равноправия в стране замедлился.

Поскольку целью гендерной политики в стране в первую очередь была демонстрация активных темпов демократического развития для дальнейшего формирования выгодных партнерских отношений со странами Европы и Америки, Украина поддерживала международные инициативы по данному вопросу.

11 мая 2011 года в Стамбуле была открыта для подписания конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (более известная как Стамбульская конвенция). Конвенция является первым юридически обязывающим документом, создавшим правовую базу в борьбе с насилием над женщинами. В наши дни она подписана 46 странами и Европейским Союзом. Несомненно, основная цель документа поддерживается Украиной, потому конвенция была ею подписана в 2011 году, однако ее ратификация стала предметом длительных дискуссий.

После подписания конвенции стало очевидным, что закон Украины №2866-IV «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин» теряет свою актуальность, поскольку в нем отсутствует само понятие «гендера», а «гендерное равенство» он характеризовал как «равный правовой статус женщин и мужчин и равные возможности для его реализации» [2], таким образом отождествляя гендер с биологическим полом. Стамбульская Конвенция определяет «гендер» как «социально-закрепленные роли, поведение, деятельность и характеристики, которые определенное общество рассматривает как соответствующие женщинам и мужчинам» [5]. Документ определяет бытовое насилие как нарушение прав человека и форму дискриминации, устанавливает ряд преступлений, которые должны быть криминализированы в странах, ратифицировавших его. Вместе с тем, значительная часть

этих положений вступает в противоречие с национальным законодательством страны и менталитетом украинцев, потому она долгое время не была ратифицирована.

Предметом споров стало понятие «гендер». При трактовке понятия как «социальной роли» конвенция уравнивает в правах не только мужчин и женщин, но также представителей ЛГБТ сообществ, бесполой, гермафродитов, небинарный гендер и прочие социальные роли, известные Западу сегодня. Менталитет населения Украины был сформирован на базе христианства и патриархальной структуры взаимоотношений в обществе, потому защита прав представителей меньшинств вызвала негативную реакцию. Немаловажную роль в этом вопросе сыграли религиозные деятели государства.

Важно отметить, что преобладающая христианская религия в Украине сегодня расколола на ряд отдельных Церквей. После распада Советского Союза в стране откололась группа клириков, объявившая себя украинской православной Церковью Киевского патриархата. Догматических отличий от православной Церкви Московского патриархата не было, раскол был результатом стремления к полной независимости, потому был поддержан в политических кругах. В 2019 году украинская православная Церковь добилась предоставления ей автокефалии, что усугубило существующий раскол. Значительную долю в стране представляет украинская греко-католическая Церковь, объединившая в себе догмы православия и католицизма. Среди религиозных меньшинств в стране важное место занимают ислам и иудаизм. Несмотря на догматические, политические и культурные противоречия представители всех этих течений едины в своем негативном отношении к Стамбульской конвенции и последствиям, к которым приведет ее подписание.

Религиозные деятели ведут активную просветительскую деятельность среди населения с целью разъяснения опасности появления термина «гендер» в нормативно-правовых актах. Для населения Украины «социальные роли» также видятся противоестественными, поскольку они противоречат привычному укладу их жизни, в связи с этим перспектива ратификации Стамбульской конвенции не получила поддержки среди украинцев и вопрос о ее подписании был отложен.

В 2017 году Всеукраинский Совет Церквей и религиозных организаций (ВСЦиРО) выступил с рядом обращений к депутатам с просьбой не ратифицировать Стамбульскую конвенцию, разъясняя опасность внедрения «гендерной идеологии» в Украине и вместо нее принять необходимые законодательные акты для предотвращения бытового насилия [9]. Однако в 2018 году президент Петр Порошенко повторно вынес на рассмотрение вопрос о ратификации конвенции, отметив, что проблема бытового насилия все еще имеет место в стране. Представителями ВСЦиРО была запущена петиция с просьбой принять меры для прекращения пропаганды гомосексуализма и для защиты традиционных семейных ценностей, которая собрала 22 837 подписей граждан Украины (из 25 000 необходимых для рассмотрения президентом), однако была удалена из официального интернет-представительства президента. В ответ на это ВСЦиРО опубликовало обращение к президенту с просьбой уважать право граждан на выражение собственного мнения и возобновления сбора подписей [4].

В период президентства Владимира Зеленского начался новый виток развития проблемы. ВСЦиРО повторно обозначило свою позицию опубликовав «Заявление об угрозах, которые несет в себе Стамбульская конвенция, и нецелесообразности ее ратификации» [3], отметив, что истинное назначение документа – узаконить однополые отношения. Однако несмотря на активное сопротивление населения Украины и повторное обращение Совета Церквей документ был ратифицирован 18 июня 2022 года.

В условиях сложившейся политической обстановки для Украины имеет особое значение формирование дружеских партнерских отношений со странами Запада и получения финансовой помощи от них, в связи с этим Стамбульская конвенция была ратифицирована, несмотря на то что вызвала недовольство населения. 4 июля на сайте президента Украины появилась петиция с просьбой денонсировать ратификацию стамбульской Конвенции, автором которой является Юлия Тимошенко – лидер политической партии «Батькивщина». Петиция набрала более 25 000 тысяч подписей и должна была рассматриваться президентом, однако вместо этого Владимир Зеленский поручил усилить информационную кампанию по разъяснению смысла и целей документа.

Таким образом можно отметить, что истинной целью формирования стратегии гендерной политики в Украине является не обеспечение равноправия мужчин и женщин и даже не обеспечение равноправия «гендеров» в стране, а установление партнерских взаимоотношений со странами Европы и Америки. В связи с этим международные инициативы, предлагаемые возможными партнерами, имеют в стране приоритетное значение, по сравнению с желанием народа.

Литература

1. Журавлева А.С. Актуальні питання конституційного та адміністративного права // Вісник магіупольського державного університету. 2013. № 6. С. 40–46.
2. Закон Украины от 8.09.2005 г. №2866-IV Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин // Законодательство Стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=16965 (дата обращения: 10.10.2022).
3. Заява ВРЦіРО про загрози, які несе в собі Стамбульська конвенція, та недоцільність її ратифікації поглядів // Офіційний сайт Всеукраїнської Ради Церков і релігійних організацій. URL: <https://vrciro.org.ua/ru/statements/uccro-statement-on-the-threats-posed-by-the-istanbul-convention> (дата обращения: 10.10.2022).
4. Звернення ВРЦіРО про недопустимість обмеження свободи вираження поглядів // Офіційний сайт Всеукраїнської Ради Церков і релігійних організацій. URL: <https://vrciro.org.ua/ru/statements/uccro-statement-in-favor-of-freedom-of-speech-and-thought> (дата обращения: 10.10.2022).
5. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 10.10.2022).
6. Константинова Е. Петиция об отмене Стамбульской конвенции набрала 25 000 голосов // Союз православных журналистов. URL: <https://spzh.news/ru/news/90335-peticija-ob-otmene-stambulskoj-konvencii-nabrала-25000-golosov> (дата обращения: 10.10.2022).
7. Конституция Украины. Раздел 3. Статья 24 // Юрист. URL: <https://www.president.gov.ua/ua/documents/constitution/konstituciya-ukrayini-rozdil-ii> (дата обращения: 10.10.2022).
8. Матвиенко В.В. Гендер как социокультурный феномен. // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 10. С 14–16.
9. Рада Церков закликає прийняти закони з протидії домашньому насильству // Офіційний сайт Всеукраїнської Ради Церков і релігійних організацій. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=16965 (дата обращения: 10.10.2022).

Ваганов В.С.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В РАБОТЕ НАД СПРАВОЧНЫМИ ИЗДАНИЯМИ ПО ЮГО-ЗАПАДНОМУ КРЫМУ В 1920-Е ГГ.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Аннотация. В статье анализируется опыт разработки справочных краеведческих изданий (путеводителей) по Юго-западному Крыму в 1920-е. Показана эволюция путеводителя как формы справочных краеведческих изданий на примере изменения тематик и средств репрезентации культурных достопримечательностей Севастополя и Юго-западного Крыма. Показана значительная роль научных и охранных организаций, музейных объединений, таких как КрымОХРИС, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы, Севастопольский музей краеведения и др. в разработке справочной литературы.

Abstract. The article analyzes the experience of developing reference local history publications (guidebooks) in the South-western Crimea in the 1920s. The evolution of the guidebook as a form of reference local history publications is shown by the example of changing themes and means of representation of cultural attractions of Sevastopol and Southwestern Crimea. The significant role of scientific and security organizations, museum associations such as KrymOHRIS, the Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers, the Sevastopol Museum of Local Lore, etc. is shown. in the development of reference literature.

Ключевые слова: Справочная краеведческая литература, путеводители, КрымОХРИС, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы, музеи, историческое крымоведение.

Key words: Reference local history literature, guidebooks, KrymOHRIS, Crimean Society of Naturalists and Nature Lovers, museums, historical Crimean studies.

Начало 20-х годов в Крыму отмечено активизацией регионоведческих штудий. Политика советского государства в области культуры была направлена на широкую популяризацию краеведения, как средства воспитания нового советского человека и приобщения народных масс к историческому наследию полуострова. В этот период шел процесс создания и реорганизации общественных и государственных научных организаций, основным направлением работы которых было изучение, популяризация и сохранение памятников истории и культуры. Внедрение краеведения в образование и досуг советских граждан, а также возобновление и многократное усиление туристического потока на полуостров обозначили необходимость разработки специализированной краеведческой литературы, построенной на новых ценностях и принципах. В широком разнообразии форм данной литературы значимое место занимали справочные краеведческие издания, самым массовым и востребованным видом которых являлись путеводители.

Путеводители по Крыму 20–30-х годов можно разделить на несколько типов по тематике и сфере применения в организации экскурсионной и туристической деятельности. Среди них: универсальные путеводители, направленные на всестороннее и максимально подробное представление всех природных, культурных и рекреационных достопримечательностей, путеводители историко-культурной направленности, создаваемые в первую с целью популяризации и представления историко-культурного наследия полуострова, а также путеводители рекреационной направленности, сосредоточенные на объектах лечебной и санаторно-курортной инфраструктуры.

В период 1920-х годов Севастополь становится одним из наиболее популярных туристических объектов крымского полуострова, достопримечательности города привлекают большое количество туристов со всех уголков страны. Организация туризма и экскурсионной деятельности ложится на плечи различных организаций, состоящих из представителей творческой и научной интеллигенции, среди которых: Бюро экскурсий при Политпросвете, Бюро рабочих экскурсий, Крымское экскурсионное бюро, Крымское акционерное общество курортных и междугородних сообщений (Крымкурсо), Севастопольский музей краеведения и др. Как следствие повышения интереса приезжающих к истории и культурному наследию Севастополя активизируется подготовка экскурсоводческих кадров и разработка современных справочных краеведческих изданий.

Первым постреволюционным справочным краеведческим изданием стал «Путеводитель по Крыму», изданный под эгидой КрымОХРИСа. Важнейшими задачами этой организации были охрана, изучение и популяризации памятников культуры, истории, архитектуры и

этнографии крымского полуострова [6]. В создании путеводителя приняли участие крымские ученые и члены крымоведческих обществ, таких как Таврическое общество истории археологии и этнографии, Российское общество по изучению Крыма, Общество естествоиспытателей и любителей природы основную редактуру осуществляли известные деятели краеведческого движения Арсений Иванович Маркевич, Александр Иванович Полканов, Николай Львович Эрнст. Путеводитель был издан в 1923 году и представлял собой сборник материалов и экскурсий по крымским городам и основным достопримечательностям полуострова. Особое внимание авторы путеводителя уделяли памятникам архитектуры, искусства, народному быту и коллекциям городских музеев. Севастополь также представлен в перечне туристических объектов. В кратком очерке описаны основные достопримечательности города, содержится ценная справочная информация для туристов и путешественников. Внимание также уделяется окрестностям Севастополя, в путеводителе представлены краткие очерки по истории и обзоры памятников Херсонеса, Инкермана, Балаклавы, описание мыса Фиолент и Георгиевского монастыря.

Первое издание путеводителя вышло кратким и лаконичным, спешка, в которой создавался путеводитель накладывала отпечаток на качество проработки и подробность представленного материала. Однако, путеводитель КрымОХРИС имел большой успех и очень скоро стал библиографической редкостью. В этой связи стал вопрос и разработке второго издания, которое вышло уже в 1925 году. Второе издание представляло собой окончанный научно-популярный труд. Раздел про Севастополь был расширен, появился подробный очерк по истории Херсонеса. Переработке подверглись также материалы для организации экскурсий, в путеводителе представлен перечень экскурсионных тем, рекомендуемых для освещения. Среди них: «Революционные восстания в 1905. «Потёмкин» и «Очаков», «Порт и морзавод», «Буржуазный империализм (войны 1854–1855 г., 1914–1917 г.)», «Торговые колонии в Крыму греко-римского и византийского периодов и экономические причины их появления», «Жизнь Черного моря», «Физические методы лечения» [8], [9]. В разработке второго издания путеводителя деятельное участие принял выдающийся советских археолог, директор Херсонесского археологического музея Константин Эдуардович Гриневич [7].

Успех путеводителя КрымОХРИС и дальнейшее развитие туризма и краеведения приводит к тому, что разработка справочных краеведческих изданий становится массовым явлением. К разработке путеводителей привлекаются не только крымские ученые, но и представители научных центров Москвы и Ленинграда. Кроме того, созданием путеводителей начинают заниматься не только научные краеведческие организации, но и коммерческие структуры. 1920-е годы являют нам множеством попыток создания путеводителя, способного удовлетворить растущий спрос на качественную книжную краеведческую продукцию. Одной из приоритетных тематик в появлявшихся изданиях были достопримечательности и культурное наследие Севастополя.

Севастопольская тематика находит своё отражение в ряде справочных краеведческих изданий, среди которых путеводитель Крымкурсо под авторством составитель экскурсионной карты Крыма В. К. Шнеура, вышедший в 1924 году. В данном путеводителе в разделе «Описание Крыма» содержатся очерки «Севастополь и его окрестности», «Инкерман», «Херсонес», «Георгиевский монастырь», «Балаклава», а также описание пути от Севастополя до Ялты через Байдарские ворота и Кокоты (Соколиное) [11].

Справочная информация и краткое описание Севастополя с окрестностями содержится в авторском путеводителе знаменитого писателя, члена Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Эразма Семеновича Батенина, вышедшем в 1927 году. Данный путеводитель примечателен качественным иллюстративным материалом, к изданию прилагался подробный план г. Севастополя с нанесёнными на него интересными экскурсионными объектами, памятниками архитектуры и музеями [4].

Одним из наиболее значимых и известных путеводителей по Крыму является Путеводитель Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, выдержавший три издания 1914, 1923 и 1929. Главными редакторами данного выступили признанные учёные, члены КОЕиАП Иван Михайлович Волошинов, Валериан Викторович Лункевич, Иван Иванович Пузанов, Антоний Освальдович Штекер. Авторами очерков стали выдающиеся ученые из Крыма и столичным научных центров Алексей Степанович Башкиров, Николай Николаевич Клепинин, Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский, Евгений Владимирович Вульф и другие.

Второе издание путеводителя вышло в 1923 году и «носило на себе печать переходного, неустановившегося времени» [2, с. 4]. Справочная часть была сокращена до минимума, общий объем уменьшился до 494 страниц. Также к недостаткам второго издания относится высокая (4–5 рублей) стоимость и малый тираж, не благоприятствовавший широкому распространению [2].

Устранить недостатки предшествовавших изданий и предоставить новую, актуальную научную и справочную информацию для путешественников и организаторов экскурсий было призвано третье издание путеводителя, вышедшее в 1929 году. Третье издание по размеру приблизилось к первому, дореволюционному и составило 630 страниц. В первой части (Очерки Крыма) были переработаны и дополнены в соответствии с последними научными данными, взятые из второго издания статьи по геологии, флоре, фауне, сельскому хозяйству. Также первая часть пополнилась новыми сюжетами. Были заново написаны очерки: «Черное море», «Производительные силы», «Население», «Доисторическое прошлое», «Древние и средние века», «От Крымского ханства до наших дней», «Промышленность» и «Целебные силы». В первую часть вошли очерки под авторством известных учёных. Среди них: профессор Н. Н. Клепинин, профессор А. В. Вознесенский, профессор Е. В. Вульф, профессор И. И. Пузанов, Г. А. Бонч-Осмоловский, профессор А. С. Башкиров, П. В. Никольский, А. Д. Петровский-Ильенко, д-р А. М. Лункевич [3].

Вторая часть также была переработана. Справочная информация была актуализирована по состоянию на осень 1928 года. Был добавлен ряд новых экскурсий. К созданию справочной части привлекались «лучшие краеведческие силы Крыма» [3, с. 9] среди которых: И. М. Волошинов, В. П. Бабенчиков, профессор И. И. Пузанов, С. Д. Ширяев, Г. И. Грабовский, профессор Е. В. Вульф, М. В. Смирнов, А. О. Штекер, С. К. Даль, профессор А. П. Лоидис, К. Ф. Слудский, А. А. Геденов, Ю. Ю. Марти, Е. П. Филиппов, А. А. Дзевановский, П. Я. Чепурина, а также сотрудники Крымгосиздата из Евпатории, Симферополя и Севастополя [3].

Севастополю и окрестностям в данном издании посвящен раздел «Севастопольский район». В первой части главы представлен обширный перечень разнообразных организаций, таких как транспортная инфраструктура, объекты здравоохранения, общественного питания, государственные учреждения, банки, учреждения культуры (театры, музеи, клубы). Далее следуют рекомендации по правильному осмотру городских достопримечательностей, дается историческая справка и краткая характеристика наиболее важных, по мнению автора, объектов. Среди них: Приморский бульвар, Биологическая станция академии наук, музеи, входящие в Севастопольское музейное объединение (Музей Революции, Военно-исторический музей Крымской кампании, Панорама, Картинная галерея, Музей краеведения), Малахов Курган, Корниловский бастион и др. Во второй части главы содержится описание достопримечательностей в окрестностях Севастополя: Александриада, Инкерман, Херсонес, Балаклава, Георгиевский монастырь, Братское кладбище. Текст снабжен качественными иллюстрациями и подробным археологическим планом Херсонеса. Автором очерка о Севастопольском районе выступил выдающийся крымский историк, археолог, подвижник музейного дела Владимир Петрович Бабенчиков [1–3].

Путеводитель Крымского общества естествоиспытателей природы является одним из наиболее ярких примеров качественной книжной краеведческой продукции. Ни один из изданных в дальнейшем путеводителей не смог приблизиться по полноте, удобству и качеству проработки материала к данному изданию.

Особым видом справочных изданий являются путеводители, повествование которых строится не вокруг региона в целом, а направленно на представление достопримечательностей отдельного города или района полуострова. Такие издания могли приобретать вид экскурсионных очерков, сборников экскурсий, спутников туриста и т.д.

Особый интерес представляют путеводители по отдельным городам Крыма. Данные издания являются интересными источниками не только по развитию краеведения, но и дают информацию о формировании городского пространства, названиях улиц, назначениях зданий и т.д. Данные путеводители издавались небольшими тиражами, часто на местных типографиях, и почти сразу становились библиографической редкостью. По этой причине, множество подобных изданий ещё не введено в научный оборот, их список будет пополняться за счёт изучения фондов городских библиотек и музеев.

Оригинальным примером путеводителя по городу является «Революционный Севастополь: краткая история революционного движения, и путеводитель по революционному Севастополю в двух частях» вышедший в 1928 году под авторством Михаила Ивановича Лебедева. Данный путеводитель концентрируется вокруг достопримечательностей города, связанных с Первой Русской революцией и революционными событиями 1917 года. Первая часть представляет собой исторический очерк революционного движения в Севастополе. Дается анализ революционных выступлений в 1905–1907 и 1917 годов, описывается участие горожан, матросов и офицеров Черноморского флота. Во второй части представлен перечень революционных мест Севастополя с описанием памятников и зданий. Представлены разделы о Приморском бульваре, Константиновской батарее, Лазаревских казармах, квартире лейтенанта Шмидта и других объектах. Особое внимание уделяется Инкерману и Балаклаве.

В приложениях к путеводителю размещены документы, иллюстрирующие революционные события в Севастополе [5].

Важное место в списке путеводителей по городам занимает «Балаклава: производительные силы, курорт, история» под авторством Д. С. Шнейдера, вышедший в 1930 году. Данный путеводитель создавался с учётом новых требований, ставившихся перед краеведческой литературой начала 30-х. Книга начинается с общего обзора географического положения Балаклавы. Автор характеризует состояние города следующим образом: «В связи с общим ростом хозяйственной мощи Советского Союза не только перед цветущими балаклавскими, но и перед простертыми к северу и северо-западу от “Золотой балки” пустынными пространствами сейчас встают блестящие перспективы дальнейшего развития» [10, с. 4].

В первом разделе содержится описание хозяйственной округи, описывается отрасли растениеводства и животноводства, виноградарства, и виноделия, рыбного промысла, энергетических ресурсов и производительных сил. Во втором разделе дается развернутое описание климата, рельефа, геологического и почвенного состава, кратко описываются культурные и природные достопримечательности. Данный путеводитель направлен на освещения в первую очередь особенностей города, как части хозяйственной и экономической инфраструктуры [10].

Таким образом, культурно-историческое наследие Севастополя и его окрестностей нашло широкое отражение в справочной краеведческой литературе 1920-х годов. В разработке данной литературы деятельное участие принимали члены научных, охранных и музейных организаций, представители научной и творческой интеллигенции Крыма и Севастополя.

Литература

1. Акимченков В. В. Патриарх Крымской Археологии: новые источники к биографии Владимира Петровича Бабенчикова // Историческое наследие Крыма. 2019. С. 91–104.
2. Крым: путеводитель/ Крым. О-во естествоиспытателей и любителей природы, под ред. И. М. Волошинова, В. В. Лункевича, И. И. Пузанова, А. О. Штекера. 3-е изд. Симферополь: Крымгосиздат, 1929. 630 с.
3. Крым: путеводитель/ Крым. О-во естествоиспытателей и любителей природы, под ред. И. М. Волошинова, В. В. Лункевича, И. И. Пузанова, А. А. Штекера. 2-е изд. Симферополь: Крымгосиздат, 1923. 494 с.
4. Крым: справочник-путеводитель/ Под ред. Э. С. Батенина. М., 1926. 184 с.
5. Лебедев М. И. Революционный Севастополь: Краткая история революционного движения и путеводитель по революционному Севастополю. Симферополь: Крымск. гос. изд-во, 1928. 80 с.
6. Непомнящий А. А. КрымОХРИС в документах отдела письменных источников государственного исторического музея (1920–1927) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 125–130.
7. Прохорова Т. А. На службе археологии и музею: к 125-летию со дня рождения Константина Эдуардовича Гринева (1891–1979) // Причерноморье. История, Политика, Культура. 2017. № 22. С. 8–22.
8. Путеводитель по Крыму/Крым. обл. ком. по делам музеев и охране памятников старины и искусства, под ред А. И. Маркевича, А. И. Полканова, Н. Л. Эрнста. Симферополь: Крымгосиздат, 1923. 97 с.
9. Путеводитель по Крыму/Крым. обл. ком. по делам музеев и охране памятников старины и искусства, под ред А. И. Маркевича, А. И. Полканова, Н. Л. Эрнста; Очерк революционного движения под ред. В. Камшицкого. 2-е изд., испр. И доп. Симферополь: Крымгосиздат, 1925. 268 с.
10. Шнейдер Д. С. Балаклава: Производительные силы, курорт, история. Симферополь: Крым. гос. изд-во, 1930. 48 с.
11. Шнеур, В. К. Путеводитель по Крыму: с иллюстрациями в тексте. Изд. 1-е. Симферополь: Крымское АО курортных и междунар. сообщ. "Крымкурсо", 1924. 527 с.

Данильченко С.А.

ПРЕПОДАВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье рассмотрен современный опыт преподавания вузовского учебного курса «Истории России» и предложены научно-методические рекомендации по его конструированию и преподаванию. Анализируются подходы по формированию целостного представления о цивилизационном пути России.

Abstract. The article examines the modern experience of teaching the university course "History of Russia" and offers scientific and methodological recommendations for its design and teaching. The approaches to the formation of a holistic view of the civilizational path of Russia are analyzed.

Ключевые слова: российская государственность, тысячелетняя история, единый для цивилизационного ареала нормативно-ценностный порядок, российский универсум, духовные принципы национально-го единства, национально-государственная идея, система представлений об идеалах и долгосрочных целях развития, принципы взаимодействия государства с обществом.

Keywords: Russian statehood, a thousand-year history, a single normative-value order for the civilizational area, the Russian universe, spiritual principles of national unity, national-state idea, a system of ideas about ideals and long-term development goals, principles of interaction between the state and society.

Преподавание истории нашего Отечества является одной из самых актуальных проблем в процессе модернизации высшего образования. В основе этого лежат, прежде всего, не столько политические, сколько духовно-нравственные причины. Именно в преподавании истории России сегодня происходят наибольшие изменения по сравнению с другими дисциплинами, изучаемыми в вузе.

В советский период российской истории преподавание общественных дисциплин было частью пропагандистской работы, направленной на усвоение молодежью идей марксистско-ленинского учения, считавшегося официальной идеологией советского общества и государственной власти. История рассматривалась как важнейшее средство обоснования истинности этой идеологии. Такой подход определил характер и структуру изучения отечественной истории. В основных чертах она сложилась после принятия известного Постановления ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» в мае 1934 года, а появившиеся через несколько недель «Замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории» в большой мере расставили акценты в вопросах содержания исторического образования. Изучение истории было направлено, прежде всего, на получение исторических знаний, которые преподносились как точные, излагаемые в определенной последовательности. Обучение истории было ориентировано на запоминание определённой версии развития исторических событий. Только такой курс истории мог обеспечить необходимую для советской молодежи доступность, наглядность и конкретность в изучении исторического материала, на основе которых возможны разбор, обобщение и анализ исторических событий, подводящие советского человека к марксистскому пониманию истории [1, с. 4].

Критерием оценивания успешности обучения служила, прежде всего, способность студента наиболее полно повторить материал, изложенный преподавателем и прочитанный в учебнике. Важной посылкой такого подхода было убеждение, что изучение истории нацелено то, чтобы извлечь из прошлого урок. Следует отметить, что взгляд на историю как хранилище уроков, приобрел широкое признание задолго до правления И.В. Сталина. И в послесталинское время, когда определенная часть общества уже сомневалась в содержании, вера в саму возможность брать у истории важные уроки не была подорвана. Более того, одним из элементов диссидентского подхода к истории было стремление защитить историческую память от мифов и фальсификаций, то есть заменить одни уроки истории другими.

Следует признать, что большинство современных авторов продолжает искать в прошлом уроки, которые следует довести до студентов, и такой подход угрожает привести к новому типу избирательности. Одна из причин сохранения традиционного взгляда на функции исторического образования заключается в том, что в нашей исторической науке всегда господствовал объективистский подход, предполагавший, что получение объективного

исторического знания возможно, а сама история развивается по линии прогресса в соответствии с объективными закономерностями исторического развития. В современных условиях, когда определение путей модернизации учебных курсов по истории и даже создание учебников понимается преимущественно как право и обязанность учёных - историков, это является немаловажным фактором. При ретроспективном взгляде на эволюцию исторического образования за последние 30 лет перемены уже не кажутся ни глубокими, ни радикальными. В результате плоскость обсуждения проблем исторического образования сместилась в сторону его цели и задач. Не удивительно, что достижения прошедших лет оцениваются по-разному. Одни считают, что в постсоветское время осуществлено радикальное обновление исторического и обществоведческого образования на основе принципов гуманизации, гуманитаризации и вариативности, созданы основы для принципиально новой для России деполитизированной системы гражданского образования. Другие относят к числу перемен более широкое, чем прежде, представление об истории, когда отдельно взятые концепции, версии и индивидуальные авторские пристрастия не могут заслонить многообразия наших взглядов о прошлом и путях его постижения. Произошел переход к такой системе исторического образования, в центре которой не студент, а история является предпосылкой для познания им мира и своего места в нем. В этом смысле можно говорить о введении в вузах элементов исторического диалога. Третьи считают, что в последние десятилетия расширилось использование исторических источников, называют итогом прошедших лет изменение содержания исторического образования, его открытость и многополярность [2, с. 9].

В современной политической и идеологической ситуации цели исторического образования понимаются учеными и педагогами по-разному. Диапазон мнений широк - от утверждения, что главная цель обучения истории - привитие навыков критического мышления, позволяющих гражданину делать выбор в современном обществе, до другого подхода, при котором на первый план выдвигаются патриотические ценности и государственнические традиции. При этом в целом наблюдается смещение акцента на развитие исторического мышления. Постепенно растет понимание, что история в вузе должна, прежде всего, развивать личность студента, способствовать формированию его индивидуальности, персональных и гражданских качеств, умению самостоятельно и критически мыслить. С методологической точки зрения такой подход предполагает, что в истории есть различные объяснения исторических явлений, и формирование у студентов критического мышления базируется на сопоставлении разных интерпретаций прошлого. С дидактической точки зрения он предполагает (в идеале) выстраивание студентом собственной интерпретации. Сторонники таких подходов указывают на необходимость принять во внимание сдвиги, произошедшие в обществе - образование стало не столько государственной, сколько индивидуальной целью.

Специфика отечественной истории как учебной дисциплины заключается не столько в материале, с каким приходится иметь дело, сколько в тех мыслительных операциях и способах деятельности, работая с историческим материалом. В процессе исторического образования люди осваивают несколько социальных ролей - рассказчика историй, участника коллективного действия, определяющего позиции по отношению к историческим событиям, исследователя - аналитика, «пишущего» историю. Формированию навыков исторического мышления может способствовать внедрение в учебный процесс технологий развивающего обучения, что требует углубленного изучения отдельных сюжетов и тем [3, с. 5].

В последние годы по проблемам исторического образования высказывались многие известные общественные деятели и высшие государственные чиновники. Их суждения не всегда бесспорны, но верно то, что истории принадлежит особая роль в формировании отношения молодёжи к своей стране, к определению своего места в обществе. В этом смысле историческое образование выступает как фактор общественной стабильности и национальной безопасности.

Изучение интегрированной национальной истории, признающей и уважающей права и легитимность всех составляющих компонентов конкретного государства, позволит обществу осознать многообразие своих корней и самобытность, а также всю полноту наследия, завещанного прошлым их нации или государству [4, с. 10].

В соответствии с поручениями Первого национального форума преподавателей истории и расширенного заседания Экспертного совета по развитию исторического образования, проведенных 7 октября 2020 года в городе Тобольске, кафедры «История России» и «Всеобщая история и мировая культура» Севастопольского государственного университета провели совместное заседание для выработки мер по повышению качества преподавания истории в высшей школе, обмена опытом с регионами РФ и дальнейшего налаживания профессиональных связей. На совместном заседании кафедр было принято решение о том, что в Севастопольском государственном университете межфакультетский курс «История России» будет читаться модульно и в течение учебного года в соответствии с рекомендациями Минобрнау-

ки. Более того, модульность реализуемого курса будет заключаться в том, что курс «История России» будет включать 2 основных модуля – «Историю российской государственности» и «Историю Крыма и Севастополя». Для нас это очень важно, так как мы убеждены в том, что формирование представлений о роли месте России в мировом историческом процессе, уникальных, особенных и общих чертах ее развития должно сопровождаться сравнением с другими странами Европы и Азии и опираться на изучение региональной истории.

Мы осознаем, что трактовки курса «История России» выверены, понимаем, что содержание учебных пособий не должно расходиться в зависимости от конкретного вуза. Мы благодарны творческой группе, состоящей из представителей профильного Министерства, академического и профессионального сообщества, а также членов общественной организации «Российское историческое общество», которая разработала вышеуказанную Концепцию, фиксирующую все основные определения, даты, события и их трактовки. Таким образом мы получим единое изложение истории для студентов разных специальностей.

Но хотелось бы затронуть ряд важных методологических вопросов, не нашедших отражения в Концепции. Во-первых, мы все понимаем, что изучение отечественной истории является одной из фундаментальных основ для выработки национального достоинства граждан Российской Федерации. История России хранит память о том, что не только путём войн и захватов, но последовательных колонизации и освоения в течение многих веков огромного географического пространства жители нашей страны сумели создать самое большое в мире по территории государство. В результате развала СССР эта территория существенно сократилась, но всё равно современная Россия является самой крупной страной на планете, обладающей огромными запасами природных ресурсов, которые при условии проведения правильной политики и рационального их использования послужат залогом будущего успешного национального развития. Этот тезис нужно учесть при дальнейшей доработке Концепции.

Во-вторых, сохранить Россию в нынешних границах - одна из задач современного российского политического руководства. Исторический опыт показывает, что тенденции к распаду страны и территориальные претензии к России возникали и будут возникать вместе с ослаблением государственной власти. Это означает необходимость крепить государственные устои, иметь современные вооружённые силы, способные охранять государственные границы и отражать в случае необходимости агрессивные поползновения со стороны других стран, а также наносить превентивные удары. Но главным условием повышения веса и авторитета России может стать не столько успешное экономическое развитие страны, сколько усиление её роли на мировой арене, ее культурно-цивилизационное влияние путем освоения территорий, исторически принадлежавших российскому государству. Это второй важный тезис формирования внутренней логики предложенной Концепции.

В-третьих, в Концепции не отражены межпредметные и метапредметные связи. Мы неоднократно обращали внимание наших коллег-разработчиков на то, что природно-климатические условия нашей страны на всём протяжении её истории обусловили цивилизационные особенности России как составной части общемировой цивилизации. Как показывает изучение истории нашей страны, ее особенности заключаются в особом месте России на евразийском континенте и в характере её географических и природно-климатических условий. Россия - северная страна с трудными и нелёгкими условиями для человеческого общежития. При изложении нашей национальной истории необходимо помнить о специфических чертах населяющих её жителей, о которых всегда нужно отдавать себе отчёт. Это предмет не для самолюбования, а для непрерывной неустанной работы по совершенствованию уровня национальной культуры и образования всего населения. Всё это определяет не столько «повторение пройденного», сколько поиск своих путей успешного национального возрождения. Проведение разумной демографической и миграционной политики, обеспечивающей рост населения, подъём и благосостояние жителей за счёт более развитых в экономическом и культурном отношении районов – это одна из основных социокультурных тенденций в истории нашей страны, которая четко просматривается в исторической ретроспективе.

В Концепции необходимо прописать, что в России на протяжении длительного времени сложилась система регионов-районов, которые несколько, иногда значительно, различаются между собой по природным и человеческим ресурсам, что исторически обуславливало совершенствование административно-территориального устройства нашей страны. Более того, выработка разумной национальной политики остаётся одним из приоритетов современного российского руководства. В этом отношении обращение к многовековому опыту мирного сожительства различных религий и наций в рамках единой страны - России играет особо положительную роль.

В то же время не приходится отрицать, что в истории отдельных стран геополитический фактор занимал особое место. К их числу принадлежит Россия. Это диктует не только задачи более пристального изучения истории нашей страны, но обязательность включения геополитических знаний в преподавание истории России в вузах нашей страны.

Нельзя не отметить важность культурно-цивилизационного подхода в изучении истории России, так как именно он направлен на выявление особенностей развития отдельных наций, государств и международных регионов. Именно в России одним из первых данный подход начал разрабатывать еще в XIX веке Н.Я. Данилевский. В настоящее время, когда наглядно проявилась непригодность либерально-западнической схемы исторического развития, особенно применительно к России, интерес к культурно-цивилизационной методологии и творческому наследию Н.Я. Данилевского особенно возрос. Не отрицая некоторых наиболее общих закономерностей в развитии человечества, он, во всяком случае, предостерегал от шаблонов и стереотипов в изучении отечественной истории. Поэтому история России не раз убеждает нас в необходимости внимательного и комплексного учета этнических, геополитических и культурно-исторических особенностей.

В преподавании отечественной истории геополитике должно уделять больше места. Это объясняется той громадной ролью, которую играл в её истории географический фактор, и не случайно многие учёные на этом основании выделяют особую российскую цивилизацию. Но, прежде чем говорить об этой «особости», следует конкретно показать роль географических условий на различных этапах отечественной истории и разъяснить, чем же история России отличалась в этом отношении от истории других стран. Российская историческая наука включает в себя значительную долю геополитических знаний, прежде всего, с точки зрения того, как они складывались и развивались в нашей стране. Сюда органически входит история географических открытий, роль первопроходцев (землепроходцев), освоение новых пространств, их историко-географическое описание. Сегодня накоплено много знаний по отдельным сторонам историко-географических процессов, и главная задача исторической науки состоит в том, чтобы видеть их взаимосвязь. Геополитические знания имеют большое практическое значение и должны учитываться в хозяйственной и социальной политике, а их игнорирование ведёт к крупным просчётам и кризисным явлениям. В нашей недавней истории было принято немало волевых решений без учёта сложившейся практики взаимодействия природы и общества в истории страны, что обязательно должно найти отражение в современной исторической науке.

Учитывая состояние системы преподавания истории России в высшей школе, которая переживает процесс смысловой и содержательной трансформации, большое значение имеет возвращение многим понятиям их истинного первоисточника (природного) смысла. И здесь немаловажная роль принадлежит формированию нового содержания преподаваемого в вузах курса «История России», которое будет исходить не из надуманных (спекулятивных) положений, идеологических и политических предпочтений, а из реальных процессов в истории нашей страны на протяжении многих веков.

История российской государственности тесно связана с историей других народов, населявших как граничащие с нашей страной, так и отдаленные регионы Азии и Европы. Постоянные миграции степных кочевых племен, перманентное вторжение различных по этническому составу племен и народов вызывало изменение этнического состава славянского населения, издревле обитавшего на этих землях. В результате миграций, завоеваний, ассимиляций, коренное население вступало в широкие межэтнические и социально-культурные контакты с другими народами, что способствовало созданию уникального российского культурно-этнического синтеза.

Государственность в историко-культурном аспекте целесообразно рассматривать как государственно-организованную форму общества, включающую государственно-правовые институты, национально-государственную идею и социокультурную практику ее реализации. Специфика российской государственности обусловлена тем, что она выступает в национальной истории матрицей российской цивилизации, доминантной формой ее социальной интеграции.

Российская государственность скрепляет разнородные земли, народы, культуры и формирует единый для цивилизационного ареала нормативно-ценностный порядок - российский универсум. Этот порядок представляет собой генерируемые государственной властью духовные принципы национального единства, или то, что получило название «национально-государственной идеи» как системы представлений об идеалах и долгосрочных целях развития, а также о принципах взаимодействия государства с обществом, человеком, окружающей средой и окружающим миром.

Как добиться того, чтобы обучение истории рождало здоровый оптимизм, вызывало гордость за свою страну, обеспечивало связь и преемственность поколений, и в то же время не опуститься до лжи?

Цель изучения истории должна состоять в следующем - упражняясь с историей, научиться решать социальные проблемы. Очевидно, что сегодня в большей степени, чем раньше, студенты нуждаются в рассмотрении философских аспектов исторического образования, в понимании различных нюансов темы «Политика и история». Может быть, не так уж неправ был М.Н. Покровский, провозглашавший, что история есть политика, опрокинутая в прошлое? Только в таком случае можно сформировать целостное представление о том, как изучать историю.

Литература

1. Данильченко С.Л. Научно-методические рекомендации по конструированию и преподаванию учебного курса «История» для неисторических направлений подготовки в российских вузах. Учебно-методическое пособие. –Уфа: научно-издательский центр «АЭТЕРНА», 2021. 218 с.
2. Бойцова Е.Е., Гарас Л.Н., Данильченко С.Л., Осиповский С.Н., Татарков Д.Б., Хапаев В.В. История России: опорные материалы. Учебное пособие. Уфа: научно-издательский центр «АЭТЕРНА», 2022. 266 с.
3. Данильченко С.Л. История российской государственности: опорные материалы. Учебное пособие. Уфа: научно-издательский центр «АЭТЕРНА», 2021. 314 с.
4. Данильченко С.Л., Рябцев А.В., Татарков Б.Д., Хапаев В.В., Шкарубо С.Н. Научно-методическое сопровождение учебного курса «История России» в российских вузах. Учебное пособие. Уфа: научно-издательский центр «АЭТЕРНА», 2022. 302 с.

Дмитриева В.В.

**ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ГОРОД СЕВАСТОПОЛЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»)**

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье описывается проект фундаментальных научных исследований «Город Севастополь в годы Великой Отечественной войны: историко-экономический анализ» как пример изучения региональной истории и экономики с использованием междисциплинарного подхода и применением научных методов исторической и экономической наук. Определены цели и задачи, научная новизна проекта. Охарактеризованы результаты работы, которые были апробированы на научно-практических конференциях и отражены в научных статьях.

Abstract. The article describes the project of fundamental scientific research "The City of Sevastopol during the Great Patriotic War: historical and economic analysis" as an example of studying regional history and economics using an interdisciplinary approach and applying scientific methods of historical and economic sciences. The goals and objectives, scientific novelty of the project are defined. The results of the work that were tested at scientific and practical conferences and reflected in scientific articles are characterized.

Ключевые слова: город Севастополь, Великая Отечественная война, историко-экономический анализ, экономическая история региона, проект.

Key words: the city of Sevastopol, the Great Patriotic War, historical and economic analysis, economic history of the region, project.

В 2019 году был проведен региональный конкурс на лучшие проекты фундаментальных научных исследований 2020 года в соответствии с Соглашением № 281-к о проведении совместных конкурсов проектов фундаментальных научных исследований и конкурсов проектов организации российских и международных научных мероприятий от 25 октября 2019 г.

Главной задачей конкурса была поддержка фундаментальных научных исследований, развитие регионального научного сотрудничества, поддержка научных коллективов и отдельных ученых, которые проводят фундаментальные научные исследования.

На конкурсный отбор могли быть представлены проекты фундаментальных научных исследований в соответствии с классификатором РФФИ по следующим тематическим направлениям:

- Великая Отечественная война 1941-1945 гг. в Крыму и Севастополе;
- психология личности в истории Великой Отечественной войны;
- роль Севастополя в формировании исторической памяти о Великой Отечественной войне;
- историография Крыма и Севастополя в период Великой Отечественной войны;
- исторические источники об Обороне и Освобождении Севастополя и борьбе подпольщиков и партизан в период оккупации Севастополя;
- документальные источники о деятельности национально-культурных обществ Севастополя и Крыма;
- исторические источники о войне на море в период Обороне и Освобождения Севастополя;
- подвиг Севастополя и Крыма в Великой отечественной войне в произведениях искусства и литературы.

Наш проект 20-49-920006 «Город Севастополь в годы Великой Отечественной войны: историко-экономический анализ» стал победителем регионального конкурса фундаментальных научных исследований. В реализации проекта принимали участие преподаватели двух кафедр ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»: Алексей Геннадиевич Баранов, Елена Петровна Гармашова, Александр Александрович Митус, Маргарита Юрьевна Тарабардина (кафедра «Экономика предприятия»), Виктория Викторовна Дмитриева (кафедра «История»). Руководителем проекта был заведующий кафедрой «Экономика предприятия» Алексей Геннадиевич Баранов.

Следует отметить, что подобные исследования хозяйственной деятельности в городе Севастополь в военные и послевоенные годы не проводилось.

Целью нашего проекта было выявление историко-экономических закономерностей, исследование региональных особенностей и систематизация опыта хозяйственной жизни города Севастополя в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления экономики.

Для выполнения данной цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Охарактеризовать состояние и структуру экономики города Севастополя перед началом Великой Отечественной войны.
2. Исследовать динамику производства и особенности хозяйственной деятельности в годы Великой Отечественной войны.
3. Охарактеризовать хозяйственную жизнь города в период Второй обороны Севастополя (1941–1942 гг.).
4. Изучить хозяйственную деятельность в городе Севастополе в период немецко-фашистской оккупации города (1942–1944 гг.).
5. Охарактеризовать экономический ущерб, причиненный экономике города в годы Великой Отечественной войны.
6. Выявить факторы и механизмы послевоенного восстановления города Севастополя.

В ходе выполнения проекта был осуществлен подбор и изучение научной литературы, законодательных документов и статистических материалов по теме исследования. Кроме того, была проведена поисковая работа с целью выявления необходимых статистических и документальных материалов в фондах архивохранилищ.

Авторским коллективом во время работы над проектом была проанализирована структура экономики г. Севастополь перед началом Великой Отечественной войны, охарактеризована хозяйственная деятельность и динамика объемов производства основных предприятий города, в частности, подробно изучена деятельность крупнейших предприятий, обеспечивавших жизнедеятельность города: Промкомбината и Пищепромкомбината [2], [9], [10].

Были определены итоги выполнения основных, наиболее приоритетных экономических задач, которые решались городскими органами власти Севастополя и военным командованием во время второй героической обороны города. Кроме того, были исследованы нормативно-правовая документация, в соответствии с которой проходила адаптация городского хозяйства к военному времени, объемы производства, условия и режим работы предприятий города, вопросы оказания медицинской помощи в условиях военного времени [4], [6], [7].

Проведен анализ работы Спецкомбинатов № 1 и № 2, которые были специально созданы для обеспечения вооружением, боеприпасами и обмундированием защитников Севастополя. Установлено, что высокопроизводительная работа Спецкомбинатов № 1 и № 2 достигалась не только за счет специализации, кооперирования и комбинирования производства, но и благодаря трудовому подвигу населения города. Охарактеризована деятельность Севастопольского морского завода им. С. Орджоникидзе в военных условиях [6, с.11–15].

Была изучена проблема обеспечения населения, армии и флота продовольствием в период второй обороны Севастополя. Определены основные каналы удовлетворения потребности в продуктах питания: внутренние (производство продовольствия совхозами, колхозами, подсобными хозяйствами и огородничеством) и внешние (поставки продовольствия с Большой земли) [4, с. 1297–1304], [7].

Было предложено авторское деление периода оккупации города на четыре этапа: 1) подготовка фашистского режима к оккупации города; 2) организация военного управления в г. Севастополь и насаждение фашистского режима хозяйствования; 3) эксплуатация экономических ресурсов Севастополя; 4) оккупационная политика в условиях эвакуации немецко-фашистских войск из города. На основе систематизации архивных документов и имеющихся публикаций дано описание жизни населения, охарактеризован его национальный состав, элементы экономической активности на каждом этапе периода оккупации. Значительное внимание уделено основополагающим принципам торговли в городе, наличию и состоянию сферы образования, транспорта и работе промышленных предприятий [5, с. 3–8].

Послевоенный период восстановления г.Севастополь авторским коллективом был разделен на три этапа. В основе деления лежит характер решаемых задач и интенсивность их выполнения. Детально проанализированы методы и инструменты восстановления, в частности: нормативно-правовое обеспечение, финансовое обеспечение, материально-техническое обеспечение, обеспечение рабочей силой [1], [8].

Проведен сравнительный анализ ущерба, нанесенного хозяйству города Севастополь боевыми действиями и немецко-фашистской оккупацией в период Великой Отечественной войны, с затратами и результатами восстановительных работ. Сопоставление ущерба и результатов восстановления города представлено в разрезе следующих основных элементов экономического

потенциала города: промышленность, сельское хозяйство, коммунальное хозяйство, просвещение, здравоохранение, культура и военная инфраструктура [3, с. 119–125].

За время работы над проектом было опубликовано 16 научных работ: 5 статей в научных рецензируемых изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, и 11 статей в научных рецензируемых изданиях, входящих в национальную библиографическую базу данных научного цитирования (РИНЦ).

Апробация результатов реализации проекта осуществлялась в рамках 2 научно-практических конференций, организованных членами коллектива и проведенных на базе ФГАОУ ВО "Севастопольский государственный университет": «Город Севастополь в годы Великой Отечественной войны: историко-экономический анализ» (2021 год), «Экономика г. Севастополь в период послевоенного восстановления» (2022 год).

Таким образом, объектом исследования данного проекта впервые в отечественной науке стала экономическая история Севастополя в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления экономики. Изучение заявленной тематики основано на применении междисциплинарного подхода, предполагающего использование методологии исторической и экономической наук.

Литература

1. Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Дмитриева В.В., Митус А.А., Тарабардина М.Ю. Организационно-экономический механизм послевоенного восстановления города Севастополь (1944–1954 гг.) // Московский экономический журнал, 2022. Т. 7. № 5. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48707223> (дата обращения: 09.10.2022).
2. Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Дмитриева В.В., Митус А.А. Состояние и структура экономики г. Севастополь перед началом Великой Отечественной войны // Московский экономический журнал, 2021. Т. 14. № 5. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46215662> (дата обращения: 09.10.2022).
3. Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Дмитриева В.В., Митус А.А., Тарабардина М.Ю. Ущерб от Великой Отечественной войны и результаты восстановления города Севастополь: сравнительный анализ // Финансовая экономика, 2022. № 7. С.119–125.
4. Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Дмитриева В.В., Митус А.А. Хозяйственная жизнь г. Севастополя в период второй обороны (1941 – 1942 гг.) // Манускрипт, 2021. Т. 14. № 7. С.1297–1304.
5. Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Дмитриева В.В., Митус А.А., Тарабардина М.Ю. Хозяйственная жизнь г. Севастополь в период немецко-фашистской оккупации // Финансовая экономика, 2022. № 5. С. 3–8.
6. Дмитриева В.В., Баранов А.Г., Сабельников М.А. Деятельность Спецкомбината № 2 в период второй обороны Севастополя // Наука без границ, 2021. № 6 (58). С.11–15.
7. Дмитриева В.В., Тарабардина М.Ю., Гапанюк В.С. Образование в городе Севастополь в период Великой Отечественной войны // StudNet., 2021. Т. 4. № 6. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46318026> (дата обращения: 09.10.2022).
8. Дубинина Н.И., Дмитриева В.В. Восстановление городского хозяйства Севастополя в послевоенный период (1944–1954 гг.) // Дневник науки, 2022. № 4 (64). Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49066364> (дата обращения: 09.10.2022).
9. Остапенко П.В., Дмитриева В.В., Баранов А.Г. Транспортная отрасль г. Севастополь перед началом Великой Отечественной войны // Дневник науки, 2021. № 5 (53). Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46195713> (дата обращения: 09.10.2022).
10. Пунга Д.В., Тарабардина М.Ю., Дмитриева В.В. Социальная сфера г. Севастополя перед началом Великой Отечественной войны // Дневник науки, 2021. № 5 (53). Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46195715> (дата обращения: 09.10.2022).

Капшук А.Ю.

УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ОСВОЕНИИ ЦЕЛИНЫ (1965–1974 ГГ.)

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Аннотация: Данное исследование является первой попыткой проанализировать деятельность в Казахстане студенческих строительных отрядов, сформированных в учебных заведениях Кубани в период освоения целины. Автор рассматривает, как с 1965 г. по 1974 г. изменялась численность отрядов и особенности их работы, а также какое влияние деятельность в этот период оказала на дальнейшее развитие стройотрядовского движения в Краснодарском крае. В исследовании используются хронологический метод и метод исторического детерминизма. Выводы, сделанные в работе, показывают, что трудовой семестр в Казахстане позволил сформировать кадровый «костяк» из опытных бойцов, которые оказали заметное влияние на эффективное развитие движения в последующие годы.

Abstract. This study is the first attempt to analyze the activities in Kazakhstan of student construction brigades formed in educational institutions of the Kuban during the development of tselina. The author examines how the number of detachments and the specifics of their work changed from 1965 to 1974, as well as what impact the activities during this period had on the further development of the construction squad movement in the Krasnodar region. The study uses the chronological method and the method of historical determinism. The conclusions made in the work show that the labor semester in Kazakhstan allowed the formation of a core team of experienced fighters who had a noticeable impact on the effective development of the movement in subsequent years.

Ключевые слова: студенческие строительные отряды, целина, студенты, Краснодарский край, молодёжь, Казахстан, трудовое воспитание, Советский Союз

Key words: student construction brigades, tselina, students, Krasnodar region, youth, Kazakhstan, labor education, Soviet Union.

Воспитание молодёжи играет важную роль в развитии общества. От ценностей, которые близки молодым людям сегодня, зависит то, каким будет наша страна в будущем. Одним из важных способов формирования чувства трудолюбия, патриотизма и целеустремлённости в Советском Союзе являлось трудовое воспитание юношей и девушек. Сегодня в России подобные педагогические идеи переживают второе рождение. В процессе развития трудового воспитания в 2004 г. возникла молодёжная общероссийская общественная организация «Российские студенческие отряды». В её деятельности принимает участие более 200 тысяч человек из 74 регионов России [9]. Для дальнейшего совершенствования данного движения, крайне актуальным является исследование опыта работы студенческих строительных отрядов в период существования СССР. В том числе необходимо рассмотреть, какое влияние оказывала деятельность выездных ССО на развитие стройотрядов в собственных регионах. Одним из наиболее важных этапов в истории движения было участие в стройках на территории Казахской ССР.

История участия Всесоюзного студенческого строительного отряда в целинных стройках и их роль в развитии движения в целом, активно исследуется ещё с момента существования СССР. Большой вклад в изучение этого вопроса внесли советские историки: Е.Ф. Артемьев [1], В.П. Ляскин, Г.Т. Ермошин, В.А. Приступко [6]. Авторы этого периода опирались на большую источниковую базу и сформировали общее представление о деятельности студенческих строительных отрядов в Казахской ССР. Интерес современных авторов в большей степени смещён на историю региональных штабов ССО. Благодаря этим работам можно проследить роль стройотрядов из конкретных краёв и областей в освоении целины. Среди современных авторов можно выделить исследования А.В. Забродина [3], О.А. Бурахиной [2], Т.В. Хорошиловой [10], С.А. Шлыковой [16] и других.

История деятельности студенческих строительных отрядов Краснодарского края на территории Казахской ССР находится на начальной стадии исследования. Среди авторов, рассматривающих этот вопрос, можно выделить Т.А. Краснову [5]. Важно отметить, что она изучает историю стройотрядовского движения Кубани в целом. Публикаций, посвящённых непосредственно деятельности краснодарских ССО на целине, автору этого исследования обнаружить не удалось.

При этом сохранилось большое количество источников, рассказывающих об этом периоде истории студенческого движения на Кубани. Среди них можно выделить документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Краснодарского края, а также опубликованные воспоминания стройотрядовцев [4], [7], [8], [17].

История студенческих строительных отрядов в целом тесно связана с освоением целины. Именно на территории Казахской ССР летом 1959 г. начал работать первый ССО, состоявший из студентов Московского государственного университета. Его опыт был признан успешным и в последующие годы студенческие строительные отряды стали формироваться в других высших учебных заведениях Москвы. С 1962 г. на целине начали трудиться ССО из вузов Киева и Ленинграда, а затем из других регионов страны [6, с. 10]. С каждым годом увеличивалась численность студентов, привлекаемых для работы на территории Казахской ССР: в 1959 г. работало 339 бойцов, в 1962 г. – 9560, а в 1965 г. – уже 40 000. Количество хозяйств, в которых работали стройотряды, выросло с 3 в 1959 г. до 470 в 1965 г. [14, л. 39].

Всего за период с 1959 г. по 1965 г. в деятельности студенческих строительных отрядов на целинных стройках Казахстана приняло участие свыше 100 тысяч человек, построивших более 13 тысяч объектов [10, с. 410]. В 1965 г. ЦК ВЛКСМ выступил с рекомендацией ко всем райкомам, обкомам и крайкомам начать подготовку ССО для отправки студентов на целину [11, с. 15]. Призыв Центрального комитета комсомола стал мощным импульсом для дальнейшего роста движения. С этого года увеличивается количество регионов, в которых начинают формировать ССО, в том числе первый стройотряд создаётся и в Краснодарском крае.

В составе студенческого строительного отряда Кубани в 1965 г. трудились бойцы из Краснодара, Армавира и Майкопа. Всего в нём работало 200 человек из 6 учебных заведений края [13, л. 18]. Из столицы Кубани на целинные стройки направилось около 100 человек. Это были студенты краснодарских институтов – политехнического и педагогического, а также учащиеся Пашковского сельскохозяйственного техникума. Формирование первого ССО вызвало большой энтузиазм в студенческой среде: многие хотели отправиться на стройки Казахстана. Конкурс был около двадцати человек на место. При отборе уделялось большое внимание проверке квалификации кандидатов. В Краснодарском политехническом институте студентов, желающих вступить в ССО, первоначально отправляли на строительство базы отдыха «Романтик», где требовалось продемонстрировать свои способности и навыки.

Отправка первого краснодарского студенческого строительного отряда проходила в торжественной обстановке. Студенты, одетые в форму ССО, прошли шествием от здания краевого комитета ВЛКСМ на ул. Красной до Привокзальной площади, где состоялся митинг. Вагоны, которые везли студентов в Казахстан, были украшены транспарантами: «Даёшь целину!», «Кубанцы не подведут!» и др. [7, с. 155].

В первый год работы студенческие строительные отряды из Краснодарского края трудились в 7 хозяйствах Казахской ССР на строительстве 15 объектов. Всего ими было выполнено работ на общую сумму 390 тыс. рублей [13, л. 18]. Они участвовали в строительстве жилых домов, бани для детского дома, ремонтировали животноводческие фермы и трудились на других объектах [5, с. 132].

Студенты из столицы Кубани работали в совхозе села Налобино. Новая улица, на которой они строили жилые дома, получила название «Краснодарская» [8, с. 7]. Строительство жилых зданий было важным вкладом в освоение целины и большой помощью местным жителям. Момент передачи квартир новым владельцам запечатлелся в памяти участника стройотрядовского движения Е.А. Великанова: *«Самым памятным на целине был день, когда мне как бригадиру ребята доверили вручать жильцам ключи <...> В трёхкомнатную [квартиру] вселялась семья, которая до этого жила в землянке. Муж, жена, их маленькие дети ютились в яме три на три метра. Надо было видеть глаза новосёлов, их счастливые лица! Разве такое забудешь?»* [5, с. 145].

Важно отметить, что деятельность студентов в Казахстане не ограничивалась только строительством. Проводилась и большая воспитательная работа. Например, студенты оказывали безвозмездную помощь местным жителям: перекрывали крыши ветеранам войны и труда, чинили радиоприёмники и т.д. [8, с. 7]. Кроме того, бойцы занимались ремонтом обелисков и памятников, зачисляли в свои ряды «трудных» подростков для их перевоспитания в процессе общественной и трудовой деятельности, читали лекции для просвещения местных жителей и т.д. В 1969 г. и в 1970 г. студенты принимали активное участие в двухлетке «Комсомол – сельской школе». Они занимались строительством и ремонтом школьных зданий в местах дислокаций [14, л. 87–92].

На следующий год численность краснодарского студенческого отряда выросла более чем на 50% и составила 310 человек. Несмотря на существенное увеличение числа бойцов, это не

сказалось на производительности труда. Наоборот, выработка на каждого бойца сократилась с 1950 рублей в 1965 г. до 1870 рублей в 1966 г. В 1967 г. общая численность отряда была снижена до 249 человек, а средняя выработка на бойца за трудовой период выросла до 2470 рублей. В 1968 г. в Казахстане трудились 304 кубанских студента. В среднем каждый из них выполнил работ на сумму 3212 рублей [13, л. 18]. В том же году Краснодарский краевой ССО победил в социалистическом соревновании, посвящённом 50-летию ВЛКСМ, а его бойцы были награждены памятными Красными знамёнами [5, с. 136–137]. За первые 4 годы работы на целине количество объектов, ежегодно возводимых кубанскими студентами, увеличилось с 15 до 35, а общий объём выполненных работ вырос с 390 тыс. рублей до 976,5 тыс. [13, л. 18].

Несмотря на большие успехи, стройотрядовцам приходилось сталкиваться с организационными проблемами. Одной из них было недостаточное снабжение отрядов всем необходимым для качественного и своевременного выполнения работы. Испытывались серьёзные трудности с поставками цемента, дерева, стеновых материалов и деталей домов. Это сильно снижало эффективность работы студенческих строительных отрядов [14, л. 5]. Один из участников движения В.П. Крамской вспоминает: *«Были сложности со снабжением материалами, часто применяли смекалку, чтобы выполнить ту производственную программу, что стояла у нас в договоре»* [4, с. 7].

Очень важным в истории стройотрядовского движения Кубани стал 1969 г. Тогда впервые ССО стали работать на территории Краснодарского края. Всего в студенческие строительные отряды было привлечено 808 человек [13, л. 18]: из них 493 студента работали на территории своего региона [12, л. 12], соответственно, 315 человек трудилось на территории Казахской ССР. Это было максимальной численностью кубанского ССО, работавшего на целине. В последующие годы больше внимания стало уделяться студенческим строительным отрядам, трудившимся в Краснодарском крае. Численность бойцов, направляемых в Казахстан, не превышала показателей 1969 г. Важно отметить, что основным кадровым «костяком» стройотрядов, работавших в своём регионе, стали бойцы, получившие трудовой опыт на целинных стройках [13, л. 48]. Например, первым командиром Краснодарского краевого студенческого строительного отряда стал Г. Романченко, проработавший несколько лет на целинных стройках. Он руководил краевым ССО с 1969 г. по 1975 г. [5, с. 133].

Студенческие строительные отряды, сформированные в учебных заведениях Кубани, продолжали трудиться на территории Казахской ССР всю первую половину 1970-ых гг. В 1971 г. в Северо-Казахстанской области по плану должны были работать 150 человек из вузов Краснодарского края, но по факту приехало только 109 студентов: по 37 человек из Армавира и Майкопа и 35 – из Краснодара, что значительно меньше, чем из некоторых других городов. К примеру, только из Таганрога прибыло 768 человек, а из Тбилиси – 547 [14, л. 14].

В 1974 г. студенты из Краснодарского края в последний раз направились для работы в Казахстан. Был сформирован выездной отряд общей численностью в 300 человек [15, л. 17]. В том году кубанские студенты стали победителями социалистического соревнования и их наградили памятным знаменем ЦК ЛКСМ Казахской ССР. В последующие годы основным направлением деятельности выездных отрядов, сформированных в учебных заведениях Краснодарского края, стала Калининская область. Но работали кубанские студенты и в других регионах страны: на строительстве Байкало-Амурской магистрали в Иркутской области, на стройках в Коми АССР и т.д. [5, с. 143].

Подводя итог, можно отметить, что деятельность бойцов Всесоюзного ССО в Казахстане стала первой площадкой, на которой испытывалась такая новая форма организации труда молодёжи, как студенческие строительные отряды. Лишь после того, как здесь они доказали свою эффективность, ССО стали работать в других регионах страны.

Схожий путь прошли и студенческие строительные отряды Краснодарского края, которые участвовали в работе на целинных стройках Казахстана с 1965 г. по 1974 г. За этот период кубанская молодёжь получила очень большой организационный и трудовой опыт. Студенты строили дома, хозяйственные объекты, занимались общественно-политической и воспитательной работой. На территории Казахстана кубанские студенты столкнулись с серьёзными организационными проблемами и научились их решать.

Знания и навыки, полученные благодаря работе первых стройотрядов, дали возможность более грамотно и с меньшим количеством ошибок развивать движение на территории Краснодарского края. Организаторами движения на Кубани стали люди, получившие опыт целинных строек.

Прекращение работы студентов из Краснодарского края в Казахстане не привело к отказу от формирования выездных ССО. Кубанская молодёжь продолжила помогать развитию других регионов страны, но акцент был перемещён в Калининградской области и в другие регионы СССР.

Литература

1. Артемьев Е.Ф. Студенческие отряды и коммунистическое воспитание молодёжи. История, опыт патриотического движения студенческой молодёжи (1959–1975). М.: ВКШ, 1978. 106 с.
2. Бурахина О.А. Студенческие строительные отряды Тамбовской области: исторический опыт: дис...канд. ист. Наук. Тамбов. 2006. 170 с.
3. Забродин А.В. Студенческие строительные отряды Ленинграда: исторический опыт и уроки их деятельности (1959–1977): дис... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2001. 166 с.
4. Крамской В.П. Краснодарская. Студенческая. Политехническая. // Вести КубГТУ. 2019. № 6. С. 7.
5. Краснова Т.А. Строили города // Молодёжь Кубани: вчера, сегодня и завтра...: очерки по истории Краснодарской краевой организации ВЛКСМ и современного молодёжного движения. Краснодар. 2018. С. 130–146.
6. Ляскин В.П., Ермошин Г.Т., Приступко В.А. ССО: стройка, студенты, отряд. М. 1985. С. 10.
7. Мхитарянц Г.А. Георгий Абрамович Мхитарянц // Молодёжь Кубани: вчера, сегодня и завтра...: очерки по истории Краснодарской краевой организации ВЛКСМ и современного молодёжного движения. Краснодар. 2018. С. 155.
8. Мхитарянц Г.А. Краснодарская. Студенческая. Политехническая. // Вести КубГТУ. 2019. № 6. С. 7.
9. Российские студенческие отряды. URL: https://xn--d1amqcgedd.xn--plai/o_rossiyskikh_studencheskikh_otryadakh.html (Дата обращения: 31.03.2022).
10. Славный путь Ленинского комсомола / под ред. Е.М. Тяжельникова. М: Молодая гвардия, 1974. Т. 2. 784 с.
11. Хорошилова Т.В. Студенческие трудовые отряды высших учебных заведений Дальнего Востока РСФСР: формирование, опыт, уроки (1957–1991 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Дальневосточный гос. гумм. Университет, Хабаровск, 2012. 23 с.
12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 56. Оп. 12. Д. 56.
13. ЦДНИКК. Ф.2006. Оп.12. Д. 68.
14. ЦДНИКК. Ф.2006. Оп.12. Д. 69.
15. ЦДНИКК. Ф.2006. Оп.15. Д. 103.
16. Шлыкова С.А. Исторический опыт движения студенческих строительных отрядов Красноярского края (1953–1990): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012. 203 с.
17. Яковлев Н.А. Утром встаёшь, руки не разгибаются // Вести КубГТУ. 2019. № 6. С. 7.

Осиповский С.Н., Злобина Н.А.

УЧАСТИЕ МАТРОСОВ И ОФИЦЕРОВ 30-го ФЛОТСКОГО ЭКИПАЖА В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ ПО ДАННЫМ ПУБЛИКАЦИЙ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье рассмотрено участие матросов и офицеров 30-го флотского экипажа в героическое обороны Севастополя 1854–1855 годов по ряду источников и публикаций третьей четверти XIX столетия. Помимо получивших широкую известность матросов Петра Кошки и Игнатия Шевченко, в них упоминается целый ряд матросов и офицеров экипажа, сражавшихся на корабле «Ягудиил», 3-ем бастионе и принимавших участие в вылазках против противника.

Abstract. The publication considers the participation of sailors and officers of the 30th naval crew during the heroic defense of Sevastopol in 1854–1855 according to a number of sources and publications of the third quarter of the 19th century. In addition to the well-known sailors Pyotr Koshka and Ignatij Shevchenko, they mention a number of sailors and crew officers who fought on the Yagudiel ship, the 3rd bastion and took part in sorties against the enemy.

Ключевые слова. 30-й флотский экипаж, оборона Севастополя 1854–1855 гг., матрос Кошка, капитан-лейтенант Стройников, лейтенант Прокопович.

Keywords. 30th naval crew, defense of Sevastopol in 1854–1855, sailor Koshka, captain-lieutenant Stroynikov, lieutenant Prokopovich.

В ходе обороны Севастополя в период Крымской войны 1853–1856 годов значительную роль сыграл тридцатый флотский экипаж. Известными его представителями были такие герои, как матросы Петр Кошка и Игнатий Шевченко, чьи подвиги подробно описывались в отечественной исторической литературе. Другие представители этого подразделения менее известны в настоящее время, хотя в ряде изданных в Российской империи в ходе войны и вскоре после ее завершения популярных работ отмечалось их участие в военных действиях. В предлагаемом исследовании мы проанализировали ряд послевоенных публикаций с целью поиска информации об участии в военных действиях матросов и офицеров 30 флотского экипажа.

Флотский экипаж – это береговая административная единица в составе Российского флота, входящая в состав бригады. Экипаж делился на роты, и они могли нести службу на нескольких кораблях. В состав флотского экипажа Российской империи в период Крымской войны по штату входили один капитан 1-го ранга, один капитан 2-го ранга, 4 капитан-лейтенанта, 12 лейтенантов, 12 мичманов, 80 боцманов, боцманматов и квартирмейстеров, 25 барабанщиков и горнистов и 1 000 матросов.

30-й флотский экипаж был одной из единиц в организации Военно-Морского флота Российской империи. Он находился в составе 1-й бригады, 4-й дивизии Черноморского флота и базировался в г. Севастополе с 1816 по 1906 гг. В 1856 г. был удостоен Георгиевского знаменного флага с надписью «за оборону Севастополя, с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г.» Именно с 30-м экипажем связано множество героических действий во время Крымской войны.

В годы Крымской войны 30-й флотский экипаж базировался на разных судах, в их состав входили: линейный корабль «Ягудиил» (1844–1855), фрегат «Кагул» (1843–1855), шхуна «Гонец» (1835–1855), пароход «Еникале» (1848–1853), пароход «Колхида» (1837–1855). В начале героической обороны Севастополя по распоряжению В.А. Корнилова 30-й флотский экипаж на 84-х пушечном корабле «Ягудиил» обеспечивал охрану Севастопольской гавани [3, с. 341].

Большинство кораблей Черноморского флота в ходе боевых действий 1854–1855 гг. были затоплены для того, чтобы не пустить более технологичный флот неприятеля в Севастопольскую бухту, что означало бы скорое поражение в войне. После затопления кораблей моряки были вынуждены обстоятельствами вести боевые действия на суше. Они базировались в составе сухопутных частей, принимали участие в ночных вылазках, обслуживали артиллерию, в качестве оружейной прислуги. Именно с данными событиями связано множество героических событий Крымской войны.

Так, например, матрос 30 флотского экипажа, один из известнейших людей, входивших в его состав, Пётр Кошка, участник и герой Крымской войны и обороны Севастополя, сыскал известность отважного воина. В его честь возведены памятники и названа улица в

Севастополе. В числе многих других матросов экипажа «Ягудиил» Петр Маркович был направлен на берег, на подкрепление защитникам Севастополя. Попал в службу на 15-ю батарею А. М. Перекомского. Здесь он сразу показал себя умелым и отважным воином. Хотя о самом Кошке сохранились отзывы как о недисциплинированном матросе, он был храбр, в некоторой степени безрассуден и не боялся смерти. Все эти качества ярко проявились во время обороны Севастополя, особенно во время ночных вылазок во вражеский стан, которые считались наиболее опасными.

Петр Кошка участвовал в восемнадцати вылазках, а также выходил в стан врага в одиночку. В одной из вылазок, имея при себе только нож, взял в плен троих французов, в другой под вражеским огнем спас от поругания тело русского флотского унтер-офицера (в других описаниях – рядового охотского егерского полка [4, с. 25] или сапера [4, с. 27]) и отнес его в 3-й бастион. При этом чуть не погиб сам, спасло его тело мертвого товарища, принявшее в себя пять вражеских пуль. Именно за этот подвиг матрос был приставлен к награде знаком отличия ордена Святого Георгия и получил повышение в квартирмейстеры.

Петр Кошка прошел все оборону Севастополя и дожид до пятидесяти четырех лет. Известно об одном из его ранений во время защиты города. В январе 1855 г. Кошка был легко ранен, о чем сделали записи хирург Николай Иванович Пирогов, и Лев Николаевич Толстой, служивший в Севастополе. Благодаря Льву Николаевичу до нас дошли слова раненого П.М. Кошки, который он сказал в то время, когда был оставлен бастион: *«Як же так? Павел же Степанович приказал всем стоять до самой смерти... Как же он про нас подумает, там, на небе? Що ж про нас люди на земле скажут?»*.

Игнатий Шевченко, матрос 30-го флотского экипажа, находившийся во всех вылазках около лейтенанта Бирилева, как его «телохранитель», явил особенный пример храбрости и самоотвержения в ночной вылазке против французов, произошедшей 20 января 1855 г. Всего в ней участвовало около 250 человек. Когда наши защитники штыками вытеснили неприятеля из траншей, 15 человек французов, отступая, прицелились в лейтенанта Бирилева и его спутников, Шевченко первый заметил, какой опасности подвергается его начальник, перекрестясь, кинулся к нему, заслони его и молодецкою грудью своей принял пулю, которая неминуемо должна была поразить лейтенанта Бирилева [4, с. 90.]

Это был не первый раз, когда Шевченко спасал своего командира, за месяц до этого, в декабре, он также прикрыл Бирилева своим телом, оттолкнув от штыков неприятеля и самого его зацепило лишь немного. В этот раз удар оказался последним. В результате этой вылазки более сотни французов были убиты, а линия фронта отодвинута на тридцать метров, русская сторона потеряла семь человек, среди них и матроса Шевченко.

Его подвиг был увековечен. Игнатий Шевченко - первый матрос, которому был поставлен в 1874 году памятник, ранее такой части удостаивались только высшие чины. Его храбрость была отмечена А.С. Меншиковым в речах к экипажам (приказ от 2 февраля 1855 г. № 32), а на средства, собранные народом, отлит памятник.

Следующий матрос 30-го флотского экипажа, отличившийся на артиллерийских укреплениях, Матвеев Василий Матвеевич, находился *«постоянно на батарее 3-го отделения, исполнял свои обязанности с деятельностью и храбростью. При отступлении из города сам вызвался взорвать пороховые погреба, что исполнил с успехом, причем был ранен камнем в затылок, но остался на своем месте»* [6].

Проявили мужество в сложной ситуации боцманы 30-го флотского экипажа Василий Андреевич Трифонов и Матвей Игнатьевич Голосовский. Они *«Первые бросились в бомбенный погреб при взрыве бомбы и все время находились в нем до совершенного залития пламени»* [6].

Кондратий Васильевич Шилякин – квартирмейстер 30-го флотского экипажа: *«Бросился в ахтер-люк быстрым приемом сверху воды и закрывая бочки с водкой мокрыми матами, предохранил их от загорания»* [6].

Современники также пишут и о том, что с 30-м флотским экипажем воевали дети. Например, А. Погоский в книге «Наши богатыри» пишет про сына матроса экипажа Козьму Горбаньева, который в первые же дни обороны пришел на четвертый бастион проситься служить, куда его и приняли прислугой при орудии. 2 апреля он был ранен, но после перевязки возвратился к своему орудью. За свою храбрость Козьма был награжден медалью на георгиевской ленте [4, с. 115].

В 1855 году в Москве вышла книга *«Черты мужества и самоотвержения русских войск. Рассказы из современной войны России с англо-французами и турками»*, где среди многих героических участников обороны были матросы и офицеры тридцатого экипажа.

Капитан-лейтенант Стройников днем и ночью находился на вверенной батарее под неприятельским огнем и подавал пример отличной храбрости, ранен 7 октября 1854 [7, с. 11].

Капитан 1-го ранга Кислинский, командующий 30-ым экипажем и командир корабля «Ягудиил», также был отмечен в книге. Подвиг его состоял в том, что во время целенаправ-

ленного перекрестного огня, производившегося калеными ядрами и конгревовыми ракетами 5-10 октября 1854 г., смог спасти корабль и людей на нем, хотя тот загорался во время обстрела девять раз. Во время тушения пожаров артиллерия корабля огня не прекращала. Помимо всего, он был прекрасным руководителем, сумевшим организовать силами корабля устройство четырех батарей и укомплектовать офицерами и артиллерийской прислугой. Две из этих батарей были возведены во время вражеской бомбардировки города [7, с. 13–14].

В том же обстреле с 5 по 10 октября на корабле «Ягудиил» отличился лейтенант Прокопович. *«Он был там первый, где корабль загорался, и подавал пример другим, удерживая военный порядок и дисциплину, заботясь в то же время о снабжении береговых батарей снарядами»* [7, с. 19].

Ряд упоминаний об офицерах 30-го флотского экипажа есть в «Журналах боевых действий». Некоторые из них связаны с ранениями, полученными в ходе боевых действий. Так, во время бомбардировки 18 октября получил ранение в правую руку лейтенант экипажа Лазарев [1, с. 49], вторично он был ранен 13 декабря. 22 октября был ранен волонтер отставной лейтенант Владыкин [с. 59]. 4 декабря получил ранение в правую руку лейтенант экипажа Богданович [1, с. 118]. Во время ночной вылазки с 3-го бастиона 9 декабря прикладом в грудь и штыком в голову был ранен мичман Григоренко [1, с. 123]. 4 февраля пулей в плечо был ранен мичман Крякин. В Журнале есть также описание ряда отдельных вылазок, в которых принимали участие матросы и офицеры экипажа. В ночь с 10 на 11 марта команда 30-го экипажа участвовала в успешных действиях напротив Камчатского люнета, в ходе которых были уничтожены неприятельские траншеи [2, с. 57]. Успешной была вылазка с батареи Перекомского 6 мая, в ней приняли участие 2 унтер-офицера и 15 рядовых, разоривших ложемент противника на скате Зеленой горы [2, с. 130].

Обобщая все проанализированные свидетельства о действиях моряков 30-го флотского экипажа во время обороны Севастополя, можно сделать вывод об их активном участии в боевых действиях на 3-ем бастионе и во время вылазок в расположение союзных войск. Большое количество их было награждено, а целый ряд подвигов был описан в популярной литературе третьей четверти XIX столетия. Дальнейший поиск и анализ сохранившихся источников позволит расширить наши представления о героических страницах этого воинского подразделения, и дальнейшая работа в этом направлении представляется весьма перспективной.

Литература

1. Журнал военных действий в Крыму. Сентябрь-декабрь 1854 года. / Сост. А.В. Ефимов. Симферополь: Антиква, 2010. 192 с.
2. Журнал военных действий в Крыму. Январь-август 1855 года. / Сост. А.В. Ефимов. Симферополь: Антиква, 2016. 304 с.
3. Кибовский А.В. Леонов О.Г. 300 лет российской морской пехоте. Том 1 (1705-1855) М., 2008. 384 с.
4. Погоский А. Наши богатыри. Кн. 1, СПб., 1869 г. 137 с.
5. Про былое на Руси., тип. В. Готье., 1857 г. 260 с.
6. Справка о матросах, отличившихся в период обороны Севастополя. Электронный ресурс: <https://crimean-war.livejournal.com/36331.html> (дата обращения 10.04.2022).
7. Черты мужества и самоотвержения русских войск. Рассказы из современной войны России с англо-французами и турками. М., 1855. 51 с.

*Шихаметова Э.Р.***ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЛУБА «ПОИСК» СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА В 1970-Е – 1980-Е ГГ.***ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь*

Аннотация. В статье представлены результаты изучения деятельности научно-поискового клуба «Поиск» радиотехнического факультета Севастопольского приборостроительного института в позднесоветский период. Актуализируются формы и методы работы по сохранению исторической памяти и патриотическому воспитанию студенческой молодежи 1970-х – 1980-х гг.

Abstract. The article presents the results of studying the activities of the research club «Poisk» ("Search") of the Sevastopol Instrument-Making Institute radio engineering faculty in the late Soviet period. The forms and methods of work on the preservation of historical memory and the patriotic education of student youth in the 1970s-1980s are being updated.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, формы патриотического воспитания, историческая память, образование, Севастопольский приборостроительный институт.

The article presents the results of studying the activities of the scientific club "Search" of the radio engineering Faculty of the Sevastopol institute of instrument engineering in the late Soviet period. The forms and methods of work on the preservation of historical memory and patriotic upbringing of students' youth of the 1970s - 1980s are updated.

Keywords: The Great Patriotic War, forms of patriotic education, historical memory, education, Sevastopol institute of instrument engineering.

Формы и методы патриотического воспитания студенческой молодежи на разных этапах отечественной истории исследовались как в советский, так и постсоветский периоды. Однако изучение регионального опыта реализации гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи, его конкретных форм, методов, достижений участников остается актуальной задачей и позволяет расширять возможности современных подходов к организации воспитательной работы в вузах. Как известно, в патриотическом воспитании студентов принимали участие не только партийные, комсомольские, профсоюзные и другие общественные организации, но и должностные лица из числа руководства вузов, профессорско-преподавательского состава, членов редколлегии ведомственных журналов и газет, клубных работников и др. Таким образом, наибольший эффект в патриотическом воспитании студенческой молодежи достигался за счет координации усилий всех участников [1, с. 28].

Примером системного подхода к организации патриотического воспитания студенческой молодежи является деятельность клуба «Поиск» на базе Радиотехнического факультета Севастопольского приборостроительного института. Он был создан в 1975 году к 30-летию победы СССР в Великой Отечественной войне [2, с. 59–61].

Основателем и почетным членом клуба был подполковник в отставке, преподаватель кафедры физики СПИ Павел Иванович Заблоцкий. Свой боевой путь Павел Иванович прошел в рядах 724 стрелкового полка 315-й Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии. Будучи связистом, он обеспечивал поддержание проводной связи со всеми подразделениями полка. Особенно отличился Павел Иванович в операции по освобождению Севастополя, за что был удостоен ордена «Красная Звезда» [3]. С 1964 года работал ассистентом на кафедре физики, был заместителем председателя Совета ветеранов войны и труда СПИ. Помимо преподавательской деятельности, он занимался изучением Великой Отечественной войны, был идейным коммунистом и лектором общества «Знание» [4].

5 января 1975 года Павел Иванович адресовал партбюро Радиотехнического факультета предложения по организации мероприятий ко Дню Победы и военно-патриотическому воспитанию студентов. Главной темой обращения было создание клуба, который объединит студентов для занятий научно-поисковой работой по изучению боевых традиций 315-й Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии. Ее выбор в качестве объекта изучения был продиктован следующими соображениями.

Дивизия сформирована в 1942 году в Барнауле, принимала участие в боях на Сталинградском фронте, освобождала города Ростовской, Донецкой и Луганской областей, участвовала в прорыве Миус-фронта [5, с. 20], [6, с. 5]. Свое почетное название дивизия получила после освобождения Мелитополя (26 сентября – 5 ноября 1943 г.). Далее соединение прини-

мало участие в Крымской наступательной операции (8 апреля – 12 мая 1944 г.), её название высечено на гранитной плите Обелиска Славы воинам-освободителям на Сапун-горе вместе с другими частями, освобождавшими Севастополь.

Павел Иванович Заблоцкий сражался в рядах 315-й Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии, состоял в Совете ее ветеранов и долгие годы поддерживал связь с боевыми товарищами. К 1975 году изучением истории части занимались школы Севастополя, Барнаула, Запорожской области и Москвы. *«Жаль, что этому вопросу очень мало уделяется внимания комсомольским бюро Радиотехнического факультета СПИ, хотя они изъявили желание заниматься поисковыми работами по 315 Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии, но работа пока не ведется»* - писал П.И. Заблоцкий [2, с. 59–60].

Первоначально клуб состоял из десяти человек. В него входили преподаватели, работники научно-исследовательского сектора института и студенты. Заседания проходили не реже одного раза в месяц. Руководство клубом осуществлялось советом, в который входили комсомольцы и коммунисты, каждый из членов совета возглавлял группу из пяти инициативных студентов – «красных следопытов». Первым председателем «Поиска» был избран ассистент В.Н. Шикун, секретарем – член комсомольского бюро студентка Галина Лысечко. П.И. Заблоцкий консультировал студентов и квалифицированно выстраивал работу совета. Поскольку создание клуба было приурочено к 30-летию Великой Победы, первым же заданием для студентов была подготовка к этой знаменательной дате [2, с. 3].

Каждая группа студентов клуба «Поиск» занималась изучением боевого пути подразделений 315 Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии, в состав которой входили: 362-й, 724-й, 1328-й стрелковые и 1012-й артиллерийский полки, 431-й отдельный истребительный противотанковый дивизион, 900-й отдельный батальон связи и другие подразделения. Юные исследователи разыскивали ветеранов и их родственников, поддерживали с ними связь, узнавали имена погибших, открывали забытые страницы участия дивизии в Великой Отечественной войне, примеры героизма ее солдат и офицеров.

Члены клуба неоднократно публиковали материалы о результатах проводимой работы в многотиражной газете СПИ «За приборостроительные кадры»: *«Установлена связь с ветеранами этого соединения, собран фактический материал о нем, изготовлены портреты ветеранов, оборудуются и обновляются стенды, лекции, беседы, политинформации со студентами на военно-патриотические темы, организуется посещение мест, где проходили бои, музеев, памятников, братских захоронений и т.д.»* [7, с. 2].

Рис. 1. Линейка на 11-й береговой батарее в мае 1977 г.
Слева направо: Герой Советского Союза Мария Карповна Байда; ст. преподаватель кафедры ТОР Иван Николаевич Деркач; секретарь комсомольской организации факультета РТ Александр Рябоштанов; доцент кафедры истории КПСС Иван Абрамович Джусь

Чаще всего статьи в газете были приурочены к 9 мая: П.И. Заблоцкий размещал историческую справку об освобождении Крыма и Севастополя, об участии в нем 315-й Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии [8, с. 1]. Постоянные публикации в газете,

наглядное оформление работы клуба, несомненно, знакомили студентов и преподавателей института с подвигами ветеранов знаменитой дивизии и привлекали к поисковому движению новых активистов из числа студентов. В члены клуба могли вступить студенты младших курсов, обучавшиеся на «хорошо» и «отлично».

Помимо поисковой работы, члены клуба систематически принимали участие в героико-патриотических мероприятиях, посвященных Великой Отечественной войне. Одно из них – ежегодная встреча участников обороны Севастополя 1941–1942 гг. на командном пункте Приморской армии. Познакомиться с тем, как проходили эти мероприятия в 1979 г. помогает серия фотографий, которые сделал член клуба, впоследствии его председатель Василий Сергеевич Домашенко. Фотографии позволяют реконструировать ход мероприятия, в котором принимали участие преподаватели СПИ – участники Великой Отечественной войны: старший преподаватель кафедры теоретических основ радиотехники И.Н. Деркач, доцент кафедры истории КПСС И.А. Джусь (рис. 1).

Помимо исследователей, в клубе работали художники, оформлявшие фотовыставки и альбомы, фотографы, фиксировавшие мероприятия с участием членов «Поиска». Клуб неоднократно подготавливал фотовыставки, посвященные Великой Отечественной войне: «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», «Они защищали Родину», «Они защищали Севастополь...». Последняя была приурочена к 35-летию освобождения Севастополя, героями этой выставки были ветераны 315-й МКСД. На стендах было размещено более сорока фотопортретов бойцов дивизии – солдат и командиров, особое внимание уделялось женщинам – врачам, санинструкторам, телефонисткам и радисткам. На стендах размещались схемы боевого пути дивизии, с указанием городов, которые были освобождены ею. Встречи студентов с ветеранами в памятных местах – Мелитополе, Севастополе и других городах также нашли отражение на стендах в виде многочисленных коллективных фотографий.

Все материалы фотовыставок члены клуба передавали в музей института. Например, ко Дню Военно-Морского флота СССР в 1985 году были оформлены новые стенды, героями которых стали сотрудники СПИ, проходившие службу на флоте: И.И. Фурсин, А.С. Сафонов, К.Д. Гурман, А.И. Доценко, А.Т. Лысенко, Е.С. Уваров [9, с. 2].

Каждый год в мае клуб «Поиск» принимал участие во встречах ветеранов 315-й Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии. Ветераны дивизии из разных городов и даже союзных республик собирались в местах боев за освобождение Крыма. При посещении Перекопа, за взятие которого в 1944 году дивизия была награждена орденом Красного знамени, ветераны вспоминали боевые дни и своих товарищей. Вместе с ними на памятные места прибывали родственники погибших, те события еще были свежи в памяти. По пути в Севастополь ветераны посещали братские могилы, проводили митинг и возлагали цветы к памятнику воинам 315-й Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии и других соединений 2-й гвардейской армии на склоне Мекензиевых гор у посёлка Фруктовое (Рис. 2).

Рис. 2. Встреча ветеранов 315-й МКСД 7-9 мая 1979 г. Фото В.С. Домашенко

Встречи ветеранов находили отражение в статьях газеты: *«9 мая ветераны дивизии на четырех автобусах прибыли из совхоза-завода имени П. Осипенко на торжественно-траурные мероприятия в Севастополь. Участвовали в митинге, в шествии ветеранов по городу»* [10, с. 1]. Студенты в дальнейшем поддерживали связь с ветеранами, отправляли им поздравительные письма и открытки.

По воспоминаниям В.И. Домашенко, наиболее активно клуб работал в середине 1970-х – середине 1980-х годов, когда студенты Севастопольского приборостроительного института принимали участие в реализации различных проектов по увековечиванию памяти о событиях Великой Отечественной войны, в том числе принимали участие и в создании памятника 8-й бригаде морской пехоты, воевавшей в четвертом секторе обороны в 1941–1942 гг. [2].

8-я бригада морской пехоты, сформированная из моряков береговых частей и кораблей Черноморского флота, 30 октября 1941 г. морем была доставлена в Севастополь из Новороссийска. Основной ее состав сразу же принял участие в боях на одном из самых трудных участков – в четвертом секторе обороны. Командиром бригады был полковник В.А. Вильшанский, военкомом – бригадный комиссар А.И. Ефименко. Во время второго наступления, в декабре, гитлеровцы основной удар нанесли в стык третьего и четвертого секторов обороны. На участке хутор Мекензия – гора Азис-Оба они стремились окружить и уничтожить войска четвертого сектора, а затем выйти к Северной бухте и ударами с флангов разгромить войска третьего сектора.

Наиболее ожесточенные бои разгорелись на участке 8-й бригады, занимавшей оборону у горы Азис-Оба. За два дня кровопролитных боев 8-я бригада потеряла около 1700 человек, т.е. более половины состава. В ходе отражения декабрьского наступления советские воины отошли на главный оборонительный рубеж четвертого сектора обороны, но фронт удержали. В конце декабря 1941 г. оставшиеся в строю воины 8-й бригады влились в 7-ю бригаду морской пехоты и в 1-й морской полк, на базе которого в январе 1942 г. была вновь создана 8-я бригада морских пехотинцев. Бригадой второго формирования командовал полковник П.Ф. Горпищенко. В 1970 г. на 14-м километре Симферопольского шоссе в честь воинов 8-й бригады сооружен памятный знак – стела из инкерманского камня с мемориальными досками (авторы проекта – студенты Севастопольского приборостроительного института В. Дзивалтовский и А. Пилунский).

В 1977 г. на горе Азис-Оба, в районе с. Верхнесадового, где находился командный пункт 8-й бригады и где погибла большая часть ее личного состава, также был открыт памятник, в сооружении которого приняли участие студенты Севастопольского приборостроительного института, автор проекта – доцент З. Г. Емец, архитектор-консультант – В.М. Артюхов. Он представляет собой каменную плиту с рельефной схемой боев у Азис-Обы. На плите установлен миномет. Надпись на памятнике гласит: «Воинам 8-й бригады морской пехоты ЧФ, 1941-1942 гг. Здесь они стояли насмерть и этим обрели бессмертие» [11, с. 59–90].

Таким образом, многообразие форм и направлений деятельности клуба «Поиск» – яркий пример системной работы по патриотическому воспитанию студенческой молодежи в Советском Союзе. Участие в мероприятиях по сохранению памяти о героях Великой Отечественной войны, научно-поисковая работа, общение с ветеранами, изучение подвигов прошлого воспитывало в личности такие ценности, как гражданственность, патриотизм, ответственность и коллективизм.

Традиционные для советского периода формы патриотического воспитания студентов, включающие проведение поисковых экспедиций, поездки на места сражений, архивных изысканий, общение с ветеранами, вовлечение молодых людей в активность общественных военно-патриотических движений остаются актуальными и в наши дни. В то же время на современном этапе они дополняются и обновляются в связи с более широким использованием возможностей информационных технологий, мультимедийных ресурсов, которые позволяют студентам изучать и популяризировать историю государства, малой родины, учебного заведения в судьбах конкретных людей.

Литература

1. Алехин И. А. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в истории России // Мир образования – образование в мире. 2012. № 3 (47). С. 22–31.
2. Фотоальбом военно-патриотического клуба «Поиск» радиотехнического факультета Севастопольского приборостроительного института (рукопись). Фонд ведомственного музея «Севастопольская Голландия».
3. Наградной лист от 15 мая 1944 г. // Память народа.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig->

chelovek_nagrazhdenie44125281/?static_hash=ddcef808ba1920edf1e33d50a7b22233 (дата обращения: 09.05.2022).

4. Заблоцкий П.И. Мои боевые воспоминания, апрель 1991 г. (рукопись).
5. Дорофеев Г. А., Михтунец К. М. 315-я Сибирская в боях за Сталинград: Боевой путь 315-й Мелитопол. стрелковой дивизии. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. 151 с.
6. Скуборенко Н.И. «Подвиг на земле Донбасса»: Исторический очерк. Луганск «Лугань», 1992. 164 с.
7. Заблоцкий П. Никто не забыт // За приборостроительные кадры. 28.02.1979 г. №9 (460). С.2.
8. Заблоцкий П. За Крым, за Севастополь! // За приборостроительные кадры. 09.05.1984 г. № 20 (704). С. 1.
9. Заблоцкий П. Героическая летопись в фото // За приборостроительные кадры // 06.06.1979 г. №23 (474). С. 2.
10. Заблоцкий П. Встречи на родной земле // За приборостроительные кадры. 23.05.1984 г. № 22 (706). С. 1.
11. Крым: Памятники славы и бессмертия / С.Н. Шаповалова, В.Н. Барбух, Л.Н. Вьюницкая и др. 2-е изд., доп. Симферополь: Таврия, 1985. 238 с.

СЕКЦИЯ «Военная история»

УДК 94(571.62)1853–1854”

DOI 10.5281/zenodo.7272189

Воробьев В.Е.*, Абасов Е.А.**, Ханов В.В.**

РОЛЬ КАПИТАНА I РАНГА Г.И. НЕВЕЛЬСКОГО В УСИЛЕНИИ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ УСТЬЯ АМУРА И ПОБЕРЕЖЬЯ САХАЛИНА НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1854 ГОДОВ

*Севастопольское городское отделение Русского географического общества, г. Севастополь

**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье изучены усилия выдающегося русского флотоводца и первооткрывателя Г.И. Невельского в укреплении обороны побережья российского Дальнего Востока накануне Крымской войны 1853–1856 годов. Сделан вывод, что его усилия по укреплению дальневосточных рубежей России не были должным образом поддержаны центральной властью, что привело к фактической сдаче неприятелю Сахалина и усложнению обороны Камчатки. Но благодаря тому, что Г.И. Невельской заблаговременно исследовал устье Амура и его окрестности, правильно определил ключевые точки на побережье, неприятель не решился высадиться на материк и атаковать здесь российские позиции, которые он считал уже достаточно укрепленными. Поэтому закономерно, что в августе 1854 г. Г.И. Невельскому был присвоен чин контр-адмирала, а в мае 1855 г. он был назначен начальником штаба при генерал-губернаторе Восточной Сибири и командующим дислоцированными здесь войсками.

Abstract. The research paper studies the efforts of the outstanding Russian naval commander and discoverer G.I. Nevelskoy in strengthening the defense of Russian Far East coast on the eve of the Crimean War of 1853–1856. It is concluded that his efforts to strengthen the Far East borders of Russia were not properly supported by the central authority, which in fact led to the surrender of Sakhalin and to more complicated defense of Kamchatka. However, G.I. Nevelskoy previously succeeded in exploration of the mouth of the Amur and its surroundings along with identification of the key points on the coast. Consequently, the enemy did not dare to disembark on the mainland and attack the Russian positions there because of sufficient fortification. In August 1854 G.I. Nevelskoy was understandably promoted to the rank of rear admiral, and in May 1855 he was appointed headquarters commander under the Governor-General of Eastern Siberia as well as commander of the troops stationed there.

Ключевые слова: Г.И. Невельской, Н.Н. Муравьев, Л.Г. Сеньявин, Крымская война, Амур, Сахалин, обороноспособность.

Key words: G.I. Nevelskoy, N.N. Muravyov, L.G. Senyavin, Crimean War, Amur, Sakhalin, defensive capability.

Одной из малоизвестных страниц истории глобального военного конфликта середины XIX века, вошедшего в историю как Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов является организация обороны малонаселенных побережий российского Дальнего Востока. В историографии, как правило, за рамками исследований остается вопрос о том, почему, атаковав Камчатку в 1854 году и вынудив Россию эвакуировать гарнизон Петропавловска Камчатского в 1855 г., неприятель не решился высадиться на материковое побережье, в первую очередь – в устье Амура, к которому британский (равно как и американский) флоты внимательно присматривались в предвоенные годы. Как показывают документы, хранящиеся в Российском государственном архиве Военно-морского флота, главная заслуга в этом принадлежит выдающемуся русскому флотоводцу, исследователю, члену Русского географического общества с 1846 года, Геннадию Ивановичу Невельскому.

Несомненно, основной заслугой перед Отечеством Г.И. Невельского является открытие судоходности Амура и Татарского пролива между островом Сахалин и материком, но у его исследований есть очень важная деталь, которая обычно упоминается лишь вскользь. 13 августа 1850 года Геннадий Иванович принял первые меры к закреплению этих территорий за Российской империей, основав Николаевский пост на мысе Куегда и оставив там шестерых матросов для несения службы. Всего шесть человек без пушек вряд ли могли бы отразить нападение, но идея Невельского была не в этом. Он оставил им собственноручно написанное «Объявление», в котором эти земли провозглашались частью Российского государства. Иностранцам судам было запрещено предпринимать здесь какие-либо неприятельские действия или основывать поселения [3, л. 37].

В Петербурге такую дерзость восприняли без восторга. Управляющий Министерством иностранных дел (в тот период фактически исполнявший обязанности министра) сенатор, тайный советник, с 1822 года лично курировавший внешнюю политику России на азиатском направлении, Лев Григорьевич Сеньявин в секретном письме управляющему Морским

министерством Великому князю Константину Николаевичу высказал опасение возможными негативными последствиями занятия Россией залива Де-Кастри и озера Кизи, т.к. эта территория «находится неоспоримо в местах, принадлежащих Китаю. А потому занятие нами сего пункта, как равно и селения Кизи, расположенного на правой стороне Амура, не может быть признаваемо иначе как насильственным завладением чужой собственностью. И притом собственностью такого государства, с которым мы находимся в мире и имеем немаловажное для нас торговое сношение» [3, л. 183] (см. рис. 1).

Рис. 1. Карта исследований устья Амура и части Охотского моря, проведенных в 1851 – 1852 годах. [3, л. 233б] Составлена топографом 2 класса Л.А. Поповым (рассмотрена и утверждена кап. 1 ранга Невельским)

А.Г. Сенявин считал, что опасения Невельского о занятии Де-Кастри и Кизи войсками потенциального неприятеля – недостаточное оправдание для таких «насильственных» действий: «опасение, чтобы иностранцы не укрепились в сем диком и пустынном крае не может, по мнению моему, служить достаточным оправданием подобного рода действий, кои, с другой стороны, легко завлекут нас в дальнейшие еще предприятия, едва ли согласующиеся с истинными пользами России» [3, л. 183]. Ценность этих акваторий для организации торговли с маньчжурами А.Г. Сенявин также отрицал.

Руководитель восточного вектора российской внешней политики был категорически против направления для реализации планов Г.И. Невельского двух сотен солдат «водою по всему протяжению Амура... Я нахожу сие вовсе неудобноисполнимым по той причине, что по трактатам нашим с Китаем нам не предоставлено права плавания по реке, протекающей во владениях сего государства» [3, л. 185].

Но опасения не оправдались. Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев в докладе Морскому министру Александру Сергеевичу Меншикову сообщил, что китайцы совсем не против закрепления России в устье Амура, что они «не имеют намерения препятствовать нам плаванию по Амуру» [3, л. 140]. Муравьев также отмечает, что Китай явно не в силах бороться и тем более защитить эти земли, поэтому и не претендует на них [3, л. 137]. Необходимость укрепления обороны этих мест Муравьев мотивировал следующим образом: «Силы и пушки нужны нам для того, чтобы, останавливая предприимчивость американцев, тем именно предупредить войну, которая, конечно, должна возникнуть, если иностранцы насильно займут эти места» [3, л. 138].

Несмотря на то, что Амурская экспедиция Г.И. Невельского была хорошо организована с точки зрения исследовательской, ее нельзя было назвать хорошо подготовленной для организации обороны в условиях войны, приближение которой предчувствовал Г.И. Невельский. Он постоянно рапортовал Н.Н. Муравьеву о необходимости укрепления устья Амура и острова Сахалин. Геннадий Иванович целенаправленно исследовал эти земли с точки зрения организации их обороны. Выявлял опасные места, которые мог бы занять неприятель.

Таковыми местами, по мнению Невельского, как раз и были упомянутые выше залив Де-Кастри южнее устья Амура и расположенное неподалеку от него озеро Кизи. Их главная опасность была в том, что они находились очень близко к устью реки, а в случае занятия этого плацдарма противником, выбить его оттуда было бы очень трудно [3, л. 138–139].

Г.И. Невельский, судя по всему, не был силен в бюрократии. Поэтому все контакты с представителями правительства империи о поддержке идей и начинаний руководителя Амурской экспедиции ложились на плечи Н.Н. Муравьева. Именно генерал-губернатор Восточной Сибири отстаивал взгляды Невельского перед Морским министром, министерством иностранных дел, великим князем Константином, и многими другими [1].

Чем дальше продвигалась экспедиция, тем настойчивее Геннадий Иванович просил у Муравьева разрешения на занятие озера Кизи и залива Де-Кастри [3, л. 138], но генерал-губернатор не мог дать на это согласия без разрешения свыше. Морской министр А.С. Меншиков на просьбу руководителя экспедиции не отреагировал. Нет резолюции его патрона великого князя Константина и на цитированном выше письме А.Г. Сеньявина, отправленном вскоре после рапорта Н.Н. Муравьева.

Руководство Морского министерства ответило, но не письмом, а действием. Через месяц Н.Н. Муравьев известил Невельского, что из Петербурга в залив Де-Кастри выходит фрегат «Паллада», который приведет с собой с Балтики целую эскадру кораблей под командованием вице-адмирала Е.В. Путятин [5]. Тайной целью отправки эскадры была необходимость установления дружественных связей России с Японией из-за активизации американской внешней политики и военно-морской активности на этом направлении [2]. Но Муравьев известил Невельского, что эскадра выходит по его прошению и в поддержку его начинаний [5].

Г.И. Невельский не сомневался, что англичане и американцы претендуют на устье Амура и Татарский пролив, так как каждую весну и осень их корабли делали промеры глубин в этих водах, когда лиман и устье еще были покрыты льдом. В связи с этим, Невельский предписал мичману из своего экипажа Чихачёву, находившемуся в заливе Де-Кастри, бдительно следить за действиями судов потенциального неприятеля. Он приказал предъявлять иностранным капитанам свое «Объявление» и, в случае противодействия, немедленно доложить Невельскому и (хотя к этому и отсутствовали возможности и ресурсы), принять меры противодействия. Он подчеркивал, что если иностранцы займут залив, то выбить их будет очень трудно [3, л. 198].

Однако действиями прибывшего командира эскадры Е.В. Путятин начинания и инициативы Г.И. Невельского были в значительной степени дезавуированы. Вице-адмирал не ввел свои корабли в залив Де-Кастри в связи с тем, что «прочитал в газетах» о силах Англии и Франции. Вместо этого эскадра встала на якорь гораздо южнее – в Императорской гавани. В Де-Кастри был отправлен всего один – самый изношенный корабль. По его приказу в 1854 году был ликвидирован основанный Невельским на Сахалине Муравьевский пост – первое российское укрепление на острове, где впервые в 1853 г. был поднят русский флаг. Поэтому даже среди экипажей его эскадры с огорчением говорилось: *«Путятин из лихого капитана сделался ныне в высшей степени вялая баба и бестолковый трусикша»* [5, л. 258].

Таким образом, опасения Невельского о приближении полномасштабной войны глобального характера сбылись, но его усилия по укреплению дальневосточных рубежей России не были должным образом поддержаны, что привело к фактической сдаче неприятелю Сахалина и усложнению обороны Камчатки, которую, даже после успешного отражения атаки на Петропавловск в 1854 году, пришлось оставить годом позже. Но благодаря тому, что Г.И. Невельский заблаговременно исследовал устье Амура и его окрестности, правильно определил ключевые точки на побережье, неприятель не решился высадиться на материк и атаковать здесь российские позиции, которые он считал уже достаточно укрепленными. Поэтому неудивительно, что в августе 1854 г. Г.И. Невельскому был присвоен чин контр-адмирала, а в мае 1855 г. именно он был назначен начальником штаба при генерал-губернаторе Восточной Сибири и командующим дислоцированными здесь войсками [4].

Литература

1. РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 2. Д. 157. Л. 37–38 об.
2. РГАВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 75а, Л. 12.
3. РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 206. Л. 136–140 об.
4. РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 922. Л. 85–85 об.
5. РГАВМФ. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 27. Л. 258–259.

Жога О.А.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОПЫТ РУССКОЙ ПОЛЕВОЙ АРМИИ ПОЛУЧЕННЫЙ В ХОДЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1735–1739 ГГ. В ЧАСТИ ЗАВОЕВАНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА*ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь*

Аннотация. В статье изучен опыт стратегических военных операций русской полевой армии в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 годов в отношении Крымского полуострова. Проанализированы две военные кампании русской полевой армии и оперативные планы, используемые для достижения поставленных военно-стратегических целей. Сделан вывод, что в ходе русско-турецких войн 1735–1739 годов военным командованием русской полевой армии были достигнуты успехи в логистическом обеспечении войск в части продвижения от стартовых позиций до Перекопа или Арабатской стрелки. Выявлены наиболее удобные пути вторжения на полуостров и захвата важных стратегических и административных центров. Как показали эти военные кампании, для завоевания всего полуострова необходимы две самостоятельные армии, имеющие разное оперативное направление (одна от Перекопа, другая по Арабатской стрелке). Именно опыт Крымских походов русско-турецкой войны 1735–1739 в дальнейшем обеспечил успешность похода В.М. Долгорукова в 1771 году, который сделал возможным присоединение Крыма к Российской Империи в 1783 году.

Abstract. The article examines the experience of strategic military operations of the Russian field army during the Russian-Turkish war of 1735–1739 in relation to the Crimean Peninsula. Two military campaigns of the Russian field army and operational plans used to achieve the set military-strategic goals are analyzed. It is concluded that during the Russian-Turkish wars of 1735–1739, the military command of the Russian field army achieved success in logistical support for the troops in terms of moving from the starting positions to Perekop or the Arabat Spit. The most convenient ways of invading the peninsula were identified and attempts were made to capture important strategic and administrative centers. As these military campaigns have shown, to conquer the entire peninsula, two independent armies are needed, with different operational directions (one from Perekop, the other along the Arabat Spit). It was the experience of the Crimean campaigns of the Russian-Turkish war of 1735–1739 that further ensured the success of the campaign of V.M. Dolgorukov in 1771, who made it possible for Crimea to join the Russian Empire in 1783.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1735–1739 гг., армия, стратегия полевой армии, Перекоп, Арабатская стрелка, С.Х. Миних, П.П. Ласси.

Key words: Russian-Turkish war of 1735–1739, army, strategy of the field army, Perekop, Arabat Spit, S.Kh. Minich, P.P. Lassi.

Одной из самых важных геополитических целей Российской империи в XVIII веке было завоевание Крымского полуострова и выход к Черному морю, которое, по мнению А.К. Байова, было продолжением лучших естественных путей, ведущих из сердца России (по Днепру и Дону). Активное выполнение поставленной цели в основном происходило в течение двух русско-турецких войн 1735–1739 и 1768–1774 годов. Но именно в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 годов были выработаны основные стратегические оперативные планы, опыт практической составляющей которых был воспринят, а затем использован уже в ходе войны 1768–1774 годов.

План кампании 1736 года (именно этот год стал первым годом полноценных боевых действий) предусматривал разделить армию на две и нанести удар по наиболее уязвимым на том этапе частям Османской империи – Крымскому ханству и крепости Азов [2, с. 205–207]. В этот период Порты была занята войной с Персией [5, с. 23], и в случае нападения русских войск на эти пункты, основные турецкие военные силы никак не могли помочь их обороне. По плану С.Х. Миних должен был с основной армией идти в Крым для его захвата или разорения, а параллельно с ним генерал П.П. Ласси с остальными войсками должен был осадить Азов и, в случае успеха, помочь Миниху в Крыму [2, с. 207].

Для обеспечения армии продовольствием были приняты значительные меры. Для довольствия непосредственно в период военных действий полки должны были взять с собой двухмесячный запас продовольствия. Этот запас распределялся следующим образом: припасов на пол месяца солдаты должны были нести на себе, на месяц – везти на полковых штатных обозах, и еще на пол месяца – на артельных лошадях [1, с. 1]. То, что русская армия заранее брала с собой провианта на два месяца боевых действий, скорее является вынужденной мерой, обусловленной теми расстояниями, которые было необходимо проходить на Черноморском театре военных действий, а также степной зоной, занимавшей значительную

часть этих расстояний. Там не было стратегически важных мест, которые могли бы послужить временными магазинами. Из-за этого русская армия в ходе военных кампаний (особенно в войну 1735–1739 гг.) обладала значительным количеством обозов, что позволяло продвигаться на более далекие расстояния, но и сковывало ее в стратегическом плане, так как обозы необходимо охранять, а так как их много, на это уходила значительная часть сил армии. В свою очередь постоянная угроза со стороны татар заставляла быть всегда начеку, что вело к замедлению марша и, следовательно, могло повлиять на результаты кампании.

Рассматривая непосредственно оперативные действия военной кампании Миниха 1736 года, целью которой был Крым, необходимо отметить, что чтобы достигнуть хоть каких-то успехов в этой кампании, русским войскам было необходимо в первую очередь добраться до цели своего похода, но из-за географических особенностей региона эта задача была весьма трудной. Об этом свидетельствуют и неудачи походов В.В. Голицына (1687 и 1689 годов), и поход генерала М.И. Леонтьева в 1735 г. Чтобы предотвратить повторение неудачи, Миних решил логистически организовать и обеспечить путь от первоначальных позиций русских войск в Царицынке до последнего пункта перед открытой степью – Кизикерменом таким образом, чтоб данный отрезок похода прошел без значительных потерь в личном составе и больших затрат в части продовольствия и припасов. Чтобы выполнить эту задачу, фельд-маршал решил совершать свой поход поступательными маршами от одного стратегического пункта к другому, находившимся вдоль Днепра. В основном такими пунктами были небольшие реки, впадавшие в Днепр в широтном направлении и служившие фронтальной защитой для русской армии. Это было правильно еще и потому, что такая организация маршрута позволяла снабжать армию продовольствием по водному пути и частично избавить войска от лишений, которые могли возникнуть во время похода до Кизикермена: *«а дабы оный тем надежнее препроводит, то на поход армии, в известных расстояниях от границы до Перекопа, построены были редуты и фельдшанцы, в коих оставлены побольше гарнизоны из регулярных и нерегулярных войск, для прикрытия подвозимого провианта в проезжающих курьеров»* [1, с. 1].

Из общего пункта сбора в Царицынке армия в середине апреля тремя колоннами, выдвигавшимися одна за другой, направилась к реке Самара, в устье которой был построен Усть-Самарский ретраншемент. Еще один возвели возле Богородицкой крепости [6, с. 83]. Следующей целью похода стала река Белозерка, на пути к которой находилось большое количество других мелких речушек, которые могли стать «посредниками» для русской армии. В результате, 1 мая Миних с авангардом прибыл к Каменному затону у устья р. Белозерки без особых проблем и лишений в армии. Здесь он должен был остановиться, чтобы организовать переправу через реку, для чего было построено 7 мостов, а для обороны их сооружен ретраншемент [2, с. 244].

Далее был собран военный совет, на котором решалось, какой путь выбрать для дальнейшего движения в Крым. Было решено идти по дороге, пролегавшей вдоль берега Днепра через Кизикермен. К этому пункту армия подошла 7 мая и также укрепила его. Таким образом, опорными пунктами для операционной линии войск Миниха были Усть-Самарское, Белозерское и Кизикерменское укрепления. Расстояния между этими опорными пунктами также защищались инженерными сооружениями. Между Усть-Самарским и Белозерским ретраншементами было возведено 7 редутов, а между Белозерским и Кизикерменским – 10 [2, с. 230].

Почти все время похода у Миниха не было никаких сведений о противнике, и только у Кизикермена он получил донесение о близко подошедшем войске татар. Чтобы узнать, так ли это, Миних послал разведывательный отряд в количестве 1500 человек к Черной долине [1, с. 2]. Вся татарская конница напала на этот отряд, но он не дрогнул, дождался подхода основных сил, что обеспечило победу в сражении [1, с. 2].

Армия продолжила свой путь и 14 мая прибыла к р. Каланчак. Соорудив и там ретраншемент, Миних на следующий день выступил дальше. В этот же день татары попытались совершить последнюю попытку не допустить русскую армию до Перекопа, но она завершилась неудачей. В результате, 16 числа войско достигло урочища Сиваш, где также было построено укрепление и оставлены все больные [2, с. 250]. Наконец 17 мая Миних подошел к Перекопу на расстояние пушечного выстрела и обосновался на берегу Сиваша [2, с. 250].

Для облегчения штурма было принято решение произвести демонстративную атаку на правый фланг. В результате, штурм левого фланга Перекопской линии завершился удачно [4, с. 43] и значительно повлиял на сдачу крепости Ор-Капу. Таким образом, первая часть Крымской кампании завершилась полным успехом, и далее Миних должен был выбрать новую цель военной операции или отказаться от продолжения кампании в этом году. Для решения этого вопроса был созван военный совет, где большинство высших офицеров высказалось за завершение кампании, чтобы сохранить то, что уже имеется, и лучше

подготовиться к будущим завоеваниям. В пользу этой точки зрения говорило то, что в армии оставалось продовольствия на 12 дней. После ухода армии из Кизиккермена, и что более важно от Днепра, снабжение войск припасами из Малороссии прекратилось, и ей оставалось надеяться только на то, что несли с собой солдаты и везли полковые обозы. В Перекопе больших продовольственных запасов не нашли. Миних не согласился с мнением большинства и решил продолжать боевые действия.

Его аргументы были следующими.

1. Татарское войско сейчас ослаблено и не готово сопротивляться русской армии.

2. Татары больше не рассчитывали на подкрепление со стороны турок, которое должно было прибыть морским путем и высадится на Южном берегу Крыма. Надежда оставалась только на то, что турецкие войска могли начать действовать со стороны Очакова [2, с. 197]. Фельдмаршал даже обладал информацией, что крымский хан Каплан I Герай отправил всех своих жен в Балаклаву, куда намеревался прибыть и сам, чтобы отплыть с полуострова [7, с. 317].

3. Город Гёзлев, потенциальная первая цель похода, обладал слабой обороной и не смог бы противостоять русской армии, но имел хорошо наполненные магазины, что делало этот пункт еще более привлекательным [7, с. 317].

Решение Миниха продолжать кампанию стало ключевым, но (с учетом ее результатов) неоднозначным. С одной стороны город Гёзлев был взят, а с другой основная часть припасов, на которые рассчитывал главнокомандующий, была уничтожена еще до прихода русской армии. Города Бахчисарай и Акмечеть были взяты, однако это не заставило крымского хана капитулировать. Было необходимо решить задачу по захвату опорных пунктов турецкого военного влияния в регионе – нескольких турецких крепостей на Южном берегу Крыма во главе с Кефё. Но стало ясно, что сил для выполнения этой цели у армии Миниха на данном этапе военной кампании уже недостаточно. Дело в том, что войска к этому времени были значительно изнурены, а из-за нехватки воды у солдат начались болезни: *«В армии стала обнаруживаться заметная убыль; третья доля ее подверглась болезням, а прочие состояли из людей до того слабых, что они едва передвигали ноги»* [7, с. 85]). В результате главнокомандующим было принято решение об окончании похода и возвращении к Перекопу.

Таким образом, русской армии удалось достичь территории, на которой планировалось вести основные военные операции, был захвачен важный стратегический пункт Перекоп, также получилось проникнуть вглубь территории полуострова и взять вражескую столицу. Тем не менее, стало понятно, что без осады или штурма турецких крепостей на Южном берегу Крыма достичь полного контроля над территорией полуострова и решить главную геополитическую и стратегическую задачу по полному его захвату невозможно.

Еще одна полноценная попытка военной кампании непосредственно в Крыму была предпринята на следующий 1737 год. Командующим второй русской армией, чьей задачей был захват полуострова (точнее турецких крепостей Кефё или Еникале) или повторное его разорение, был генерал П.П. Ласси, который в прошлой кампании захватил крепость Азов. Армия из Азова должна была подойти к реке Молочные воды, и оттуда направиться в Крым. Для поддержки армии генерала Ласси под его командование передавался Азовский флот вице-адмирала П.П. Бредаля. Он состоял в основном из лодок и не мог соперничать с турецким, но его главной функцией была перевозка значительного количества провианта для сухопутных войск. Так пытались решить проблему снабжения провиантом армии, входившей в Крым [2, с. 425].

Генерал Ласси, так же, как и Миних, решил использовать стратегию поступательного марша, опираясь на реки. Вначале он с войском прибыл к реке Большой Еланчик, где построил редут, после чего отправился к реке Кальмиус, где редут уже был. На этой реке флот и полевая армия соединились и продолжили движение сообща. 27 мая Ласси отправился с войском к реке Берды (тоже выстроен редут), а затем достиг Молочных вод, где было сооружено обширное укрепление [2, с. 426].

Ласси обладал информацией, что, несмотря на разрушение Перекопской крепости (после отступления к Перекопу в 1736 г. стало ясно, что снабжать армию до этого пункта логистически проблематично, поэтому было принято решение разрушить крепость и отойти в глубь территории Малороссии), на Перекопской линии собралось значительное количество вражеских войск. Больше пугало, что вдоль вала было поставлено 60 пушек [2, с. 427].

Чтобы избежать столкновения с врагом на узком участке, генерал придумал нестандартное стратегическое решение. Он велел вице-адмиралу Бредалю прибыть с флотом к Геническому проливу. Там адмирал должен был выстроить плавучий мост из лодок, через который могла бы переправиться армия.

Это решение застало татар врасплох: *«Хан крымских татар, не мечтавший никогда, чтоб русские вошли в его владения с этого конца, весьма удивился полученному о том известию. Он стал со всеми своими войсками позади Перекопской линии, которая заблаго-*

временно была им исправлена, и надеялся на этот раз загородить русским путь успешнее, нежели удалось в прошлом году. Но он трудился напрасно, Ласси шел на Арабат, не потеряв ни одного человека» [4, с. 124]. Этот путь был опасным (очень узкое место), но и самым быстрым. Если достигнуть конечного пункта косы, где находилась турецкая крепость Арабат, можно одновременно угрожать Кафе, Керчи и Еникале. Татарский хан Фетих Гирей (1736–1737) понимал это, поэтому мобилизовал все силы и быстрым маршем переместил свое войско для защиты Арабата [4, с. 125].

Одновременно в Азовском море появился сильный турецкий флот, против которого наши лодки не могли ничего предпринять в открытом морском сражении. Из-за этого азовский флот Бредаля прижался к берегу Арабатской косы и оборонялся на суше от обстрела турецких кораблей. К тому же в дело вмешалась природа – случился сильнейший шторм, в результате которого наш флот потерял большую часть своих лодок и отправился обратно в Геническ [2, с. 428].

В это время Ласси, осознав, что у Арабата его ждет противник со всеми своими войсками, принял еще одно нестандартное стратегическое решение. Он снова решил произвести переправу, однако на этот раз через Сиваш, который отделял Арабатскую косу от полуострова. Местом переправы было выбрано устье реки Салгир, а для наведения моста вновь использовался флот (его остатки) адмирала Бредаля. Для дезинформирования противника, Ласси отправил к Арабату отвлекающий отряд, из-за чего татары снова не смогли помешать русскому генералу воплотить в жизнь его замысел [2, с. 429].

После переправы следующей целью похода стал Карасу-Базар. По пути татары несколько раз совершали нападение на русскую армию, но каждый раз безуспешно. В результате Ласси смог достигнуть Карасу-Базара, по пути разоряя все деревни вдоль Салгира. Та же участь ждала и сам город. После этого был созван военный совет, на котором, учитывая то, что армии не хватало провианта (значительная часть была на лодках Бредаля), а осаждать какую-либо из причерноморских крепостей при тех обстоятельствах (по сути тех же, что были у Миниха) не представлялось возможным, было решено, что дальнейшее продолжение кампании не приведет к положительным результатам, и необходимо начать отступление [4, с. 128].

Опыт кампании 1737 года продемонстрировал, что хоть Ласси и не достиг в ней значительных успехов, но показал еще один путь, которым можно воспользоваться для завоевания Крыма. Именно этот момент является наиболее значимым и будет использован уже в следующей войне.

Таким образом, в ходе военных кампаний в отношении Крымского полуострова в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 годов было опробовано несколько стратегических планов. Минихом и Ласси была выработана система, следуя которой, армия без ущерба могла достигнуть полуострова. Также были найдены пункты, через которые можно осуществлять вторжение в Крым. Стало ясно, что для обеспечения полного контроля над Крымским полуостровом необходимы две самостоятельные армии, наступающие с двух направлений. Опыт походов Миниха и Ласси в дальнейшем был использован для покорения Крыма в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 годов.

Литература

1. Аноним. Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах. Одесса: Городская Типография, 1836. 21 с.
2. Байов А.К. Русская армия в царствование Императрицы Анны Иоанновны (русско-турецкая война 1736–1739 гг.). Т. I. СПб.: Электро-Типография Н. Я. Стойковой, 1906. 828 с.
3. Записки Василия Александровича Нащокина. СПб.: в типографии Императорской Академии Наук, 1842. 375 с.
4. Записки Манштейна о России (1727–1744). СПб.: Типография В.С. Бала-шева, 1875 – 399 с.
5. Кочубинский Ал. Раздел Турции. Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа, 1899. 622 с.
6. Мышлаевский А.З. Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. I. СПб.: Военная типография (из здания Главного штаба), 1897. 330 с.
7. Мышлаевский А.З. Всеподданнейшие донесения гр. Миниха. Ч. III. СПб.: Военная типография (из здания Главного штаба), 1897. 408 с.

Рыбак И.В.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В ПЕРВЫЕ ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СЕВАСТОПОЛЕ

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье проанализирована подготовка советских вооруженных сил к началу нападения Германии на СССР. Дана сравнительная характеристика планов и сил противоборствующих сторон. Рассмотрено стратегическое значение Севастополя и флота для последующей обороны. Сделан вывод, что Севастополь стал единственной советской военно-морской базой, оказавшей сопротивление немецким войскам, нанеся противнику боевые потери за три четверти часа до официального нападения Германии на Советский Союз.

Abstract. The article analyzes the preparation of the Soviet armed forces for the start of the German attack on the USSR. A comparative description of the plans and forces of the opposing sides is given. Considered the strategic importance of Sevastopol and the naval fleet for the subsequent defense. It is concluded that Sevastopol became the only Soviet naval base that resisted the German troops, inflicting combat losses on the enemy three quarters of an hour before the official German attack on the Soviet Union.

Ключевые слова: начало войны, Черноморский флот, полная боевая готовность, авианалет, оборона Севастополя, июнь – август 1941 г.

Key words: the beginning of the war, the Black Sea Fleet, full combat readiness, air raid, defense of Sevastopol, June – August 1941.

XXI в. изменил не только восприятие боевых действий на фронтах Второй мировой войны, но и тенденции в оценке их результатов. Историография Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (ВОВ) приобретает новые аспекты. На смену однозначной оценке событий пришло многообразие мнений и взглядов. Следствием этого является эмоциональное описание военной истории, крайность в оценках тех или иных событий. Однако есть события, ставшие точкой отсчета для дальнейших действий Красной Армии и Флота.

В данном исследовании на основании открытых архивных документов 1941–1942 гг. советского командования, анализируется специфика развития довоенного Крыма, Севастополя и Черноморского флота (ЧФ). Автор делает вывод, что это способствовало быстрому переводу на военные рельсы городской и военно-морской инфраструктур.

Несмотря на многочисленные утверждения о неготовности советских вооруженных сил к началу войны, необходимо помнить, что действия Наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова нарушили планы Гитлера о неожиданном ударе. В составе флота накануне войны находились: линейный корабль, шесть крейсеров, четырнадцать эсминцев, сорок семь подводных лодок, три лидера, тральщики, торпедные катера и вспомогательные суда [1, с. 140]. По своей мощи советский флот на Черном море превосходил все флоты сопредельных СССР черноморских стран [1, с. 141].

В ночь на 22 июня 1941 г. войска и флот получили «Директиву № 1 от 21 июня» – подниматься по тревоге и перейти в полную боевую готовность. Однако эти указания в полной мере выполнены были только флотом. Телеграмма наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова пришла в Севастополь около 1 часа ночи. Согласно Приказу за несколько часов ЧФ перешел в полную боевую готовность. Все «корабельные соединения, морская авиация и береговая оборона к половине третьего утра 22 июня перешли на оперативную готовность номер один» [1, с. 142]. При этом Нарком ВМФ ещё и позвонил в штаб, в Севастополь, чтобы сообщить на словах этот приказ. И обзвонил он три флота – Северный, Балтийский и Черноморский.

Высокая боевая готовность моряков-черноморцев сорвала планы германского командования вывести из строя его основные силы в первые дни нападения на Советский Союз.

Город Севастополь захватчики начали бомбить в 3 ч. 12 мин утра 22 июня 1941 г. На траверзе бухты Карантинной немецкий самолет «Ю-88», идущий со стороны мыса Херсонес в сторону Севастополя, сбросил на парашюте неизвестный предмет [4, с. 10]. Это была мина. Открывать огонь по самолёту, который удалялся в северо-западном направлении, согласно «плановой таблице боя», силы ПВО не имели права, так как не было разрешения Москвы. Согласно архивным документам, такого разрешения не поступило [4, с. 8]. Это было связано с неожиданным вторжением Германии на территорию СССР, что являлось нарушением пакта о ненападении, подписанного 23 августа 1939 г.

В ночь на 22 июня силами ПВО флота был отражен налет на главную базу бомбардировщиков люфтваффе, так как подход самолетов был своевременно обнаружен радиолокационной станцией крейсера «Молотов». Вскоре после этого над Херсонесом пролетел второй немецкий самолет Ю-88, огонь по которому был открыт 74 и 75 зенитными батареями. Самолет был сбит, а два других ушли в сторону моря [4, с. 11].

Основной задачей вражеских самолетов было минирование выхода из Северной бухты и уничтожение кораблей в бухте главной военно-морской базы ЧФ. Для достижения своей цели противник использовал неконтактные донные магнитные мины, которые спускались на парашютах. С наблюдательных пунктов и от жителей города поступали сообщения, что спускаются парашютисты. На улицах города раздались взрывы мин. Первая мина взорвалась на пересечении улицы Щербака и улицы Подгорная [4, с. 11]. В результате этого взрыва погибло 20 мирных жителей, были тяжело ранены более сотни человек. Вторая мина взорвалась на Приморском бульваре, частично повредив памятник Затопленным кораблям. Третья мина упала на Александровский мыс, где находилась батарея № 13.

Немецкое командование предполагало ночными налетами авиации с использованием неконтактных мин блокировать и уничтожить черноморскую эскадру. Налеты вражеской авиации с целью минирования Севастопольской бухты продолжались около месяца в три этапа:

- ночью 22, 24 и 26 июня;
- ночью 28, 29 июня;
- 3 и 4 июля.

По данным немецких архивов, с начала войны до 4 июля бомбардировочной группой II/KG4 в акватории Севастополя было установлено 120 мин [3, с. 63].

В ночь на 22.06.41 после налетов немецкой авиации командный пункт (КП) командующего ЧФ адмирала Ф. П. Октябрьского был перенесен в подземную автоматическую телефонную станцию на Телефонную пристань. Вблизи Александровского рavelина находился командный пункт береговой обороны, обеспечивая связь со всеми воинскими и флотскими подразделениями. Телефонная связь осуществлялась через наземные, воздушные и подземные линии. В районе береговой батареи № 35 в Казачьей бухте располагался второй КП для управления боем на морских рубежах.

Для уничтожения мин в море с первых дней войны были предприняты активные меры:

- проводилось траление мин (первое из них было проведено 22 июня в 4 ч. 35 мин., не дав реальных результатов, было решено организовать круглосуточные посты противоминного наблюдения);
- происходило изучение принципа действия вражеских мин. Первых значительных успехов в изучении действия мин добился инженер-капитан 3 ранга М.И. Иванов в июле 1941г.;
- выставление специальных знаков вокруг мест приводнения мин с целью прохода судов по фарватеру;
- взрывы глубинных мин быстроходными катерами-тральщиками;
- применение с конца июля 1941 г. электромагнитных тралов.

В первые дни нападения черноморские корабли поддерживали приморский фланг войск Красной Армии. 23 июня в районе Севастополя были поставлены оборонительные минные заграждения. Для предупреждения высадки морского десанта на территорию Крыма и Севастополя Военный Совет флота приказал срочно дооборудовать главный рубеж обороны от п. Кача до мыса Сарыч в конце июня 1941 г. С 3 июля 1941 г. началось строительство фортификационных сооружений на главном рубеже обороны в виде артиллерийских и стрелковых ДОТов и ДЗОТов. Кроме того, были оборудованы несколько запасных командных пунктов и восьмикилометровые проволочные заграждения [2, с. 12]. 5 июля комиссия под руководством генерал-лейтенанта П.А. Моргунова начала реконструкцию второй тыловой линии обороны от бухты Стрелецкой до реки Бельбек [2, с. 24].

Работы по береговой обороне и согласование действий с морской пехотой вел штаб береговой обороны. Большое внимание с первых дней войны командование уделяло подводным лодкам (ПЛ), перед командирами которых ставились задачи:

- вести наблюдение за подходами к базам;
- стараться обнаружить вражеские корабли и транспортеры;
- контролировать их продвижение;
- при обнаружении атаковать их торпедами.

К 1 июля 41г. в подчинение ЧФ были переданы 25 пассажирских судов и судов вспомогательного флота. В начале июля третий и четвертый дивизионы ПЛ проекта «Щ» («щуки») попробовали перебазировать в бухту Ак-Мечеть (Феодосия). Однако выведенные туда боевые ПЛ М-35 и М-36, а также строящиеся М-111, М-112, М-113 в 12 августа после авианалета немецких истребителей вернулись в Севастополь. Для обеспечения безопасного базирования

малых подлодок стали выделять другие суда. А для проводки санитарных транспортов, обеспечения продовольствием и вооружением города организовывалось конвоирование гражданских судов боевыми кораблями, с одновременным уничтожением военных объектов противника. С 28 июля 1941 г. военные перевозки проходили ночью в конвоях специальных судов с лоцманами на борту [3, с. 83].

Принимая во внимание, что к началу лета 1941 г. самолеты Красной армии в Крыму практически не базировались, защиту севастопольского оборонительного района обеспечивали Военно-воздушные силы (ВВС) ЧФ. Под командованием генерал-майора В.А. Русакова находились 62-я истребительная и 63-я бомбардировочная бригады, авиационная группа, два отдельных авиаполка, восемь отдельных авиаэскадрилий и отряд корабельной авиации из 626 самолетов [1, с.141]. Счет сбитых немецких самолетов был открыт в первые часы нападения на СССР.

Черноморские летчики 23 июня нанесли ответные удары по Констанце, Сулину, нефтепромышленному району Плоешти [1, с. 144]. В результате бомбардировок немецкие войска потеряли почти 220 тыс. т топлива. В воздушных боях пилоты применяли различные приемы. Под Севастополем лейтенантом 32-го истребительного полка Е.М. Рыжовым 25 июля в воздушном бою был совершен первый в ВОВ таран, в ходе которого был сбит «He-111». В последствии он уничтожил еще 14 вражеских самолетов, за что был удостоен звания Героя Советского Союза [1, с. 144].

Таким образом, Севастополь стал единственной советской военно-морской базой, оказавшей сопротивление немецким войскам, нанеся ему боевые потери за 45 минут до официального нападения Германии на Советский Союз.

Архивные документы дают представление о событиях первых дней ВОВ, о перестройке работы органов власти, гражданских организаций и учреждений на военный лад, экстренных мерах по эвакуации предприятий и военных действиях соединений Красной Армии и ЧФ. Благодаря этим мерам Севастополь почти 8 месяцев сковывал крупные силы противника, не позволяя ему развернуть наступление на Кавказ.

Литература

1. Краснознаменный Черноморский флот. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1987. 334 с.
2. Моргунов П.А. Героический Севастополь. М.: Наука, 1979. 520 с.
3. Неменко А.В. Черноморский флот в годы войны / А.В. Неменко. М.: Вече, 2015. 320 с.
4. Севастополь. 1941-1945 гг.: сборник архивных документов/ сост. Н.Ф. Задорожная, М.Г. Соловьева. Симферополь: ООО Фирма «Салта» ЛТД, 2020. 448 с.

СЕКЦИЯ «Международная безопасность в Большом Средиземноморье»

УДК 32

DOI 10.5281/zenodo.7270265

Иванков Е.А.* , Тютюнник В.М.** , Царюк Д.А.***

СОЗДАНИЕ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ ПУТЕМ СИСТЕМОГО СИНТЕЗА ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА, НАУКИ И ОБЩЕСТВА

* президент группы компаний «САЛЮС», г. Москва

** Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов

*** ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва

Аннотация. В статье описана разработанная и внедренная авторами модель транснациональной вертикально интегрированной корпорации со штаб-квартирой в России, с открытым участием и единоличной собственностью (открытый бенефициар), структура которой и возможности позволяют решать большой объем научных, социальных, экономических и иных задач в странах присутствия. Эксперимент проведен на базе группы компаний «САЛЮС» (15 компаний в РФ и 19 за границей), основным видом деятельности которой является консультирование по вопросам коммерческой деятельности и системного управления, в частности операционный консалтинг. Описаны возможности группы компаний: администрирование и управление бизнес процессами, консолидация встречных товарно-денежных потоков, проектное сопровождение, проектное управление (ГЧП, концессии, частные проекты), подготовка документов для проведения биржевых торгов, клиринговых расчетов в национальных валютах стран ЕАЭС, продвижение законодательных инициатив, создание «регуляторных песочниц», формирование кадрового резерва, консолидация, управление, внедрение научно-технологических разработок имеющих опытные образцы для устойчивого развития человечества, комплексное развитие территорий. Приведен пример реализованного проекта.

Abstract. The model, developed and introduced by the authors, of a transnational vertically integrated corporation headquartered in Russia, with open participation and sole ownership (open beneficiary), the structure of which and the possibilities allow to solve a large volume of scientific, social, economic and other problems in the countries of presence is described. The experiment was conducted on the basis of the "SALUS" group of companies (15 companies in Russia and 19 abroad), whose main activity is consulting on commercial activities and system management, in particular operational consulting. The capabilities of the group of companies are described: administration and management of business processes, consolidation of counter-cash flows, project support, project management (PPP, concessions, private projects), preparation of documents for exchange trades, clearing calculations in the national currencies of the EAEU countries, promotion of legislative initiatives, creation of "regulatory sandboxes", formation of personnel reserve, consolidation, management, implementation of scientific and technological developments, having prototypes for sustainable development of mankind. An example of the project implemented is given.

Ключевые слова: сложные системы, бизнес, системный синтез, государство, наука, общество, администрирование и управление бизнес-процессами.

Key words: сложные системы, бизнес, системный синтез, государство, наука, общество, administration and business process management.

Учитывая большой объем фундаментальных исследований в области построения сложных систем и комплексности фактической реализации готовых моделей [1], [2], [3], [12], [13], [14], [15], [16], [17], [18], [19], [20], [22], а также законодательные противоречия и отсутствие единообразия локальных законов в странах-участницах нашего эксперимента, в основе синтеза системы применена модель транснациональной вертикально-интегрированной корпорации (ТНК) со штаб-квартирой в России, с открытым участием и единоличной собственностью (открытый бенефициар), структура и возможности которой позволяют решать большой объем научных, образовательных, административно-управленческих, социальных, экономических и иных задач в странах присутствия, не противореча внутренней и внешней политике.

Описываемый эксперимент проведен на базе группы компаний «САЛЮС» (ГК), основным видом деятельности которой является консультирование по вопросам коммерческой деятельности и системного управления, в частности новая услуга «Операционный консалтинг» – аналог казначейского сопровождения проектов и процессов, в котором консультант, как хозяйствующий субъект, является участником в сделке. Такая модель, в отличие от

стороннего консалтинга, даёт возможность ГК быть одной из сторон в сделке, разделяя ответственность между заказчиком и исполнителем. Заказчик путём совместной работы с консультантом-исполнителем получает качественную и совместно взвешенную на всех этапах создания, услугу или правооснову для формирования коммерческой инициативы, а у исполнителя появляется больше возможностей принимать решения без дополнительного времени на разовые консультирования с заказчиком. Сохранность правоотношений говорит о взаимной ответственности по всем процессуальным правилам и действующему законодательству в стране присутствия. Единый центр управления и общие однотипные задачи упрощают процессы контроля и дают хорошую оптимизацию, в том числе операционных расходов для заказчика, и возможность разделить успех, в том числе и финансовый, по факту реализации проекта. Использование современных цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, позволяет исключить влияние человеческого фактора при реализации типовых моделей. Вместе с тем, повышается требование к профессионализму тех, кто синтезирует типовые модели машинной работы. Ведь возрастает цена его ошибки. Однажды допущенная, она даст не один убыток, а системный и возможно многоуровневый. Таким образом, компетентность и образованность исполнителей должна быть глубокой в различных профилях знаний.

На базе действующих хозяйствующих субъектов ГК (15 компаний в РФ и 19 за границей) удалось синтезировать модель ТНК, как инфраструктуры, позволяющей вести операционную деятельность для извлечения доходности и выполнять потребности заказчиков, а полученный доход реинвестировать в содержание и развитие группы в актуальных для неё направлениях и стратегии развития, как самодостаточной сложной системы, существующей на условиях системного синтеза государства, бизнеса, науки и общества [9], [20].

Реализованный пилотный проект «Интеграция субъектов МСБ в единую биржевую систему на пространстве ЕАЭС» [9] согласно мнению участников конференции, показал перспективы развития данного направления и позволяет сэкономить значительный объём бюджетных средств и время на проведение НИОКР, безболезненно встроился в финансовые и фискальные системы 19 стран участниц эксперимента, выявив существующие противоречия в межсистемном взаимодействии, «бизнес надстройки», показал ряд внутренних и внешних факторов, оказывающих прямое или косвенное влияние на построение системы и перспективы её развития и масштабирования.

Консолидация основных инструментов на группе компаний для устойчивости и развития создают предпосылки к построению долгосрочной стратегии сотрудничества, в том числе в научно-образовательном и компетентностном развитии специалистов. Таким образом, на единой группе сформирован стабильный денежный поток и обеспеченный спрос, позволяющий извлекать прогнозный доход, покрыть основные потребности хозяйствующих субъектов на продвижение или поиск товаров и услуг из частного или государственного сектора экономики. Консолидация технологических разработок, имеющих опытные образцы, позволила сформировать портфель защищённых правами технологий, готовых к внедрению, исходя из экономического смысла или стратегического преимущества в долгосрочном периоде. Консолидация человеческого ресурса позволила сформировать целеполагание, гарантировать трудоустройство, повышение квалификации, стабильность и развитие системы наставничества для обмена опытом на действующих бизнес-процессах.

Существующие направления деятельности группы компаний как сложной системы отвечают всем текущим вызовам и позволяют существовать и развиваться данной системе как ТНК.

Администрирование и управление бизнес-процессами

Сформированный в группе управленческий и административно технический аппарат в состоянии осуществлять комплексное обслуживание бизнеса заказчика, в случае необходимости пополняя штат с учётом увеличения задач, формируя отдельные проектные команды и привлекая государственные средства, научную мысль учёных вузов, а также представителей общественности. Особое внимание уделяется профессионалам широкого профиля и формированию кадрового резерва в области особо дефицитных компетенций. Такой подход очень актуален в связи с тем, что практически в каждом бизнесе, независимо от его размера и формы собственности, существует проблема с квалифицированными управленческими кадрами, а также непредсказуемость результата из-за множества ограничений и факторов, постоянного изменения конъюнктуры. В современный период развития, право, разработанное совместно с профильными авторитетными специалистами, обретает всё большую актуальность в общественной жизни, являясь единственным стабильным регулятором многообразных отношений, в т.ч. и в сфере предпринимательства и образования. Право и

глубокая широкопрофильная компетентность буквально вплетены в материю деловой жизни, и с этой точки зрения от неё неотъемлемы. Комплексное сопровождение бизнеса сегодня, в условиях многообразия сплетений связей субъектов деловой активности, большого потока информации профильно-правового характера, её изменчивости, гибкости и динамики с одной стороны, и стремления государства к оптимальному правопорядку с другой, – не просто потребность, но и необходимость. В настоящее время, согласно нашим наблюдениям, вектор профессиональной правовой работы в организации во всём мире направлен на сопровождение специализированной компанией. Формы взаимодействия различны: от аутсорсинга юридических и консалтинговых услуг до сопровождения хозяйственной деятельности на правах поверенного по конкретным сделкам.

ГК ориентирована на максимально полное и эффективное удовлетворение потребностей клиентов путём комплексного подхода, предоставляет спектр услуг для эффективной работы хозяйствующих субъектов малого и среднего бизнеса. В перечень оказываемых услуг входит: организация и подготовка документации к проведению биржевых торгов; юридическое сопровождение сделок; доверительное управление; управление активами; инвестиционная деятельность; услуги по комплексной проверке контрагентов и оценке содержания и сохранности заложенного имущества; оздоровление бизнеса с использованием биржевых и внебиржевых моделей привлечения финансирования (эмиссия корпоративных облигаций, вексельные займы и пр.), а также проведение исследований правоустанавливающей, исходно-сметной и договорной документации (технический аудит проекта). Уже этот перечень, подчёркивает актуальность глубокой и широкопрофильной образованности и компетентности кадров. По нашему мнению, это тренд будущего.

В рамках заключаемых договоров наши представители на правах поверенных уполномочены совершать в интересах клиента все предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации операции с товарами – от написания бизнес-плана, маркетинговых исследований рынков сбыта, подбора поставщиков профильного оборудования и (или) товара до подписания договоров о намерениях.

В ходе дальнейшего сопровождения осуществляются консультации, а значит и передача компетенций по вопросам финансового управления предприятием, управления маркетингом, кадрового управления, планирования, организации, обеспечения эффективности и контроля, оценки стоимости объектов гражданских прав, консультации и оказание услуг по реструктуризации текущей дебиторской и кредиторской задолженности клиента, проведения переговоров с действующими контрагентами (дебиторами, кредиторами), обеспечения связей с общественностью и проведения переговоров с органами исполнительной и законодательной власти РФ. Такой подход позволяет найти и соблюдать условия баланса для достижения экономической эффективности, работать в рамках синтезированной сложной системы.

Консолидация встречных товарно-денежных потоков

В системе трансграничной торговли всегда существуют факторы, прямо или косвенно влияющие на бизнес-процессы. В период кризисов количество таких факторов увеличивается, что не позволяет стабильно обслуживать товарно-денежную цепочку. Как следствие – дисбаланс спроса и предложения. При падении покупательной способности все факторы усиливают существующие дисбалансы.

Связанные в единую группу 19 компаний ГК позволяют консолидировать встречные товарно-денежных потоки (работа со спросом/предложением), оптимизируя расходы на их администрирование; при такой модели себестоимость начинает падать с увеличением объёма товарно-денежной массы, сокращаются транзакционные расходы (0,5-4%), отсутствует необходимость конвертации (2-4%), появляется возможность управления налоговой нагрузкой, упрощается процесс контроля: бизнес получает единую «точку входа». Формируется статистика по спросу и предложению в разнородных товарных группах с учётом волатильности в долгосрочных периодах, позволяющая формировать закупку по минимальной стоимости и осуществлять продажу в максимальных точках. Единый центр управления позволяет оперативно принимать решения в нестандартных ситуациях для достижения максимального экономического эффекта и сконцентрировать ответственность перед заказчиком и фискальными органами.

Проектное сопровождение, проектное управление (ГЧП, концессии, частные проекты)

Управленческий и административно-технический аппарат ГК позволяет осуществить подготовку необходимого пакета документов, защитив его в качестве частной предпринимательской инициативы перед органами законодательной и исполнительной власти. Инфра-

структура ГК даёт возможность взять на себя полное сопровождение проекта, консолидируя различные источники финансирования, администрируя проект, разделяя потоки для максимальной прозрачности. ГК может быть участником или инициатором создания различных консорциумов.

Реализация сложных инфраструктурных проектов в среднем длится 5 лет, проекты по комплексному развитию территорий – в среднем 10 лет. Процесс подготовки до выхода на строительную площадку занимает от 1 до 3 лет. Практика последних лет показала значительный объём «брошенных проектов» по различным причинам и в различных стадиях. Объём убытков значительный, как для государства, так и для бизнеса, а главное – отсутствует результат в виде добавочной стоимости на товаре или на услуге. Как следствие, отмечается отсутствие у инвесторов желания инвестировать в долгосрочные проекты.

Оказание данной услуги силами ГК даёт значительные экономические и прочие эффекты:

- отсутствие первичных затрат на стадии подготовки проекта, так как проект запускается действующим аппаратом; далее проектная команда собирается под конкретные задачи и на запланированный ФОТ в рамках согласованного финансового плана;
- группе гораздо проще выступать финансовым гарантом по исполнению контрактных обязательств;
- разнонаправленность в деятельности даёт возможность диверсификации финансовых и не финансовых рисков, упрощает процесс интеграции партнёров группы в проекты;
- присутствие в других странах позволяет применять различные местные практики, упрощает процессы, связанные с привлечением иностранных инвесторов.

Реализация программ «Комплексное развитие территорий» и «Инновационные территории» (в том числе национальные проекты)

Взаимодействие с научно-образовательной средой (университеты, институты академий наук и др.) позволяет дать значительную оптимизацию при подготовке проектов, сформировать целеполагание у студентов, обеспечивая гарантию трудоустройства, сократить миграцию из регионов, сформировать кадровую политику учитывая перспективы развития регионов в долгосрочном периоде. В 2019 году, будучи участником группы ТДК в МИНЭК, мы докладывали масштабируемую модель реализации программ КРТ, которую успешно масштабировало АСИ, создав точки кипения на территории РФ.

Одним из инструментов предоставляющим возможность управлять процессом становления и усовершенствования научно-образовательной среды нами рассматривается работа о развитии системы непрерывного образования [11], получившая поддержку на научной конференции. В материале выделяются конкретные системные функции, согласно которым регулируется совершенствование системы образования. В среднесрочной и долгосрочной перспективе это позволит не только обеспечить специалистами высокого уровня и широкого профиля государственные запросы по дефицитным специальностям, но и позволит самореализоваться человеку приумножив собственные квалификационные компетенции.

Планомерное развитие данной области и обеспечение необходимого внимания к её поддержке позволит обеспечить субъекты и муниципальные образования РФ своими специалистами широкого профиля. Нами также рассматривается снижение издержек на привлечение сторонних организаций главами территорий при реализации региональных программ. Это осуществимо благодаря созданию актуальных программ для своих активных граждан. Задаётся тренд на организацию учебного процесса в региональных ВУЗах с созданием и реализацией учебных планов, направленных на области знаний необходимых для решения актуальных задач комплексного развития территорий.

Подготовка документов для проведения биржевых торгов и клиринговых расчётов в национальных валютах стран ЕАЭС

Консолидация обеспеченного спроса или предложения на базе договора комплексного обслуживания (договора поручения) позволяет дробить товарные номенклатуры по видам, группам, размерам товарных партий и регионам, регулируя спрос и предложение на открытых торгах пространства ЕАЭС. Учитывая избыточный объём денежной ликвидности в спекулятивном секторе и нехватку в реальном секторе экономики, расширение перечня товарных номенклатур в рамках открытых биржевых торгов позволяет увеличить объём ликвидности на товарном рынке.

Продвижение законодательных инициатив, создание «регуляторных песочниц»

Законотворческие процессы сложные и долгие, причём не дают гарантий успеха в реализации, и практика это подтверждает. В данный момент необходимо оперативно принимать решения для получения ощутимого результата. Существующие правовые и экономические модели не позволяют ускорить процессы и дают отсроченный ожидаемый эффект. Приятно осознавать, что эти очевидные вещи нашли отклик в законе о «Регуляторных песочницах» [10], и данный подход активно поддерживается представителями власти. В.В. Путин неоднократно высказывался по данному вопросу и просил поддерживать экспериментаторов. «Песочницы» позволяют отказаться от ряда нормативных требований, мешающих развитию инноваций. За счёт этого компании, занимающиеся разработкой новых продуктов и услуг, а также представители органов власти могут тестировать их без риска нарушить действующее законодательство, а впоследствии, если тестирование прошло успешно, – выходить с ними на рынок.

На базе существующего опыта по внедрению практических решений применение закона о «регуляторных песочницах» позволяет ускорить реализацию указов и поручений, учесть возникающие противоречия, формировать законодательные инициативы на базе отработанных пилотных проектов.

Формирование кадрового резерва

В качестве примера нами реализована программа создания проектных команд из числа учащихся университетов: в 2019 году в ГК прошло производственную практику более 200 студентов. Применяется практико-ориентированный подход на действующем бизнес-процессе.

В интересах создания резерва в среде управляющего персонала предлагается к развитию программа по переподготовке бывших военнослужащих МО, МВД и других силовых структур [5].

Так как по статистике большинство военных (в основном – офицеров) выходят на пенсию в 40-45 лет, то предполагается, что их трудовой потенциал как ресурс позволяет сохраняться и продуктивно развиваться на протяжении еще 10-15 лет. А благодаря компетентности в занимаемых офицерами ранее административных, технических и иных должностях – уже имеются навыки управленца и хорошо развиты умения отдавать распоряжения и отслеживать их исполнение.

Необходимым условием для качественного привлечения указанной аудитории в новую управленческую среду отличную от военной, нами рассматривается возможность к освоению бывшими военными дополнительных компетенций необходимых для их дальнейшей трудовой деятельности. Для этих целей существует ряд организаций, в том числе был создан Центр социальной адаптации военнослужащих.

Необходимо создание резервов и среди персонала тяжелого труда и непрерывных производств. В настоящее время выполняются научные труды и проводятся активные эксперименты в практико-применительной области по использованию труда заключенных [4]. Речь не идет о возрождении ГУЛАГов, а напротив, в основу закладывается помимо коммерциализации данной области еще и в дальнейшем социализация этого контингента после выхода на свободу. Рассматривается возможность, благодаря которой обеспеченные трудом и получившие должные навыки по стандартам «World Skills» граждане не будут повторять свой прошлый опыт и заниматься криминалом. Они смогут приносить пользу обществу и будут обеспечены трудом. Таким образом декриминализация районов, это еще одна перспектива в становлении данной программы.

Консолидация, управление, внедрение научно-технологических разработок, имеющих опытные образцы для устойчивого развития человечества

Нами создан и официально зарегистрирован «Фонд устойчивого развития и поддержки малого и среднего предпринимательства» (ФУРСТ). В партнёрстве с Международным Информационным Нобелевским Центром (МИНЦ) и Нобелевским Трестом Устойчивости (НТУ) мы реализовали крупный международный проект «Награда за устойчивое развитие». В рамках данного проекта получено 126 проектов от научных и технологических коллективов, из которых по результатам технической и международной сущностной экспертиз отобран 31 проект, имеющий опытные образцы и готовый к внедрению. Победители получили дипломы и Золотые медали МИНЦ.

Фонд устойчивого развития и поддержки малого и среднего предпринимательства

Направления деятельности ФУРСТ позволяют консолидировать различные источники финансирования, в том числе и государственную поддержку для финансирования утверждённых программ. Фонд позволяет собрать консолидированный бюджет, ввести в правление представителей партнёров для реализации общих задач и утверждённых программ по:

- финансированию технологических разработок, имеющих опытные образцы;
- финансовому оздоровлению компаний, находящихся в состоянии банкротства;
- комплексному развитию территорий.

Наличие данной инфраструктуры, как самодостаточной системы и части сложной системы ГК, позволяет даже влиять на международную обстановку путём создания частной миротворческой миссии для сглаживания межнациональных конфликтов, управления спорными территориями. По данному направлению развития ведутся консультации, готовится инициатива от ГК при поддержке Ветеранских организаций и действующих силовых структур, привлечения специалистов, имеющих опыт в проведении и организации образовательных программ.

В рамках закона о «Регуляторных песочницах» готовится инициатива по созданию «Трастовой компании», которая позволит организовать непрерывное социальное обеспечение участников и членов их семей.

Комплексное развитие территорий

ГК сотрудничает с научным сообществом, имеет положительный опыт и партнёров из различных отраслей экономики в части сопровождения инвестиционных, инновационных проектов, выполнения финансового, технического, производственного и иных типов анализа, реализации технического и ценового аудита, осуществления оценки производственных мощностей, РИД, НИОКР, а также имеет лицензию ФСБ РФ, дающую возможность работы со сведениями, содержащими государственную тайну, что позволяет оказывать услуги предприятиям и организациям оборонно-промышленного комплекса страны, МЧС, МВД.

Для успешной реализации проекта и его экономической целесообразности, а также возвратности вложенных инвестиций необходимо привлечение региональных властей для слаженной работы в получении финансовой и не финансовой поддержки, обеспечения безопасности вложенных средств. Данный подход способствует поднятию общей репутации территории и её бренда как надёжного и способного развиваться.

Реализуемая нами синергия государства, бизнеса, науки и общества позволяет реализовывать проекты любой сложности, при этом многие проекты, в первую очередь, инфраструктурные, имеют значительную социальную направленность и не ставят своей задачей извлечение прибыли (строительство дорог, объектов здравоохранения, образования, культуры и т.д.). Подготовка по таким проектам полномасштабной финансовой модели и технико-экономического обоснования является такой же важной стадией, как и сама реализация проектов. Тщательно разработанные финансовая модель и технико-экономическое обоснование проекта позволяют значительно быстрее защитить проект во всех инстанциях, связанных с финансированием проекта, а затем отслеживать сроки реализации и возможные отклонения фактических затрат от плановых.

При реализации любого инвестиционного проекта соискателю инвестиций необходимы надёжные партнёры, имеющие высокий репутационный рейтинг, и инвесторы, у каждого из которых имеются свои требования и интересы. Соответственно, первым и, пожалуй, основным условием успешного поиска партнёров и инвесторов, является привлекательность проекта не только для соискателя, но и для потенциальных партнёров и инвесторов. Потенциальными инвесторами могут являться партнёры ГК, а именно банки, различные фонды, институты развития и организации, заинтересованные в участии по реализации проекта и получении различного рода дополнительных эффектов (экономического, экологического, социального, технического и т.д.). Они, как правило, способны обеспечить ту или иную поддержку (прямое финансирование, льготные кредиты, налоговые льготы, предоплату продукции и др.). Потенциальных партнёров и инвесторов может привлечь: профессионально выполненная экспертиза проекта; профессионально выполненный инвестиционный меморандум проекта; выполненная финансовая модель проекта; предложение покупки акций; получение высокого экологического эффекта; создание новых рабочих мест; наличие налоговых льгот, субсидий; выпуск социально-значимой продукции (услуги); наличие дешёвого сырья и трудовых ресурсов. Для реализации таких проектов ГК предлагает создавать консорциумы из различных участников с необходимыми компетенциями, что позволяет гарантировать реализацию проекта по экономически эффективной модели, применяя

комплексное обслуживание, проектное управление на каждом этапе жизненного цикла проекта и проектное администрирование денежного потока. Для эффективной реализации и распределения рисков, участниками консорциума могут быть местные представители: застройщик, технический заказчик, подрядчик, проектировщик, эксплуатируемая компания. Далее подключается наш практический опыт в реализации моделей межсубъектных правоотношений, моделей по проектному управлению и проектному сопровождению, включая казначейское сопровождение.

Для сохранения устойчивого положения и реализации программ комплексного развития территорий ГК и её стратегические партнёры предлагают единый комплекс консалтинговых услуг по целостному управлению проектами и программами развития. Этот комплекс предполагает создание скоординированных элементов единого хозяйственного механизма, позволяющего получать значительные социальные и экономические результаты за счёт реализации моделей региональных межотраслевых платформ с развитой инфраструктурой (проектной, финансовой, административной, образовательной).

Эти элементы системы хозяйствования включают:

- создание общей концептуальной модели предлагаемого хозяйственного механизма;
- разработку и согласование дорожных карт проектов и программ, реализуемых в регионе;
- подготовку законодательных и проектных инициатив, механизмов и процедур программ регионального развития, их практического продвижения и реализацию;
- консолидацию различных источников финансирования, в том числе меры государственной поддержки, внебанковское и внебюджетное финансирование, внутрихозяйственное фондирование, казначейское сопровождение, привлечение внешнего финансирования, в том числе средств международных фондов в 19 странах присутствия ГК, механизмов экспортного и проектного финансирования, продажи будущей выручки;
- использование инструментария внутрипроизводственной, внутрихозяйственной и межрегиональной кооперации, вовлечение в этот процесс всех участников программ развития;
- реализацию проектов и программ развития на условиях «под ключ» в качестве управляющей компании в части, касающейся освоения инвестиций в соответствии с графиками работ (услуг), соблюдения сроков выполнения работ (услуг);
- расчётные и клиринговые операции между участниками проекта (консорциума) и внешними контрагентами с созданием необходимой региональной инфраструктуры;
- осуществление централизованных закупок с доставкой на объекты ТМЦ, компенсация исполнителям (ПИР, СМР) ФОТ, а также норм прибыли, предусмотренных в сводно-финансовых расчётах, согласованных участниками консорциума по завершении реализации проектов, после подписания актов сдачи-приёма и ввода объектов в эксплуатацию;
- услуги в сфере образования и подбора персонала, переобучения, повышения квалификации, разработки отдельной программы работы с персоналом, развития и мотивации.
- обслуживание процедур банкротства для внедрения моделей финансового оздоровления, реорганизации предприятий, в том числе переоснащения материально-технической базы;
- внедрение наукоемких технологий, позволяющих провести модернизацию предприятия, запуск новых производств или новой комплексной продукции.

Реализация моделей по администрированию бесперебойной цепочки движения товарных масс, консолидации потенциалов производственных и промышленных предприятий, продвижение производимой продукции на территории РФ и за границей возможно благодаря присутствию ГК в крупнейших отраслевых общественных организациях и объединениях (например, ТПП, РСПП, АСИ, РАКИБ, Цетросоюз, БРИКС), что даёт возможность эффективно использовать инструментарий межотраслевой, межрегиональной и международной кооперации.

Для действующих предприятий в рамках договора на «Комплексное обслуживание» компания может взять на себя: научное, методологическое, концептуальное, консалтинговое, технологическое, управленческое обеспечение комплекса проектов и программ развития, включая создание и администрирование товарно-денежных цепочек всех внутрихозяйственных переделов по производству готовой продукции.

Пример реализованного проекта

В 2015 году запущен международный проект в качестве социального эксперимента по созданию систем «Салюс – открытая эко система», реализуемый на условиях системного синтеза государства, бизнеса, науки и общества. Финансовой возможности создать такую систему в то время не было: меры государственной поддержки были недоступны, а объём

рисков – непредсказуем. Учитывая данные обстоятельства, в 2016 году на Координационном совете Финансово-банковской ассоциации ЕАС с участием представителей Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), РСПП мы представили частную предпринимательскую инициативу по реализации «Пилотного проекта по Интеграции хозяйствующих субъектов МСБ в единую биржевую систему на пространстве ЕАЭС» с проведением клиринговых расчётов в национальных валютах, где ГК выполняло функцию центрального контрагента на Универсальной товарно-сырьевой бирже (Казахстан) [20].

Помимо задач, связанных с развитием и расширением интеграционных процессов на пространстве ЕАЭС, необходимо было показать экономическую эффективность в консолидации товарно-денежного потока, перспективу развития и возможности масштабирования. Открытый подход перед фискальными органами в реализации проекта позволил встроиться в финансовую систему большого количества стран, но объёмная фискальная нагрузка и проверочные мероприятия всех участников пилотного проекта выявила множество существующих проблем в деятельности хозяйствующих субъектов, системные противоречия и «бизнес надстройки», создающие дополнительную налоговую, фискальную и денежную нагрузку, риски разрыва цепочек, не эффективно работающие элементы в системе государственного управления и администрирования, а как следствие – увеличение затрат на ведение бизнеса. Данный подход сократил время, а модель позволила выполнить поставленные задачи перед ЕЭК по свободному движению товаров, услуг с проведением клиринговых расчётов в национальных валютах на пространстве ЕАЭС.

Пилотный проект начинался с одной компании. Благодаря экономической эффективности и партнёрским связям, за четыре года в ГК насчитывалось 34 компании (15 в РФ и 19 за границей) при вложении в развитие 300 млн. рублей. В период с 2015 по 2018 годы объём торгового оборота составил 11.432.601.612,54 рублей, заключены контракты с более чем 100 контрагентами, что способствовало наращиванию экспорта Российской Федерации, создало механизмы эффективного преодоления барьеров во внешнеторговой деятельности за счёт использования биржевых механизмов. Финансовая модель показала хорошую доходность при определённых благоприятных обстоятельствах, а фактическая реализация выявила возникающие риски хозяйствующих субъектов, участвующих в предпринимательской деятельности, и компаний с государственным участием. Проект реализован без государственной поддержки и позволил сэкономить значительный объём средств и время на разработку НИОКР по аналогичным задачам, причём реализация данной модели не потребовала внесения изменений в законодательства стран ЕАЭС, фактически встраиваясь в фискальные, надзорные и прочие системы стран ЕАЭС и не только.

Данная модель выстроена без учёта политических противоречий, как открытая модель, отсекающая личные интересы отдельных участников. Можно считать это попыткой без конфликта найти компромиссное решение в интересах бизнеса, отсекая лишние системные и бизнес надстройки в том числе, для достижения максимального экономического эффекта. Предполагая значительный объём рисков для ГК в поиске данного баланса, сумма эксперимента была обозначена уставом ГК, за её пределы мы не вышли, доведя капитализацию группы до 12 миллиардов рублей, создав ТНК со штаб-квартирой в РФ, позволяющую решать ряд насущных задач через новые механизмы управления и администрирования товарно-денежной и прочими массами.

Несмотря на публичность проекта и открытую позицию ГК, как инициатора проекта, готовность к открытому диалогу и регулярные проверочные мероприятия (допросы), публичную позицию и всеобщее согласие при отсутствии мер государственной финансовой поддержки, при большом объёме проверочных мероприятий, ГК понёс значительный расход на персонал для подготовки документов на запросы, значительный урон нанесён репутации ГК, в банках РФ регулярно возникали проблемы и безосновательные блокировки деятельности, без возможности объяснить и обосновать текущую деятельность.

В качестве ответного шага нами разработан и апробирован пакет документов в отношениях с заказчиками, который прошёл проверку фискальных органов, позволял отцифровывать сделки и работать с большим массивом данных, оптимизировать расходы на обработку данных, проводить расчёты и диверсифицировать курсовые риски, делая систему трансграничной торговли прозрачной и экономически эффективной для желающих работать в правовом поле.

Термин «регуляторная песочница» появился в 2016 году, но он не был раскрыт и не существовало действующего закона, что препятствовало развитию частной и предпринимательской инициативы, а в период кардинальных изменений во внешней и внутренней политике не давало возможности бизнесу подстраиваться под текущие изменения.

Текущее состояние ГК является отражением той реальности, в которой сейчас находится весь бизнес, не учитывая, что наши возможности позволяют решать большое количество

задач для бизнеса и вызовов, поставленных перед правительством, как во внутренней, так и во внешней политике. По причинам значительной фискальной нагрузки и попытках копирования элементов создаваемой системы, операционная деятельность ГК остановилась, а отсутствие стабильного дохода (который позволял содержать инфраструктуру и вкладывать в развитие) привело к значительной кредиторской задолженности и потере репутации; следствие – риск банкротства предприятия. Судебная практика говорит о том, что суд фактически исполняет волю кредитора, не имея возможности и времени разобраться в глубине проблемы для вынесения взвешенного решения. Статистика просто подтверждает эти факты: в 2018 году из 50 тыс. компаний в процедуру финансового оздоровления попало 20 компаний (0,004%).

Естественно, говоря о финансовом оздоровлении, речь идёт о компаниях, имеющих потенциал и перспективы развития, а самое главное – желание и возможность рассчитаться с кредиторами. Но, доведя бизнес до банкротства, не у каждого кредитора появится возможность заново заниматься предпринимательской деятельностью, а в случае субсидиарной ответственности не у каждого появится мотивация, что фактически выглядит как нарушения поручений и указов о финансовой и не финансовой поддержке в продвижении предпринимательской инициативы, развитии международных отношений и открытости в системе трансграничной торговли, расширении кооперационных связей, новых моделей сотрудничества, выстроенных на взаимовыгодных условиях, соблюдая балансы между политическими интересами и экономической целесообразностью.

В дополнение к примеру реализованного проекта, являющегося главным выводом и наглядной демонстрацией эффективности предлагаемого комплексного подхода, отметим и дополнительные выводы:

1. Представленный проект как продукт является результатом интеллектуальной деятельности высококвалифицированных специалистов, обладающих глубокими и широкопрофильными компетенциями.

2. Государство и бизнес заинтересованы в максимальном количестве качественно образованных и патриотически ориентированных граждан.

3. Единство теории и практики в сотрудничестве науки и образования с государством и бизнесом, позволяют сформировать и реализовать задачу подготовки высокопрофессиональных кадров для прогнозируемой перспективы.

4. Качественная подготовка высокопрофессиональных кадров возможна только при наличии заявленных интересов бизнеса и государства к конкретному спектру приоритетных профессиональных компетенций гражданина, принимающего решение о своих образовательных и профессиональных предпочтениях.

5. Вышеизложенные позиции анонсируют потребность проведения научной работы по выявлению факторов, влияющих на принятие решения гражданина о своём образовательно-компетентностном развитии. Выявленные факторы, могут стать объектами государственного стратегического управления, направленного на развитие кадрового, а значит и всего потенциала страны.

Литература

1. Аль-Кудайми А.А.А. и др. Моделирование взаимодействующих информационных систем обработки данных // Наука и бизнес: пути развития. 2019. №2(92). С.151–154.
2. Громов Ю.Ю., Карпов И.Г., Ищук И.Н. и др. Моделирование информационных систем на основе законов распределения случайных величин: монография. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Стокгольм; Буаке; Варна: изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2019. 202 с.
3. Даммаг М.А.М. и др. Аналитические и процедурные нечёткие модели для обработки многомерных данных // Наука и бизнес: пути развития. 2019. №2 (92). С.155–158.
4. Пономарева Е.В., Иванков Е.А., Садыхов С.З. о глы. К вопросу о повышении стандартов профессиональной подготовки осужденных // ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: Материалы научно-практического журнала ISSN 2712-7559, 2021. № 1. С. 82–86.
5. Пономарева Е.В., Иванков Е.А. АРМИЯ ШКОЛА // ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛА В УСЛОВИЯХ РЕГИОНА: Материалы XX Международной научной конференции Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Стокгольм; Буаке; Варна; Ташкент: изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2021. С. 159–164.
6. Тимофеев Д.Н. Информационное обеспечение поддержки принятия групповых решений в полиструктурной процессно-ориентированной системе предприятия // Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика. 2020. № 6. С.22–26.
7. Тютюнник В.М. Информационные потоки в моделях термодинамики необратимых процессов и самоорганизации // Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика. 2019. № 4. С. 27–31.
8. Тютюнник В.М. Анализ данных и модель информационных процессов для формирования прикладных информационных систем // Промышленные АСУ и контроллеры. 2019. № 4. С.19–29.

9. Тютюнник В.М., Иванков Е.А. Продвижение инновационных технологий, направленных на устойчивое развитие человечества // Формирование профессионала в условиях региона: Материалы XX юбилейной Междунар. науч. конф., г. Тамбов, 22–23 марта 2019 г. / под ред. проф. В.М.Тютюнника, проф. В.А.Зернова. Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм; Буаке; Варна: изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2019. С. 74–84.
10. Федеральный закон "Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации" от 31.07.2020 N 258-ФЗ [Принят Государственной Думой 22 июля 2020 года: одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года]
11. Царюк Д.А. Теоретические аспекты управления мотивацией граждан РФ на непрерывное образование // Россия и мир: развития цивилизаций. Преобразования цивилизационных ценностей в современном мире г. Москва, 21-22 апреля 2021 г.
12. Alshare K., Alomari M.K. et.al. Development and determinants of end-user intention: usage of expert systems // Journal of Systems and Information Technology. 2019. URL: <http://www.emeraldinsight.com/1328-7265.htm> (дата обращения: 20.05.2021).
13. Barzel B., Yang-Yu Liu, Barabási A.-L. Constructing minimal models for complex system dynamics // Nature Communications. 2015. Vol. 6. P. 7186.
14. Boccaro N. Modeling complex systems. 2nd ed. Chicago: Springer, 2010. 489 p.
15. Brodsky Yu.I., Tokarev V.V. Fundamentals of simulation for complex systems // Encyclopedia of Life Support systems, Oxford, 2009. P. 235–250.
16. Nafei A.H., Yuan W., Nasser H. Group Multi-Attribute Decision Making Based on Interval Neutrosophic Sets // Studies in Informatics and Control, 2019. Vol.28, No.3. P. 309–316.
17. Park Ch. Foundations and Applications of Process-based Modeling of Complex Systems // Complexity. 2021. Vol.21. P.1-23.
18. Salem M.B. (m, k)-firm constraints and derivational data management for the QoS enhancement in Distributed Real-Time DBMS // The International Arab Journal of Information Technology. 2019. Vol. 16, No. 3. P. 424–434.
19. Stirling D. Modeling complex systems // Advanced International Colloquium on Building the Scientific Mind. Hague, 2005. P. 2–12.
20. Tyutyunnik V.M., Ivankov E.A. Synergy of science and business to promote innovative technologies aimed at sustainable mankind development // Sustainable Development. 2019. Vol. 9, No. 1. P. 3–9.
21. Tyutyunnik V.M. Thermodynamics of irreversible processes and self-organization in information flows // International Journal of Advanced Research in IT and Engineering. 2019. Vol. 8, No. 3 (March). P. 18–24.
22. Wagner, W. Trends in expert system development: a longitudinal content analysis of over thirty years of expert system case studies // Expert Systems with Applications. 2017. Vol. 76. P. 85–96.

СЕКЦИЯ «Социокультурные и экономические процессы в Большом Средиземноморье»

УДК 321.02

DOI 10.5281/zenodo.7270303

Бичаков С.А.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ В АРАБСКОМ МИРЕ

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается становление арабского мира и возникновение первых национальных государств Ближнего Востока и Северной Африки. Автором проведен ретроспективный анализ развития политических идей в арабском обществе. Особое значение в статье уделено двум проектам развития арабского общества – национальному и религиозному (исламскому).

Abstract. The article deals with the formation of the Arab world and the emergence of the first nation-states in the Middle East and North Africa. The author carried out a retrospective analysis of the development of political ideas in the Arab society. The article pays special attention to two projects for the development of the Arab society - national and religious (Islamic).

Ключевые слова: Арабский мир, исламский мир, политический ислам, исламский фундаментализм, панарабизм.

Key words: Arab world, Islamic world, political islam, Islamic fundamentalism, pan-Arabism.

Арабский мир как мировая цивилизация прошел долгий путь от своего зарождения до становления как одного из центров силы мировой политики в современной международной системе. Арабский мир – это политическое, социальное, экономическое и культурное пространство, площадью 14 млн. кв. км., занимаемое арабскими государствами Северной Африки и Ближнего Востока. К арабскому миру принято относить 22 страны: Алжир, Бахрейн, Джибути, Египет, Иорданию, Ирак, Йемен, Катар, Коморские Острова, Кувейт, Ливан, Ливию, Мавританию, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовскую Аравию, Сирию, Сомали, Судан, Тунис и Палестинскую национальную администрацию, входящие в политическую организацию ЛАГ (Лигу арабских государств).

За всю свою многовековую историю, арабское общество было неразрывно связано с исламом. Ислам пронизывал все сферы жизни общества, регламентировал политическую жизнь и управления в отдельных арабских странах, вплоть до сегодняшнего дня. Арабский мир во времена своего рождения был неразрывен с исламом, однако в дальнейшем в арабском обществе происходила конкуренция двух типов общественного развития: светского и религиозного, а главным вопросом политики, являлся вопрос определения арабской нации.

Арабский мир возник в VII в. как неотъемлемой части мира Ислама. Одними из первых, кто вступил под «зеленое знамя ислама» были кочевые арабские племена пустыни Аравийского полуострова, ставшие главным «орудием» последующих арабских завоеваний. Ислам удачно подходил для формирования на тот момент разобщенного арабского населения, путем создания общих традиций, норм и уклада общественной жизни – религия задавала цель существованию уммы. По мнению известного российского философа и исламоведа А.В. Малашенко: «Исламский мир – общество, бытие которого определяет, прежде всего, исламская традиция, шариат как регулятор общественной и личной жизни, где не прекращается борьба за установление исламского порядка» [6, с. 18]. Тем самым, арабское общество до возникновения национальных государств подчинялось законам исламского мира и формулировало идеи государственности на основании исламской традиции и культуры.

Во времена четырех праведных халифов у арабского мира начали появляться политические границы. После завоеваний первого халифата, возникли первые политические (арабские) государства – халифат Омейядов (661–750 гг.) и Аббасидов (750–950/1258 гг.). Оба халифата завоевали большинство территорий современного Ближнего Востока и Северной Африки. В дальнейшем, в Средневековье на смену единому халифату возникали новые государственные образования во главе с арабской элитой и исламом как основополагающим атрибутом власти.

В Новое время (позднее Средневековье), арабские общества стали находиться под властью могущественной Порты и об арабской идентичности и развитии арабского мира отдельно от идей османизма, можно было забыть. В Османской империи арабские территории, имели политический и административный статус вилайетов в Османской империи, где

султан был верховным носителем политической власти и главой мусульманской общины, и такое положение дел в целом соответствовало представлениям традиционного арабского общества. Однако этнически арабские элиты того времени, стремились ограничить власть турецкого султана, не отрицая власть ислама, а лишь образования не османского правительства, а этнического – арабского.

С кризисом Османской империи в 40-е г. XIX в. идеи возрождения арабской государственности усилились. Начавшиеся реформы периода «танзимата», целью которых было укрепление турецкого государства, привели к обратному результату – созданию локальных арабских центров [4, с. 136]. К середине XIX в. было выработано два пути развития государственности в рабском мире: первый – светский путь, опиравшийся на западноевропейский опыт развития общества; второй – религиозно-консервативный, который характеризовался укреплением консервативности и возвращению к исламским корням, отрицая светскость власти. Политическая элита рассматривала западный путь развития, а арабскому народу были ближе идеи панисламизма – создания нового халифата.

Если приверженцы западного пути пытались обособиться от идей османизма, панисламисты, наоборот, пытались соединить в себе эти две установки. Так, арабский мыслитель того времени, Абд ар-Рахман аль-Кавакиби подчеркивал, что ислам как религия не несет ответственности за те формы деспотического правления, которые возникали и реализовывались от его имени, и что «народы должны отвечать за действия тех, кого они выбирают в правители; когда это не удастся, их подчиняют другие народы», тем самым оправдывая угнетения арабского населения османским правительством [4, с. 137].

В начале XX в. соперничество двух путей развития только усилилось. Среди арабской интеллигенции зарождались идеи о национальном государстве, при этом не отрицая регулирующую функцию ислама в общественной жизни. Значительное влияние на развитие националистических идей оказал западный национализм, в рамках которого в Европе в XIX–XX вв. возникали национальные государства, в которых на первое место выходили общие ценности и взаимные обязанности, идентичность населения с государством и общность культуры при сохранении этнических различий.

Вместе с тем восточный национализм развивался и на основе антизападничества, прагматического или эмоционального отрицания западных моделей [2, с. 136]. Как отмечал российский востоковед В.В. Наумкин: *«Если европейский национализм, ставший главной движущей силой строительства национальных государств в XIX в., после Первой мировой войны был направлен внутрь себя, на самореорганизацию, то национализм освободительных движений в странах Востока изначально был устремлен вовне, его неотъемлемой частью была антизападная ориентация, которая не исчезла, а в отдельных случаях и усиливалась с завоеванием политической независимости»* [3, с. 12].

После окончания Первой мировой войны, владения Османской империи на Ближнем Востоке перешли под протектораты (стали мандатными территориями) Великобритании и Франции с различными системами политического контроля и нелегитимными границами, которые не способствовали национальной консолидации. Главной проблемой этих образований была внутренняя «несвязанность», обусловленная практическим отсутствием гражданского национализма, конструированием новых государственных образований (Иордания, Ливан), отказом в государственности крупным этносам (курды), формированием политических территорий с пестрым этническим и племенным составом (Ирак, Ливан, позже Катар и др.), неравномерным распределением ресурсов [5, с. 49]. Исключением стали, королевство Саудовская Аравия и Йеменский имамат, получившие независимость за участие в Первой мировой войне на стороне Великобритании.

В институциональном аспекте мандатная система оказала решающее воздействие на арабский мир: были созданы территориальные политии. Арабское общественное сознание далеко не сразу восприняло их как государства, и для их обозначения длительное время использовался такой термин, как «кутр» (араб. – страна, земля, область). В сиро-ливанском, египетском, иракском и других обществах движения против иностранного вмешательства воспринимались в тот период либо как локально-патриотические, либо как арабские.

В 1920 – 1930-х гг. в среде арабской интеллигенции возникли идеи создания на месте мандатных территорий единого арабского государства. На арабских конгрессах в 1931 г. участники определили арабизм как «чувство необходимости освобождения и единения». Идея создания арабского суверенного государства, по мнению участников конгресса должна была привести к созданию эффективной политической системы управления, модернизации экономики, развитию человеческих ресурсов – возвращению к «золотому веку», когда арабской нации принадлежали передовые позиции в науке, образовании и производстве материальных ценностей [4, с. 144].

В тоже время невозможно было отказаться от ислама как регламентирующей роли в обществе. Значение ислама заключалось в сохранении самобытности арабской нации. Рядовые члены арабского общества продолжали выступать за исламизацию политического процесса. В межвоенный период в арабском общественно-политическом процессе представ-

ляется сложным четко зафиксировать соотношение исламской и национальной идеи развития в их различных интерпретациях. Как указывает российский востоковед А.А. Алиев: «На практике подобные приоритеты редко проявлялись в чистом виде: главенствующим фактором мог быть и национальный, и религиозный аспект» [1, с. 84].

Вторая мировая война послужила новым толчком развития национальных и религиозных идей, преследующих целью освобождения арабских территорий от европейского господства. Незавершенность нациеобразования и отсутствие возможности у европейских политиков осуществления модернизационной политики, стимулировали новый всплеск идей «единого арабского отечества». Все члены арабского общества могли провозгласить свою принадлежность к арабской нации.

После Второй мировой войны начался процесс деколонизации в мире, в результате которого на политической карте мира возникли «новые» государства, в том числе и в арабском мире. В качестве основы суверенности арабские государства переняли многие западные принципы организации власти, хотя были далеки от породившего эти принципы nation-state. Под влиянием идеологии социализма и арабского национализма возникают «местные» националистические идеологии правления. В это же время к власти в Египте приходит Г.А. Насер, ставший пионером арабского социализма и «нового арабизма». По мнению Насера, арабское единство мыслилось как кульминация долгого процесса экономических, социальных, политических и культурных изменений, которые осуществит новое поколение лидеров при опоре на революционные массовые организации [5, с. 50].

В 1950–1970-е годы идеи юнионистского арабского национализма получили практическое воплощение в попытках объединения Египта, Сирии, Ливии, Судана, Туниса, Ирака, Иордании на двусторонней или многосторонней основе и пользовались широкой поддержкой населения. Однако разнородность политических режимов и неравномерность социально-экономического развития обрекли их на неудачу. Объективно доктрина арабского социализма и единства выступала политическим противовесом уммы («единого арабского дома»), облекая в светскую форму идеи солидарности, коллективизма и эгалитаризма. Однако ввиду внутренних (арабо-израильского конфликта и последующего социально-экономического кризиса) и внешних факторов (влияния сверхдержав на арабский мир), идея «арабской идентичности» сменилась пессимизмом, и «поворотом» в сторону ислама и исламского фундаментализма.

На авансцену политического развития вновь выходят идеи политического ислама. Подъем политического ислама на рубеже 1970–1980-х гг. не только не остановил начавшиеся дезинтеграционные процессы, но, напротив, активизировал их. Если национализм в 1960-е гг. служил сплочению арабов, иногда успешно противодействуя центробежным тенденциям, то исламизм лишь усилил их, несмотря на все разговоры лидеров исламских движений о мусульманском единстве [7, с. 9].

Изменение мировой системы и давление глобализации в 1990-е годы открыли на Ближнем Востоке эру политических реформ с целью повышения уровня легитимности власти и организации политического участия. Либерализация политических режимов и эффекты глобализации, включая культурное давление, закономерно обусловили усиление политического присутствия ислама. Там, где острота социально-политических противоречий была очень высока, его «возвращение» приняло наиболее радикальные формы. В начале XXI в. арабский национальный проект не привел к формированию нового типа арабского общества. Процессы глобализации, наоборот, оказали дезинтегрирующие последствия на существование единого арабского мира. Разочарование в «демократических» реформах, утрата самобытности, уникальности арабского общества привела к возвращению среди населения идей политического ислама и последующим за этим исламским фундаментализмом и радикализмом.

В настоящее время в арабском мире наблюдается кризис идентичности. Современное определение понятия арабской государственности после событий «арабской весны» вновь, как и сто лет назад имеет два определения – национального и исламистского.

Литература

1. Алиев А.А. «Национальное» и «религиозное» в системе межгосударственных отношений Ирана и Ирака в XX веке. М.: ИНИОН РАН, 2006. 397 с.
2. Звягельская И.Д., Кузнецов В.А. Проблемы государственности на Ближнем Востоке // Россия и мусульманский мир. 2016. С. 133–148.
3. История Востока: В 6 т.: Восток в новейший период (1945 – 2000 гг.). М.: Вост. лит., 2008. 1095 с.
4. Кудряшова И.В. Нациестроительство на Ближнем Востоке: от мусульманской уммы к нации-государству? // Политическая наука. 2008. № 1. С. 132–166.
5. Кудряшова И.В. Пан-нации и Нации-государства в мусульманском мире: конкуренция воображаемых сообществ // Метод. 2010. № 1. С. 30–53.
6. Малащенко А.В. Ислам: век XXI. М., 2019. 230 с.
7. Панин В.Н. Политический процесс в арабском мире // Южнороссийский журнал социальных наук. 2004. № 2. С. 1–15.

Котляров И.В., Надольская В.И.***

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ КАК МЕХАНИЗМЫ ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ТРЕНДЫ)

**Институт парламентаризма и предпринимательства, Республика Беларусь, г. Минск*

***Институт государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск*

Аннотация. В статье обосновывается необходимость разработки культурного кода как носителя, хранителя и транслятора традиционных ценностей современных обществ, катализатора развития морально-нравственных ориентаций социальных субъектов, нормирования и регулирования их социально-культурной деятельности. Авторами обосновывается, что культурный код, выполняющий в истории роль механизма сохранения духовно-нравственной преемственности и этнокультурной идентичности, способствует единению народов и наций в условиях цветных революций и возрождения национализма, формированию нравственности и совершенствованию интеграционных процессов в условиях исторического разлома, обеспечивает защиту культурных ценностей от маргинализации, разрушающей традиционные связи и формы цивилизационного взаимодействия. Культурный код как способ трансляции смыслов и ценностей культуры, социального опыта и знаний, компетенций и умений в каждой конкретной цивилизационной эпохе, выполняет роль своеобразного передаточного звена между интеллектуальным капиталом и конструктивным мышлением, цивилизационной идентичностью и формированием будущего, передает мудрость предков и уникальные культурные особенности будущим поколениям. Основными структурными элементами культурного кода являются язык и смысл жизни, традиционные ценности, семья и национальный дух, традиции и обычаи, толерантность и согласие между различными конфессиями и этносами.

Abstract. The article justifies the need to develop a cultural code as a carrier, guardian and translator of the traditional values of modern societies, a catalyst for the development of moral and moral orientations of social subjects, rationing and regulation of their social and cultural activities. The authors substantiate that the cultural code, which plays the role of a mechanism for preserving spiritual and moral continuity and ethnocultural identity in history, contributes to the unity of peoples and nations in the context of color revolutions and the revival of nationalism, the formation of morality and the improvement of integration processes in the context of a historical fault, ensures the protection of cultural values from marginalization, destroying traditional ties and forms of civilizational interaction. Cultural code as a way of translating the meanings and values of culture, social experience and knowledge, competencies and skills in each specific civilizational era, plays the role of a kind of link between intellectual capital and constructive thinking, civilizational identity and the formation of the future. The main structural elements of cultural code are the language and meaning of life, traditional values, family and national spirit, traditions and customs, tolerance and harmony between different faiths and ethnic groups.

Ключевые слова: культура, код, культурный код, единение народов, ценности, будущее.

Key words: culture, code, cultural code, unity of peoples, values, the future.

«Бывали хуже времена, но не было подлей». Великий русский поэт Николай Александрович Некрасов писал об этом в XIX веке. Но он, кажется, имел ввиду XXI столетие. Действительно, и раньше были сложные периоды жизни человечества. Это Варфоломеевская ночь, Первая и Вторая мировые войны, Чернобыльская катастрофа, наконец, распад Советского Союза, который по своим последствиям оказался намного страшнее многих других общественных катаклизмов.

Сегодня человечество застыло в ужасе. Глобальные риски имеют глобальный характер. Разрушаются ценности и традиции, уничтожается историческая память, торжествуют ложь и подлость, смерть и хаос, ненависть и страх. Ситуация приближается к критической. Голод и климатические потрясения маячат на горизонте. Разумные существа уничтожают друг друга, братьев и сестер, родителей и детей, убивают мотыгами и штыками, ракетами и системами «Град». Человек перестал быть примером мужества и достоинства, честности и порядочности. Человек стал одним из самых опасных и непредсказуемых существ на Земле, способным в любой момент выйти на улицы современных европейских городов с мачете в руках и пустить его в действие. Сквозь рваную, эклектичную субстанцию человеческого пространства просматривается контур грандиозной исторической катастрофы.

В настоящее время наблюдается исторический разлом, резко меняется мировой порядок и цивилизационное мироустройство. В изменившейся социальной реальности происхо-

дит схватка не только интеллекта и финансов, технических возможностей и технологических решений, но, прежде всего, ценностей и мировоззрений, поведения и моральных оснований, смерти и вечности, любви и ненависти, свободы и произвола. Цивилизация оказывается на краю пропасти, в «кризисе кризисов», затрагивающем все аспекты бытия, но, прежде всего, культуру как основополагающий социорегулятивный механизм, как комплекс нормативов человеческого сознания и социального поведения, как источник духовного и нравственного здоровья народов и государств.

Все прошедшие кризисы и нынешние проблемы, современное состояние мировой политики и экономики, культуры и экологии, духовности и нравственности рукотворны. Это результат кризиса современной модели развития. Основная причина заключается в том, что цивилизация не прошла проверку на прочность, система общественного управления не выдержала давления различных субъективных факторов и объективных причин, а культура как основа целенаправленных цивилизационных действий оказалась в кризисе. Необходим переход на новый мировоззренческий уровень понимания существующих проблем. Императивом выживания и совершенствования цивилизации может стать новая парадигма развития человечества. Необходимо найти эффективную парадигму выхода из глобального кризиса кризисов, из состояния всеобщей бифуркации, систему, детерминирующую создание новых политико-философских и социально-культурных драйверов.

Такой моделью может стать теория цивилизационного кодирования, направленная на создание концепций, отражающих свойства внешней и будущей культурной реальности, позволяющая выйти за рамки научной рефлексии и стать настоящей потребностью общества. В основе данной теории находится идея философского осмысления и получения новых знаний о влиянии культуры на формирование социумов и обществ, выражения их в виде специфических кодов, создания парадигмы их цивилизационного развития и воздействия на формирование лучшего будущего [3], [4], [5].

Особое значение в данном случае играют коды как модели формирования конкретных сообщений. Они представляют собой совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного и темпорального пространства, в концентрированном виде фиксируют и транслируют содержание ценностей и смыслов, получившего вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры и влияющего на формирование и развитие индивидов и социумов на всех уровнях цивилизационного развития [3], [4], [5].

Стержневым понятием методологии цивилизационного кодирования является цивилизационный код как информативная система цивилизационных знаков, символов, артефактов, имеющая конкретное значение в определенном контексте и хронотопе, выступающая фундаментом культурной парадигмы. Без него трудно, практически невозможно проследить развитие человеческих отношений. Только цивилизационный код способен ответить на вопрос: могут ли белорусы когда-нибудь стать американцами, русские – французами, а китайцы – японцами. Сам цивилизационный код – это целенаправленно подобранный набор знаний генетического и биологического, социального и культурного характера, который благодаря специальным механизмам хранится, воспроизводится и передается будущим поколениям [[3], [4], [5].

Сущность цивилизационного кода выражается в его многоаспектной структуре. Он состоит из генетического, социального и культурных компонентов, которые детерминируют движение человечества в самых различных направлениях, цементируют возможности его развития, определяют смыслообразующие факторы, целенаправленное влияние на которые дает предполагаемый и ожидаемый для социума результат [3], [4], [5].

Особое значение в жизни человечества имеет культурный код. Индивид рождается, развивается и становится человеком только в культурном пространстве. Культура – это система ценностей, регулирующая жизнедеятельность личности, ее воспитание и образование, духовность и нравственность. Она должна быть присуща и доступна каждому человеку. В основе любой национальной культуры находится принцип народности. Культура – это жизнь народа, его душа, разум и сердце, прошлое, настоящее и будущее. Она должна быть присуща и доступна каждому человеку [3], [4], [5].

Известный французский философ и культуролог Мишель Фуко считал, что особое значение для понимания и выражения культуры имеют ее коды. Он отмечал, что «основополагающие коды культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменах, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [6, с. 37].

Культурный код, по мнению белорусского социолога, профессора Игоря Котлярова, – это сложившийся и закрепившийся в сознании людей строго фиксированный набор культурных ценностей и смыслов, символов и духовного опыта, устойчивый комплекс формальных и

неформальных принципов и правил хранения исторической памяти, поведенческих форматов и знаний, благодаря которым культура и социальный опыт, умения и навыки регулируют взаимодействие людей в повседневной деятельности, создают комплекс ролей и статусов, способных стать основой для развития культурных отношений. Это множественность ценностных ориентаций, предпочтений и установок культуры, сохраняющих внутреннее единство и детерминирующих дальнейшее развитие цивилизации, уникальные культурные особенности народов, традиционно укоренившиеся в сознании на протяжении длительного исторического времени [3], [4], [5]. Культурный код формируется в прошлом, бережет его достижения, движется через настоящее к будущему и детерминирует его формирование. Он является скрепом социумов и народов, обществ и государств, их онтологическим основанием.

Культурный код в философском понимании – это многоуровневый и структурно-функциональный, реально существующий и объективно действующий институт со специфическими организационными, идеологическими, субъективно-идентификационными параметрами, социальный феномен, встроенный в современное общество, высокодифференцированная по многим параметрам социокультурная практика [3], [4], [5].

Какова структура культурных кодов? Такой вопрос можно встретить как в научной, так и популярной литературе. Культурный код является отражением цивилизационной ментальности и представляет собой сложный конгломерат политических и философских, культурных и социальных, религиозных и этических, этимологических и синонимических, исторических и других представлений, приобретает особую значимость для осознания национально-культурной уникальности. В культурный код входят те жизненные смыслы, которые каждый человек видит и чувствует постоянно. Кодовые структуры являются важнейшими механизмами сохранения знаний и опыта, важнейших компонентов национальных самосознания и культур, интеграционных ценностей и социокультурных практик взаимодействия, скреплений наций и народов. Культурный код – это множественность принципов и оснований, моральных понятий и нравственных ценностей человеческой жизни, сохраняющая внутреннее единство в современном быстроменяющемся мире. Ментальность и смысл жизни, ценности и национальный дух, традиции и обычаи, традиционная мораль и семья, язык и патриотизм, толерантность и согласие благодаря культурному коду насыщают будущие поколения мудростью отцов и дедов, уникальными культурными особенностями предков [3], [4], [5].

В основе культурных кодов находится человек, его умение и душевное состояние, интеллектуальный потенциал и доверие, уникальные знания и культурные особенности, доставшиеся ему от прошлых поколений, получившие вербальное и (или) невербальное выражение в цивилизационных кластерах, обладающие интерпретативной устойчивостью и способностью создавать и предоставлять принципиально новое знание через личностные и социальные практики [3], [4], [5].

Одним из важнейших компонентов культурных кодов является язык. Он сотни лет передается от одних поколений другим, соединяет их. Мощнее и прочнее связей, чем в языке, в современном обществе нет. Он – зеркало культуры, отображающее сущность, красоту и единство прошедших, настоящих и будущих времен. Язык – это зеркало цивилизации, народное достояние и богатство, отражение мудрости и самой жизни. Это ресурс народа, неразрушимый и несокрушимый. В языке любого народа содержатся огромные ценности, выработанные прошлыми поколениями – знания о человеке и природе, истории и культуре предков, об уникальных методах и технологиях творческой переработки информации, превращении ее в знания [3], [4], [5].

В последнее время великий русский язык во многих государствах все более загрязняется и искажается, уродуется и опошляется вроде бы культурными и образованными людьми, журналистами и чиновниками, писателями и кинематографистами. Ушли из речи пословицы и поговорки, фразеологизмы, крылатые слова. Все чаще встречается нецензурная брань, слова-паразиты. Это, как и бедность словарного запаса, объясняется, прежде всего, недостатками в системе образования, отсутствием мотивации к повышению культуры в семьях, резким уменьшением количества интересных, читаемых многими людьми произведений. Кроме того, конец прошлого столетия наметил еще одну очень неприятную тенденцию: стремление в одних государствах переходить с кириллицы на латиницу, вытеснение или уничтожение русского языка в других, таким образом, оставляя тысячи граждан без величайшего человеческого достояния – русского языка [3], [4], [5].

В основе любого культурного кода находятся духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности как системы координат человеческой культуры, как ориентиры, которые детерминируют смысловое поле жизни людей, как социальные и цивилизационные, национальные и мотивационные, конфессиональные и сакральные, интегративные и другие регулятивные катализаторы субъективных действий. Они по своей сути оригинальны и неподражаемы, самобытны и устойчивы, уникальны и неповторимы. Являясь устойчивым

мотивационным образованием, ценности выполняют функции социального механизма, детерминирующего развитие человека во взаимодействии с природой и основными социальными институтами, лежат в основе государственности и являются основанием для дальнейшего развития цивилизации. У каждого народа имеются свои обычаи и обряды, традиции и праздники, отношение к любви и браку, рождению и воспитанию детей; музыкальное и песенное творчество – все это детерминировано сохранением и развитием культуры. Среди них – добро и справедливость, любовь к Отечеству и милосердие, нравственность и честность, порядочность и жертвенность. Все они при помощи культурного кода передаются будущим поколениям.

Насаждение чуждых ценностей и идеалов, вторжение в такие структуры культурного кода как язык и образование, наука и религия, семья и культурная память, без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений, приводят к разобщенности и поляризации социумов, разрушают культуру, подрывают основы политической и социальной стабильности. Попытка пересмотра основополагающих ценностей культуры наносит непоправимый ущерб социальному и нравственному здоровью общества, формирует условия для его саморазрушения, увеличивает разрыв между поколениями, порождает появление национализма и ксенофобии, фанатизма и религиозного экстремизма.

Желания у многих людей разные, но у всех из них есть что-то важное, необходимое, что в большей степени характерно для всех. Одной из важнейших жизненных ценностей культуры является вера. Человек таков, какова его вера. Верить может любой человек, с образованием и без образования, потому что вера – это Божий дар, и он распространяется на всех, – подчеркивал Патриарх Кирилл. Он призвал верующих молиться о единстве исторической Руси и укреплении Отечества. Россия непобедима, пока люди сохраняют веру и вдохновляются великим примером своих предшественников [9]. Человек не может жить без веры, ведь она основа человеческих устремлений. Логически понятия «культурный код» и «конфессии» связаны отношениями части и целого: религия есть часть культуры, аксиологически в сфере отношений ценности и оценки они равноправны. Не только религия может быть оценена с позиций культурного кода, но и культура – с позиций религии. И все конфессиональные ценности транспортируются с помощью культурного кода [3], [4], [5].

Культурный код требует, чтобы на протяжении всей истории цивилизационные ценности поддерживались на достаточно высоком морально-нравственном уровне. Важно в этом движении сохранить то лучшее, что создали предки и передали современникам. Ведь история – это фундамент культурного кода. Нация – это то, что она помнит и хранит. Мы – это то, что мы помним. Культурный код исторически детерминирован. Он формирует образы и символы, связывает прошлое, настоящее и будущее поколений, делает их народом с собственной и неповторимой парадигмой развития [3], [4], [5].

Любой народ стоит на фундаменте тысячелетней истории и должен гордиться ею. Прошлое существует благодаря исторической памяти, на страже которой находятся социологи и философы, культурологи и журналисты, простые люди, которые защищают настоящую культуру. От того, как они помнят прошлое, зависит понимание настоящего и будущего. Историческую память как важнейший компонент культурного кода, детерминируя будущее и формируя патриотизм, не терпит фальши. Поэтому много вопросов вызывают высказывания академика НАН Беларуси, который утверждал, что «если бы Суворов не разбил Костюшко, то не было бы никакой Беларуси» [2]. Очень странный культурно-исторический вывод, унижительный для Беларуси и всех белорусов.

Подобные истории в условиях жесточайшей атаки на ценности белорусского народа пытались доказать, что патриотами нации являются, прежде всего, те, кто более ста лет назад позвал солдат кайзера спасать Беларусь от России и большевизма, а не те, кто во время Великой Отечественной войны освободил Отечество от их фашистов [1].

Это стало началом атаки на Беларусь, возрождения агрессивного национализма в стране. Один из ее результатов был виден во время футбольного матча национальных сборных команд Беларуси и Германии в Борисове, где четверть стадиона болела за ФРГ. Полузащитник сборной Беларуси Иван Маевский в интервью корреспонденту «Прессбола» признался, что не понимает, как можно поддерживать чужую национальную команду [8].

Важнейшим компонентом культурного кода является семья. Она как социальный институт детерминирует первичное пространство культуры и способна в силу этого стать отправной точкой в формировании культурных кодов и ценностей. Значение семьи для формирования культуры будущих поколений важно, прежде всего, потому что именно взрослые члены семьи являются примером для подрастающего поколения.

В настоящее время мир захлестнула проблема однополых браков, Американские социологи утверждают, что более половины американцев считает, что однополые браки должны быть разрешены на всех уровнях, а гомосексуальность не выбор, а естественное состояние

некоторых людей. В Беларуси совсем другие ценности, другие моральные подходы к данному явлению. Всего 1,6% жителей Беларуси поддерживают подобный брачный союз. Только 2,0% респондентов не против того, чтобы кто-то из членов их семьи был бы в однополном незарегистрированном браке. В прошлом году на научной конференции в одной из прибалтийских стран прозвучало предложение официально разрешить половые связи между людьми и животными с перспективой регистрации подобных браков. Интересно отметить, но с 2015 года в ряде областей ФРГ открыты публичные дома для зоофилов [7].

Культурные коды представляют своеобразный способ трансляции смыслов и ценностей культуры, социального опыта и знаний, компетенций и умений в каждой конкретной цивилизационной эпохе, выполняют роль своеобразного передаточного звена между интеллектуальным капиталом и конструктивным мышлением, цивилизационной идентичностью и формированием будущего. Они являются одним из важнейших механизмов единения наций и народов благодаря сохранению языка и основных морально-нравственных ценностей, идентичности и исторической памяти, укреплению веры и семьи, формированию патриотизма и любви к Отечеству [3], [4], [5].

Культурные коды – это эффективная социально-культурная практика и теоретические исследования, историческая память и смысл жизни, идеология и мировоззрение людей, их ценности и традиции. В современных условиях «кризиса кризисов» на ведущие места в общественном сознании выходит проблема сохранения и укрепления культурных кодов как скрепов народов, формирования и трансфера веры в лучшее будущее и надежды на ее осуществление, сохранения и воспроизводства опыта и культурной идентичности, передачи их будущим поколениям [3], [4], [5].

Литература

1. Беларуская Народная Рэспубліка - крок да незалежнасці. Да 100-годдзя абвяшчэння. Гістарычны нарыс. А.А. Каваленя, В. У. Даніловіч, В.Г. Мазец. Мінск: Беларуская навука, 2018. 157 с.
2. Коваленя А. Если бы Суворов не разбил Костюшко, не было бы никакой Беларуси. / URL: <https://nn.by/?c=ar&i=235502&lang=ru&sa=X&ved=2ahUKEwi6mf-osfnmAhXxo4sKHdC1ADwQFjADegQIBhAB> (дата доступа: 10.05.2021).
3. Котляров И. Будущее как социальный проект (философско-социологические тренды) // Вестник Гродненского государственного ун-та имени Я. Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. 2022. Т. 12. № 1. С. 57–64.
4. Котляров И. Цивилизационное кодирование как важнейший тренд управления будущим, или Каким будет завтра человечества? (социологический дискурс) // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. 2021. №1. С. 159–164.
5. Котляров И.В., Надольская В.И. Культурный код как эффективный механизм создания условий для развития культуры (социологический дискурс) / Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив: материалы Международной электронной научно-практической конференции, 21 мая 2021 г. / КазГИК; науч. ред.: Р.Ш. Ахмадиева, П.П.Терехов, Д.М. Явгильдина. Казань, 2021. С. 65–70.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
7. Фурсов А. Время Босха // Завтра. URL.: http://andreyfursov.ru/news/vremja_boskha/2016-08-10-564 (дата обращения: 10.02.2022).
8. Футбол. Иван Маевский: было крайне неприятно, что на стадионе в Борисове очень много болельщиков поддерживали Германию URL: <https://www.pressball.by/news/football/342443> (дата обращения: 09.10.2021).
9. Яковлева Е. Патриарх Кирилл призвал молиться о единстве Руси и беречь православную веру. URL: <https://rg.ru/2022/04/25/patriarh-kirill-prizval-molitsia-o-edinstve-rusi-i-berech-pravoslavnuju-veru.html> (дата обращения: 09.10.2021).

Михайлова А.Г.

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ МОРСКОЙ ДОКТРИНЫ: СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И СТРАНАМИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье изучен процесс языковой подготовки обучающихся морских специальностей. Сделан вывод, что разнообразие видов речевой деятельности, характерной для работы специалистов морских направлений, непредсказуемость ситуаций общения, требуют обучения студентов не только стандартным фразам, но и навыкам межкультурной коммуникации.

Abstract. The article examines the process of language training of students of marine specialties. It is concluded that the variety of types of speech activity which is typical for the work of maritime specialists, the unpredictability of communication situations, require students to learn not only standard phrases, but also multicultural communication skills.

Ключевые слова: языковое образование, морская доктрина, обучение, межкультурная коммуникация.

Key words: language education, maritime doctrine, training, intercultural communication.

Качественные преобразования, которые происходят в отечественном образовании, требуют совершенствования языковой подготовки будущих специалистов. Как средство познания картины мира, приобщения к ценностям других культур иностранный язык давно уже стал производительной силой в современном обществе. Объединение лингвистической и культурологической направленности профессиональной подготовки специалистов морских направлений является необходимым условием иноязычного образования [1].

Изучением межкультурной коммуникации в рамках социального, политического и исторического контекстов занимались многие ученые [2], [3], [8]. Сложность структуры языковой личности в межкультурной коммуникации обусловлена её разноуровневостью и многогранностью [2]. Иноязычная подготовка рассматривается как образовательный феномен, целью которого является формирование высококультурной личности выпускника (Е.И. Пассов, Н.Д. Гальскова, Е.Н. Соловова, Е.А. Пореченкова, М.Н. Ветчинова Н.Ю. Гусевская и др.).

Целью данной статьи является определение роли языкового образования в процессе подготовки специалистов, что особенно актуально в контексте направлений национальной Морской политики. Как основополагающий документ, определяющий государственную политику Российской Федерации в области морской деятельности, Морская доктрина Российской Федерации ставит одну из основных задач – сохранение и совершенствование системы подготовки кадров, а также обучения и воспитания молодежи.

«Целостный подход к морской деятельности и дифференциация её на отдельных направлениях с учетом изменений их приоритетности в зависимости от геополитической ситуации» [4] является одним из ключевых принципов национальной Морской политики. Задачи Морской доктрины определяются темпом изменения геополитических условий, финансово-экономической и военно-политической обстановки в мире, социально-экономической ситуацией в Российской Федерации и в её отдельных регионах.

Главной направленностью Морской доктрины является поддержание безопасности судоходства грузоперевозок, развитие судоходства из портов Крыма и Краснодарского края в страны Средиземноморского бассейна, а именно туризма, рекреации, «увеличение пропускной способности морского транспорта, подключение портов Крыма к средиземноморским круизным маршрутам и развитие многофункциональных рекреационных комплексов международного масштаба» [4].

Значение российского присутствия в Средиземном море возросло также по мере эскалации сирийского конфликта, являющегося предметом особой озабоченности России [9]. Вследствие преобразований геополитических условий изменилась и роль иностранного языка в обществе. Из учебного предмета он превратился в базовый элемент современной всей системы образования, а также средство достижения профессиональной реализации личности.

Одной из общепрофессиональных компетенций специалистов является способность осуществлять профессиональную деятельность с учетом экономических, экологических и социальных ограничений, что выдвигает на первый план применения междисциплинарного

подхода к обучению межкультурной коммуникации и лингвистических механизмов коммуникации в рамках изучения Средиземноморья как региона межцивилизационных и межкультурных конфликтов.

В современной языковой политике должное внимание уделяется формированию коммуникативных компетенций, социально позволяющих им стать мобильными и конкурентоспособными на рынке труда [7]. Коммуникативная составляющая предполагает владение средствами морского английского языка. Задача профессионального труда специалиста, которая связана с использованием иностранного языка, включает целеполагание, оперативность действий, достижение результата. Такая производственная задача приближается к реальной деятельности в условиях международного судоходства.

Общение на английском языке в доках, портах, в проливах и международных морских путях осуществляется между участниками коммуникации, которые, в основном, не являются носителями языка. 27-й сессией Комитета по морской безопасности ИМО было принято решение о важности и необходимости установления уровней владения английским языком и лексического минимума, которые требуются для обеспечения безопасности мореплавания защиты морской среды. Для этой цели был выпущен словарь «Стандартные фразы для общения на море» (Standard Marine Phrases for Communication at Sea – SMCP) [5]. Использование фраз для ведения обмена на море стало одним из требований к квалификации и внесено в международные конвенционные документы (ПДМНВ 78/95), регулирующие подготовку специалистов морского профиля) [6].

Таким образом, вследствие происходящих преобразований геополитических условий, военно-политической и экономической обстановки изменилась роль иностранного языка в обществе. Достойная цель образования – воспитание духовно-нравственного человека посредством любых дисциплин, среди которых ведущее место занимают гуманитарные. Разнообразие видов речевой деятельности, характерной для работы специалистов морских направлений, непредсказуемость ситуаций общения требуют обучения студентов не только стандартным фразам, но и навыкам межкультурной коммуникации. Английский язык используется в качестве инструмента обеспечения коммуникации международного морского сообщества с целью безопасности судоходства и всестороннего развития морской отрасли.

Литература

1. Гусевская Н.Ю. Иноязычное образование как историко-образовательный феномен. // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Педагогические науки. 2011. № 1. С. 31–35.
2. Колосова А.А., Поплавская Н.В. Междисциплинарный подход к изучению и обучению межкультурной коммуникации // Русистика. 2013. С. 91–104.
3. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пособие. М.: Гнозис, 2007. 368 с.
4. Морская доктрина Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/555631869> (дата обращения: 01.03.2022).
5. IMO Standard Marine Communication Phrases. Resolution A.918 (22) Adopted on 29 November 2001. Assembly 22nd Session Agenda 9 item. 106 p.
6. International Convention on Standards of Training, Certification and Watchkeeping for Seafarers (STCW). IMO. URL: <https://www.imo.org/en/OurWork/HumanElement/Pages/STCW-Conv-LINK.aspx> (дата обращения: 04.03.2022).
7. Kruchina O., Mikhaylova A. Formation of professional and communicative skills in the study of foreign languages in maritime specialties. E3S Web of Conferences. 2018 International Science Conference on Business Technologies for Sustainable Urban Development, SPbWOSCE 2018. 2019. Volume. 110 C. 02004.
8. Martin J.N., Nakayama Th.K. Intercultural communication in contexts. Fifth edition. Published by McGraw-Hill, N.Y., 2010.
9. Nopens P. Geopolitical shifts in the Eastern Mediterranean security. Policy Brief. 2013. February. № 43. P. 2.

Ускова Е.В.

ИЗМЕНЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ НА ФОНЕ ЦИФРОВОГО СЛОМА

Российский государственный социальный университет, г. Москва

Аннотация. Автором статьи представлены изменения цифрового пространства в подростковой среде. Цель статьи рассмотреть возможные последствия санкций на российское цифровое пространство. Статья может быть полезна для социологов и работников социальной сферы как поиск факторов развития цифровой культуры в современном обществе.

Abstract. The author of the article is the change in life expectancy teenagers. The purpose of the article is to consider the possible consequences in the Russian digital space. The article may be useful for sociologists and specific areas of the social sphere.

Ключевые слова: цифровая культура, подростковая субкультура, цифровой слом, санкции.

Key words: digital culture, teenage subculture, digital scrapping, sanctions.

Тема цифровизации рассматривалась учеными в разных контекстах: внимание социологов, психологов и других деятелей было притянута к этой теме. Казалось неизбежно внедрение всех сфер жизнедеятельности в цифровую среду. Выдвигаются идеи о метаморфозе мира и появлении новой реальности социо-цифро-природного характера [3].

Корпорации стремятся создавать единые вселенные, в которых объединены все возможности интернета: развлечение, общение, работа и перемещение в реальной жизни. Такой тренд создает компания Facebook, когда создает «метавселенную Facebook» (22 марта 2022 года компания Meta признали экстремистской организацией и запретили в РФ), так же этому тренду следуют и российские компании такие как Яндекс, Сбербанк и Mail.ru создают экосистемы с интегрированными сервисами, объединенными общей идеей.

Глобальные санкции порождают цифровой слом и привычные паттерны в интернете оказываются недоступны для российского пользователя. Автор предполагает, что для подростковых субкультур эта проблема является наиболее острой. Цифровизация тела в подростковых субкультурах как правило наиболее выражена: подростковая реальность неотделима от цифрового персонажа.

Изменения привычных паттернов в интернете затронула сферу цифровых развлечений, общения, онлайн-образования и онлайн покупок. В социальных сетях произошли следующие изменения: запрет использования Instagram (22 марта 2022 года компания Meta признали экстремистской организацией и запретили в РФ) на территории Российской Федерации, TikTok приостанавливает работу в России из-за новых поправок в российское законодательство, объем выпускаемого контента российскими блогерами на Youtube сокращается из-за снятия монетизации в России.

Такие изменения вызвали увеличение скачивания vpn-сервисов, увеличение аудитории в Telegram и социальной сети «ВКонтакте». По исследованиям 2021 года ВЦИОМ среди молодежи в возрасте 18-24 лет наиболее часто используют следующие социальные сети: WhatsApp (73%), ВКонтакте (51%), Instagram (45%), Одноклассники (42%), Viber (41%), YouTube (35%) [4].

Сфера развлечений в онлайн пространстве так же трансформировалась. Существенные изменения произошли для сообщества геймеров-подростков: пропала возможность оплаты привычными способами игр в Steam, продажу игр прекратили Electronic Arts, Activision Blizzard, CD Projekt RED, Rockstar Games, Ubisoft и некоторые другие компании [5]. Субкультура геймеров наиболее ярко выражена среди подростков. Выдвигается интересный тезис о положительном влиянии гейминга на социализацию подростков [1]. Для российского научного сообщества появляется вопрос как скажется на субкультуре гейминга отстранение от мирового гейминг-сообщества. Подростки лишились возможности оплачивать игровой валютой различные артефакты в онлайн-играх. Ограничение виртуальной коммуникации уменьшит познавательный опыт среди подростков: в контексте социализации молодежи появляется ограничение «формирования более гибкого реагирования на информацию, овладение современной информационной культурой, освоение новых социально-мировоззренческих позиций при работе с сетевой информацией» [2].

Ряд социокультурных паттернов досуговых практик в интернете у подростков прервался: некоторые зарубежные онлайн-кинотеатры такие как Netflix, Megogo прекратили предоставление сервиса на территории России, а также стриминговый сервис с подпиской на музыку Spotify прекратил работу. Эти досуговые практики ранее плотно вошли в жизнь современных подростков и позволял им формировать представление о глобальной культуре. Можно сказать, что тренд глобализации массовой культуры среди подростков будет идти на спад в ближайшем обозримом будущем. Доступ к мировой массовой культуре среди подростков становится затрудненным.

Для российского пользователя произошло сокращение онлайн-платформ по обучению. Так в Udemu стала недоступна покупка курсов на территории, Coursera приостанавливает бизнес в России. Ограничение доступа к знаниям через иностранные платформы не так повсеместно для подростковой среды. Но такое ограничение может нести последствия для профессионального самоопределения подростков и их будущего карьерного становления. Теперь задача по профессиональному самоопределению лежит на российских платформах. Есть ряд проектов, которые могут частично покрыть издержки отсутствия доступа к международным платформам: проект «Национальная платформа открытого образования» и онлайн-платформа Sterik. Так же цифровой слом затронул сферу онлайн-покупок. В части досуговых практик среди подростков была популярен шопинг в магазине Shein.

Таким образом цифровая среда претерпела большие изменения из-за санкционного давления на Россию. Подростковая субкультура частично лишилась доступа к массовой культуре, прервались привычные социокультурные паттерны в цифровом пространстве в части взаимодействия в социальных сетях, досуговые практики подростков в перспективе будут трансформироваться.

Литература

- 1.Дзnelадзе, М. В. Компьютерные игры как средство развития кругозора и социализации подростков // Шаг в науку: Сборник материаловIII Международной научно-практической конференции с участием студентов, Грозный, 10 октября 2020 года. – Махачкала: Чеченский государственный педагогический университет, 2020. С. 100–103. EDN LWXFHN.
- 2.Кирюхина, Д. В. Общение подростков в сети Интернет: границы нормативности // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 3. С. 40–47. DOI 10.17759/jmfp.2021100304. EDN FKBSYF.
- 3.Кравченко, С. А. Возрастающая роль "цифрового тела" в человеческом капитале: изменения в характере коммуникаций // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 3. С. 15–28. DOI 10.21453/2311-3065-2020-8-3-15-28. EDN VIJAMV.
- 4.Социальные сети и цензура: за и против. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-cenzura-za-i-protiv> (дата обращения: 02.08.2022)
- 5.Список компаний, которые ограничили работу в России. URL: <https://rb.ru/news/spisok-kompanij-kotorye-ogranichili-rabotu-v-rossii> (дата обращения:02.08.2022)

Черткова Н.С.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАГРАДА КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ОБЩЕСТВА

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье проанализирован процесс зарождения и трансформации наградной системы на Руси и в России. Сделан вывод, что складывание наградной системы неразрывно связано с историей, традициями и ценностями государства. В связи с социальными изменениями, происходящими в обществе, изменяется и роль наград. Поэтому государство должно со всей осторожностью и обдуманностью подходить к возможным изменениям наградной системы.

Ключевые слова: Россия, наградная система, государство, общество, социальные процессы.

Abstract. The article analyzes the process of origin and transformation of the award system in Russ and in Russia. It is concluded that the formation of the award system is inextricably linked with the history, traditions and values of the state. Due to the social changes taking place in society, the role of awards is also changing. Therefore, the state should approach possible changes in the award system with all caution and deliberation.

Key words: Russia, award system, state, society, social processes.

На сегодняшний день твердо стоит вопрос о значении награды в жизни общества. Во многие исторические периоды государства узаконивали определенную систему награждений для граждан, которые отличились на фоне происходивших в стране событий. Будь это орден за боевые заслуги или медаль за достижения в области науки или культуры. Подобные награды консолидируют, то есть объединяют наиболее одаренных личностей внутри единого социума, позволяя им принимать участие в общественной жизни страны. Обладатели награды, таким образом, ставились в пример для всех остальных, закрепляя, тем самым, свой общественный статус и место в социальной иерархии.

Изучением истории формирования и развития наградного дела по наградным знакам отличия и другим, связанным с ними, источникам занимается вспомогательная историческая дисциплина – фалеристика [1, с. 19]. Наибольшее внимание фалеристика уделяет таким памятным наградам, как ордена и медали. Каждый наградный значок представляет собой социальный символ, несущий в себе смысловое значение. Он играет большую роль в материальной, политической и духовной культуре определенного государства с его самобытной историей, и в то же время является символом определенных социально-значимых действий, совершенных группами лиц или отдельными личностями [6, с. 195].

Зарождение наградной системы в России происходило в условиях образования древнерусского государства. Самым ранним обычаем награждения за ратные подвиги была золотая шейная гривна [5, с. 3]. Она получила распространение на Руси в XI–XII веках. В середине XV–XVII в. появились новые формы награждений. Это были особые наградные значки, напоминавшие по форме денежные знаки, которые можно было получить исключительно за военные заслуги [2, с. 31]. На рубеже XVII–XVIII веков, когда к власти пришел молодой Петр I, особое значение стали приобретать личные качества и заслуги человека. Тем самым, наградная система России, в ходе бурной эпохи петровских преобразований, была подвержена глобальным изменениям. С этого времени учреждаются новые награды и знаки отличия. Известно, что первой высшей наградой России стал орден святого Андрея Первозванного, утвержденный еще в конце XVIII века. [3, с. 4]. Еще одним достаточно значимым знаком отличия стал миниатюрный портрет императора. Среди тех, кто его удостоен, были ближайшие соратники Петра Великого – А. Меншиков, Дмитрий Кантемир и канцлер Головкин [5, с. 13].

Можно с уверенностью сказать, что в государственной политике наградная система является инструментом управления, с помощью которой власть реализует свои цели и задачи. С ее помощью правительство добивается стабилизации своей политической системы, укрепляя при этом свой авторитет и законность. Наградные знаки отличия служат фактическим доказательством заслуг и службы человека перед государством. Для правящих кругов характерным является использование инструментария наградной системы для идеологического воздействия на общество, например, помещая на медали государственную символику, портреты правителей или лики святых. Нужно учитывать социально-политические и культурно-психологические особенности массового сознания того или иного исторического

периода. Оказывая влияние на массы, власть может использовать награду, чтобы мотивировать граждан участвовать в крупном сражении. Например, после окончания первой обороны Севастополя (17 октября 1854 г. – 9 сентября 1855 г.) во времена Крымской (Восточной) войны (1853-1856 г.) все защитники Севастополя были награждены серебряной медалью «За защиту Севастополя» [5, с. 141]. Характерно, что появление наградных значков было связано не только с военно-политическими событиями. В 1920-е годы появляется знак ордена Трудового Красного Знамени, которым были награждены многие трудящиеся народного хозяйства за свои заслуги и упорный труд перед Советским государством [4, с. 47].

Таким образом, складывание наградной системы неразрывно связано с историей, традициями и ценностями того или иного государства. С социальными изменениями, происходящими в обществе, изменяется и роль наград. Неверные решения правящей верхушки по развитию системы наград могут привести к полной утрате контроля над наградной системой по всей стране. Поэтому государство должно со всей осторожностью и обдуманностью подходить к вопросу о возможных изменениях наградной системы.

Литература

- 1.Бурков, В.Г. Фалеристика: Учеб. пособие. М.: Российский гос. Гуманит. ун-т, 1999. 167 с.
- 2.Данилов А.Ю. Российская фалеристика: Учеб. пособие / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2002. 123 с.
- 3.Дуров В.А. Русские и советские боевые награды. М.: Внешторгиз-дат, 1990. 104 с.
- 4.Дуров В.А. Отечественные награды, 1918-1991 гг. М.: Просвещение, 2005. 256 с.
- 5.Кузнецов А.А. Ордена и медали России. М.: Изд-во МГУ, 1985. 174 с.
- 6.Малинкин А.Н. Социальная природа награды: исследование по социологии власти // Журнал социологии и социальной антропологии. С. 188–219.
- 7.Розанов О.Н. Наградные системы в политике и идеологии стран Северо-Восточной Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 356 с.

СЕКЦИЯ «Музейные коммуникации: модели, технологии, практики»

УДК 94 (477.75)“19”

DOI 10.5281/zenodo.7270845

Андреева А.И.

ОБЗОР ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ О ВОССТАНОВЛЕНИИ СЕВАСТОПОЛЯ 1944–1954 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ И ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ)

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье проведен обзор печатных источников по восстановлению Севастополя в 1944–1954 гг., выявлены категории авторов, повествующих об этапах, процессе возрождения города, дана характеристика мемуарной литературы непосредственных участников городского строительства, раскрывается их вклад в общенародное дело. Исследование является частью магистерской диссертации на тему «Обзор коллекции воспоминаний и публикаций участников восстановления Севастополя в 1944–54 гг.».

Abstract. The article reviews the printed sources on the reconstruction of Sevastopol in 1944–1954, the categories of authors, narrating about the stages, the process of the city rebirth, the characteristics of the memoirs of the direct participants of the city building are revealed, their contribution to the national cause is revealed. The research is a part of master's thesis "Review of the collection of memoirs and publications of the participants of the reconstruction of Sevastopol in 1944–54".

Ключевые слова: возрождение Севастополя, архитектура, научная библиотека, Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя.

Key words: reconstruction of Sevastopol, architecture, scientific library, Museum-reserve of the heroic defense and liberation of Sevastopol.

Научная библиотека Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя насчитывает свыше 37 тысяч источников печатной информации, посвященной истории Севастополя. Город-герой стойко пережил две героические обороны, дважды он возрождался из пепла. После окончания Великой Отечественной войны севастопольцы совершили третий подвиг – трудовой, когда за десять лет на израненной огнем и металлом земле вырос белокаменный город русской славы.

Возрождению Севастополя посвящено немало книг, но особенный интерес представляют те, которые были написаны самими участниками восстановления города с 1944 по 1954 годы. Печатные источники, авторами которых являются участники восстановления Севастополя – представители разных профессий, можно разделить на две категории: научно-популярные монографии и опубликованные мемуары. В фондах научной библиотеки содержится всего три научно-популярные монографии, рассказывающие об этапах, процессе строительства и формировании архитектурного облика города.

Уже в конце 1940-х годов вышло первое научно-популярное издание по истории Севастополя, описывавшее историю города от его основания в 1783 году до послевоенного периода. Его автор – севастопольский писатель, историк и краевед Георгий Иванович Семин. Он является автором более тридцати книг и около ста статей по истории Крыма и Севастополя, в число которых входит «Севастополь. Исторический очерк» [7], изданный Военным издательством СССР в 1955 году. История восстановления города написана с чувством и гордостью, характерной для человека, который увидел и пережил описываемые события сам. Будучи главным редактором газеты «Слава Севастополя» с 1947 по 1947 год, и газеты «Флаг Родины» с 1947 по 1956 год, Г.И. Семин долгие годы освещал процесс строительства города. Особой эмоциональностью отличаются воспоминания о первых днях в освобожденном городе, чувства всех, кто освобождал и возвращался из эвакуации в город: «Советские воины, до Севастополя освободившие от ненавистного врага сотни городов, тысячи сел и деревень, повидали уже много чудовищных разрушений, сожженных и разграбленных жилых кварталов, взорванных заводов и фабрик. Но то, что увидели они 9 мая 1944 года в городе-герое, заставило их содрогнуться». [7, с. 227].

Автор в хронологическом порядке описывает меры руководства по возвращению города к жизни: создание строительных организаций, начало черкасовского движения, опасную работу саперов, первые достижения строителей, приезд молодежи со всех уголков Советского

Союза. Г.И. Семин, помнивший довоенный город, в последней главе сравнивает облик и экономику Севастополя до и после Великой Отечественной войны, четко определяет результаты работ за десять лет. Подводя итоги к 100-летию первой обороны Севастополя, автор приводит комплекс мероприятий, подготовленных к памятной дате, в том числе воссоздание панорамы «Оборона Севастополя» в 1954 году. Георгий Иванович входит в число тех исследователей, которые сообщают, что именно в то время было запланировано создание музея второй героической обороны. Данная работа является примером исследования, которое без особых подробностей описывает историю возрождения Севастополя.

В 1975 году к 30-летию Победы над фашистской Германией вышла в свет монография двух главных архитекторов города – Артюхова В.М. и Баглей А.И. – под названием «Город-герой Севастополь» [1]. Валентин Михайлович Артюхов сыграл важную роль в послевоенном возрождении Севастополя. Под его руководством был скорректирован генеральный план 1947 года, более реальный, чем проекты его предшественников, а затем и проведение его в жизнь. Это был первый труд по градостроительной истории и архитектуре города-героя. Начиная с основания города, прослеживается история формирования облика города, специфика застройки, подробно изучается восстановление города после двух оборон, а также расписаны тенденции строительства города будущего вплоть до 1970-х годов.

Относительно проекта возрождения города в 1944–1954 годах авторы четко определяют, что должен представлять собой послевоенный Севастополь: «не копия довоенного города и не новый город на новом месте, а воссозданный Севастополь на основе лучших градостроительных традиций с проведением широкого круга мероприятия, обеспечивающих его перспективное развитие» [1, с. 70]. Используя иллюстративный материал, авторы доказывают, насколько важно вписывать проект города в местный рельеф, разрабатывать панораму города, наблюдаемую с моря. Большое внимание уделяется не только архитектуре, но и тем, кто отдал свои знания, опыт и труд делу возрождения города.

Заместитель начальника «Севастопольстроя» заслуженный строитель Дмитрий Кириллович Моторин был не только талантливым инженером, но и писателем, оставившим много статей и публикаций, большой свод личных воспоминаний и монографию «Возрожденный Севастополь» [4], в котором собрано и систематизировано большое количество материала по истории восстановления города. Он принимал участие в разработке планов, а затем и в осуществлении восстановительных работ в Севастополе. Привлекая архивные данные, личные наблюдения, публикации в газетах, он подробно раскрывает все этапы, основываясь на хронологические рамки с 1944 по 1953 год. Конечная дата объясняется, в частности, тем, что к 1953 году уже были подготовлены отчетные доклады главных инженеров с основными результатами работ по восстановлению города. Данный труд до сегодняшнего дня является самым полным и многосторонним исследованием, посвященным возрождению Севастополя. Таким образом, среди участников восстановления города написанием монографий занимались те, кто по долгу службы был связан не только со строительной, но и с издательской деятельностью.

Опубликованных мемуаров участников восстановления Севастополя в фондах научной библиотеки насчитывается также три единицы. Сборником, включающим воспоминания участников восстановления Севастополя в 1944–1954 годы, стал сборник, составленный В.Г. Кузьминой «Возрождение Севастополя» [2]. В него вошли статьи таких значимых в истории города личностей, как партийные работники А. А. Сарина и П.М. Рогачев, инженеры и строители С.И. Кангун, Д.К. Моторин, С.Д. Алмазова, и Е.А. Ребров, а также архитекторы В.М. Артюхов и А.И. Баглей.

Каждый автор придерживается своего стиля повествования и собственным предметом рассуждений. Так, второй секретарь горкома партии А.А. Сарина рассказывает историю восстановления города с позиций партийного работника, ею подробно описана работа по мобилизации населения на восстановительные работы, работа с молодежью, отмечает выдающихся строителей и инженеров, бригадиров черкасовских бригад. Будучи первым секретарем горкома ВЛКСМ, П.М. Рогачев подробно описывает работу с молодежью Севастополя и теми, кто приезжал в город по комсомольской путевке. Показателен энтузиазм молодых строителей, которые с воодушевлением приняли призыв по всему Советскому Союзу на восстановление города.

В.М. Артюхов и А.И. Баглей рассматривают поставленную задачу с точки зрения архитектурных решений, проектов по застройке города. Им, как архитекторам, необходимо продумывать планы строительства города на десятилетия вперед, чтобы он динамично развивался без перегруженности одних районов и запустения других. Артюхов подчеркивал, что декоративная архитектура Севастополя наилучшим образом соответствует холмистому рельефу местности и средиземноморскому климату, поэтому планировка центра города, фасадом развернутого в сторону моря, признается весьма удачной не только жителями, но и гостями города.

Немного иначе ведут свой рассказ инженеры и строители. Главный инженер «Севастополюсморстроя» С.И. Кангун в рассказе делает акцент на восстановление Севастополя как главной базы Черноморского флота, приводит некоторые факты из трудовой хроники треста, отмечает важную роль военных инженеров и строителей в возрождении всего города, его важных объектов: памятников, жилых домов, общественных зданий.

Заслуженные инженеры Д.К. Моторин и Н.К. Проскуряков системно подходят к освещению истории восстановления, в их статье она делится на два этапа: 1944–1948 и 1949–1954 годы. Они описывают не только задачи строительства, но и бытовые проблемы, которые возникали в ходе работы: нехватка жилья для строителей, оценка состояния предприятий, продовольствие, логистика и многие другие задачи. С.Д. Алмазова также раскрывает процесс строительства, но уже с позиций прораба. Ей было поручено восстановление хирургического корпуса городской больницы №1, кинотеатра «Победа», драматического театра и других общественных зданий Севастополя. Она делает акцент на повседневных задачах строителей тех или иных учреждений, решении сложных задач и ответственном отношении всего населения к общему делу по возрождению города.

Еще одним участником восстановления города, написавшим об этом книгу, является архитектор В.П. Петропавловский, восстанавливавший здание знаменитой панорамы «Оборона Севастополя». О своем опыте работы в Севастополе он написал две монографии – «Искусство панорам и диорам» [5] 1965 года и «Незабываемые мгновения» [6] 1995 года. В них автор описывает свою работу по воссозданию здания Панорамы, технические тонкости и особенности панорамной живописи. Особенный интерес представляют его оценка поставленных задач: «В конце октября 1948 я был вызван к главному архитектору города, где получил задачу срочно подготовить технический проект восстановления и реконструкции здания Севастопольской панорамы с тем, чтобы в начале января 1949 года его можно было утвердить в Совете министров РСФСР. Я прикинул, что 2 месяца – срок невероятно малый и, естественно, нереальный. Ведь только на один обмер руин и оставшихся обломков здания уйдет не менее 2-х месяцев – это при наличии группы проектировщиков 3–4 человека. Как выяснилось ... я пока был в гордом одиночестве, все уже были распределены» [6, –. 35].

Схожими по стилистике являются опубликованные воспоминания Комзина Ивана Васильевича, советского инженера-строителя, начальника управления по восстановлению Севастополя при Совете министров РСФСР. В 1973 году вышла в свет его автобиографическая книга «Я верю в мечту» [3], раскрывающая его жизненный и трудовой путь. Судьба познакомила его с такими значимыми для истории города личностями, как Н.Е. Басистый, В.В. Граббе, П.И. Велиховская и С.Д. Алмазова. Автор делает акцент только на начале его работы в Севастополе, впечатлениях и мыслях о разрушенном городе. Под руководством И.В. Комзина восстанавливалась Севастопольская ТЭЦ, но слов об этом, как и о другой работе по возрождению города, не сказано.

В книге появляется такой тезис, что Севастополь должен быть похож на город будущего [3, с. 341]. Действительно, в планах долго обсуждалось, каким нужно отстроить Севастополь: вернуть прежний облик города или кардинально изменить его планировку. В связи с этим было разработано несколько первых генеральных планов города, которые хоть и отвечали бы задачам построения нового общества, но были нереалистичны. Книга И.В. Комзина представляет определенную ценность в раскрытии первых партийных решений по возрождению Севастополя. Данная книга была подарена научной библиотеке автором 20 октября 1973 года, о чем свидетельствует дарственная надпись «С глубоким уважением работникам музея ГООС».

Таким образом, научная библиотека Музея-заповедника содержит небольшое количество книг, написанных участниками возрождения Севастополя. Из них большая часть была написана в 1970–80-е годы, уже по завершении строительства. Монографические источники обладают информативностью и структурированностью изложения, поскольку они основываются не только на личном опыте, но и на привлечении архивных и иных источников. Бытовую и эмоциональную составляющую процесса восстановления больше раскрывают мемуары, отражающие личное отношение автора к происходившим событиям.

Литература

1. Артюхов В.М., Баглей А.И. Город-герой Севастополь. М.: Стройиздат, 1975. 206 с., илл.
2. Возрождение Севастополя: сборник / сост. В.Г. Кузьмина. Симферополь, Таврия, 1982. 144 с.
3. Комзин И.В. Я верю в мечту. М.: Политиздат, 1973. 368 с.
4. Моторин Д.К. Возрожденный Севастополь. М.: Наука, 1984. 270 с.
5. Петропавловский В.П. Искусство панорам и диорам. Киев: Мистецтво, 1965. 66 с.
6. Петропавловский В.П. Незабываемые мгновения. Севастополь, 1995. 65 с.
7. Семин Г.И. Севастополь. Исторические очерки. М.: Воениздат., 1955. 552 с.

Бойцова Е.Е. *, Семенихина Н.В. **

ФОРМЫ ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ РАБОТЫ МУЗЕЙНОГО ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «35-Я БЕРЕГОВАЯ БАТАРЕЯ»**ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь****Музейный историко-мемориальный комплекс «35-я Береговая Батарея»*

Аннотация. Статья посвящена анализу экспозиционно-выставочной деятельности музейного комплекса «35 Береговая батарея», в том числе процессов создания основных экспозиций и временных выставок, основанных на экспонатах из фондовых коллекций музея.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the exposition and exhibition activities of the museum complex "35-Coast Battery", including the processes of creating the main expositions and temporary exhibitions based on exhibits from the museum's stock collections.

Ключевые слова: экспозиционно-выставочная деятельность, Музейный историко-мемориальный комплекс «35-я Береговая Батарея», Великая Отечественная война.

Key words: exposition and exhibition activity, Museum Historical and Memorial Complex "35th Coastal Battery", Great Patriotic War.

Береговая батарея № 35 как фортификационный объект – одно из главных фортификационных сооружений береговой обороны Севастопольского оборонительного района, одна из двух батарей Севастополя 305-мм калибра. В июле 1942 года именно территория вокруг батареи стала местом последних боев за Севастополь, которые сегодня называют Героической трагедией. Подлинные казематы, сохранившие следы боев должны были стать местом памяти погибших и попавших в немецкий плен защитников города. Работы по созданию Музейного историко-мемориального комплекса «35-я Береговая Батарея», проводились на протяжении пяти лет с 2008 по 2012 год. Торжественное открытие комплекса состоялось 5 мая 2012 года. История создания музейного комплекса является уникальной, не только для Севастополя, но и для России, т.к. один из самых посещаемых севастопольских музеев создавался общественной организацией без государственного финансирования [5], [6].

Круглогодично для посетителей Музейного историко-мемориального комплекса «35-я Береговая Батарея», посвященного подвигу последних защитников Севастополя в годы Великой Отечественной войны доступны постоянно действующие наземная и подземная экспозиции. Наземную экспозицию гости музея осматривают самостоятельно, а подземную, расположенную непосредственно в казематах батареи, только в сопровождении экскурсовода в составе экскурсионных групп. Музей «35 Береговая Батарея» является единственным музеем Севастополя, посещение которого является бесплатным. Экспозиционно-выставочная деятельность мемориального комплекса включает в себя:

- 1) наполнение экспонатами внешней экспозиции, расположенной на открытой территории комплекса;
- 2) подготовку новых экспозиций в подземных казематах батареи;
- 3) проведение временных тематических выставок, составленных из экспонатов фондов;
- 4) организацию совместных выставок с архивами Севастополя, другими музеями, военно-историческими клубами, поисковыми организациями.

Особое внимание в экспозиции музейного комплекса уделяется разделу «Возвращенные судьбы», который постоянно пополняется в результате совместной научной работы сотрудников музея и поисковых отрядов.

К знаковой дате – дню начала обороны Севастополя 30 октября музейный комплекс «35 Береговая Батарея» традиционно открывает новую выставку. За годы работы музея было проведено 18 выставок, посвященных не только эпизодам и участникам обороны Севастополя, но и событиям Русской весны. Ранее в музее были представлены выставки, посвященные истории подвигов участников битвы за Севастополь, где было освещено десять судеб бойцов. «Три минуты войны Бориса Шейнина» – так называлась выставка работ севастопольского фотокорреспондента Бориса Григорьевича Шейнина, созданная на основе архива автора [7]. 23 февраля 1916 года открылась выставка «Забывтый полк», посвященная истории Запасного артиллерийского полка ДОТов и ДЗОТов. Создание экспозиции стало возможным благодаря многолетнему труду севастопольских поисковиков из отряда «Береговая оборона». Бойцы поискового отряда под руководством командира А.В. Неменко занимаются исследованием и расчисткой сохранившихся огневых точек и по скромным находкам восстанавливают боевой

путь полка. К 75-летию начала второй героической обороны Севастополя в конференц-зале музейного комплекса была открыта выставка «Начало бессмертия». На этой выставке были представлены архивные фотографии, материалы о боевом пути и послевоенной судьбе пятерых курсантов – ветеранов курсантского батальона Военно-морского училища береговой обороны, которые одними из первых встретили врага на подступах к Севастополю осенью 1941 года. Николай Федосеевич Баранов, Александр Романович Глушаков и Иван Григорьевич Мацигор присутствовали на открытии выставки, Лазарь Наумович Ройтенбург и отметивший своё 97-летие Николай Фёдорович Тарасенко, к сожалению, посмотреть ее не смогли из-за плохого самочувствия. Их воспоминания, истории, рассказанные от первого лица, легли в основу экспозиции. Выставка была открыта в 2016 году, на сегодняшний день из ее героев в живых никого не осталось. Последним 6 июля 2018 года ушел из жизни Иван Григорьевич Мацигор [5].

В 2017 году открылась необычная выставка, рассказывающая не о боях и подвигах, а об обычной жизни в окопах на передовой и получила название «По-фронтовому». Название подсказало письмо бойца Николая Колмогорова, хранящиеся в фондах музея, в котором есть такие строки: *«Добрый день, мамочка! Я жив-здоров, живу сама знаешь, как. По-фронтовому»* [3]. На выставке экспонировалось более 80 предметов, найденных на местах боев: ложки, бритвенные приборы, кружки, пробитый осколком котелок. О бытовой стороне жизни почти нет или крайне мало упоминается в документах. Особым украшением выставки стала реконструкция внутреннего помещения землянки, сделанная в натуральную величину, а также серия архивных фотографий.

«Как вместо свинца в бой бросали сердца» – так называлась выставка, посвященная военным медикам. В витринах были размещены подлинные предметы, найденные на оборонительных позициях под Севастополем, а также на местах размещения госпиталей, медсанбатов и медицинских пунктов периода 1941–1942 гг. С использованием подлинных предметов воссоздан интерьер полкового медицинского пункта. На выставке 2018 года были представлены материалы о судьбах 52 врачей, военных фельдшеров, санитаров, участников обороны Севастополя [4].

«Зенитное братство Севастополя» – такое название получила выставка 2019 года. Название заимствовано из книги участника обороны города, бывшего командира 54-й зенитной батареи Е.А. Игнатовича [2]. Выставка была посвящена героям-зенитчикам, в основу ее концепции были положены воспоминания начальника ПВО Севастополя полковника Жилина [1]. В следующем году выставку решено было посвятить военным шоферам, она прошла под названием «Их дороги». Выставка создана в сотрудничестве с общественной организацией реконструкторов «Автомобильно-мотоциклетная группа «Красная Армия».

В 2021 году новая выставка была посвящена участию береговой артиллерии в боях за Севастополь. К созданию выставки «Береговая оборона в боях за Севастополь» подтолкнул новый экспонат – уникальное издание 1942 года – брошюра Политуправления Черноморского флота «Береговая оборона в боях за Севастополь». Выставки, рассказывающей о роли артиллерии в ходе боев за Севастополь, в музее ранее не проводилось. Именно с залпов береговой батареи № 54, находившейся в 40 километрах от Севастополя в поселке Николаевка, и начался отсчет 250-ти дней второй героической обороны города. Для создания этой выставки сотрудниками музейного комплекса «35 Береговая Батарея» были подобраны уникальные документы, фотографии и другие музейные предметы из фондов музея, повествующие о подвигах советских артиллеристов, оборонявших Севастополь, и истории береговых батарей нашего города.

Цель создания музейного комплекса «35 Береговая Батарея» – сохранить память о Героической Обороны Севастополя 1941-1942 гг. и рассказать о ней как можно большему числу людей – безусловно реализуется. Популярность музея растет с каждым годом, посещаемость в 2021 году составила 113 567 человек. Это дает большой стимул к созданию новых экспозиций и выставок, лекционных занятий, телевизионных и интернет-проектов.

Литература

1. Жилин. И.С. Воспоминания. Рукописный текст. // Фонды Музейного историко-мемориального комплекса «35-я Береговая Батарея». № 5/2013-1/2.
2. Игнатович Е.А. Зенитное братство Севастополя / лит. запись С. Вигучина. К.: «Политиздат Украины», 1986. 264 с.
3. Колмогоров Н.Ф. // База данных «Мемориал 35 Береговой батареи». № 4073.
4. Лаврентьева В.Е. Медики в обороне Севастополя // Огненные дни Севастополя / составитель П.Е. Гармаш. Симферополь: «Таврия», 1982. С. 190-196.
5. Сайт «35-я береговая батарея». Режим доступа <http://35battery.ru/index.php/ru/home.html>
6. Устав ЧУСМИК «35-я береговая батарея» // Архив Музейного историко-мемориального комплекса «35-я Береговая Батарея».
7. Шейнин Б.Г. В объективе – война. Из блокнота военного фоторепортера. Севастополь: «Телескоп», 2015. 368 с.

Горбачева А.Ю.

ФОРМЫ РАБОТЫ С ДЕТСКОЙ АУДИТОРИЕЙ В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. Патриотическое воспитание через культурно-просветительскую деятельность военно-исторического музея является эффективной формой работы с детской аудиторией. Целью исследования является изучение практических приемов, используемых в современных музеях, а также выявление новых, требующих дальнейшего усовершенствования.

Abstract. Patriotic education through the cultural and educational activities of the Military History Museum is an effective form of work with a children's audience. The purpose of the study is to study the practical techniques used in modern museums, as well as to identify new ones that require further improvement.

Ключевые слова. Детская аудитория, патриотическое воспитание, культурно-просветительская работа, военно-исторический музей, изучение истории через музей, сохранение истории.

Key words: Children's audience, patriotic education, cultural educational work, military history Museum, history study through the museum, history storage.

Одним из важнейших направлений музея является культурно-образовательная работа. Ее цель – разработка и применение на практике программ для работы со всей музейной аудиторией. Ведущим направлением в военно-историческом музее является работа с детской аудиторией, так как в основе ее лежит патриотическое воспитание, оно, наряду с другими направлениями, является основополагающим в формировании гражданской позиции. Этот процесс воспитания, направлен на формирование патриотического сознания, формирования ценностей, чувств, отношений, убеждений и мотивов служения Отечеству [4].

Все этапы развития культуры и образования были связаны с изучением исторического прошлого поэтому история Отечества лежит в основе патриотического воспитания. Основными его приемами являются приобщение к боевым традициям народа, почитание его побед, организация военно-патриотических игр, налаживание взаимосвязи между молодежью и воинскими коллективами. Один из принципов патриотического воспитания – это принцип историзма, требующий любое историческое событие изучать в развитии и с учетом конкретной ситуации. Именно поэтому военно-исторические музеи ведут культурно-образовательную деятельность, целью которой и является глубинное и всестороннее понимание истории Отечества. Стоит отметить, что патриотическое воспитание является системным процессом поэтому в перспективном плане каждого музея распланирован ряд мероприятий, таким образом они в полной мере реализует культурно-образовательную работу. Нужно понимать, что наряду с термином «культурно-образовательная деятельность» продолжает использоваться определение «научно-просветительская деятельность музея» [3].

На современном этапе развития музеев вопросами научно-просветительной деятельности занимается такое структурное подразделение, как научно-методический отдел, а его функциями являются: подготовка методических рекомендаций и текстов по темам музейных экспозиций и выставок, реализация экскурсионных программ, организация экскурсий, лекций, выставок и мероприятий в музее. Базовыми основами современной культурно-образовательной деятельности являются музейная педагогика и теория музейной коммуникации.

Сама деятельность строится на дифференцированном подходе к музейной аудитории и оценивается по социальному эффекту [2]. К особенностям работы с детской аудиторией стоит отнести как возраст, так и методические требования по проведению мероприятий, целью которых является знакомство с военной историей. Детская аудитория делится на несколько групп: дети дошкольного возраста, учащиеся средних учебных заведений (младшего, среднего и старшего школьного возраста), молодежная аудитория – студенты и другие социальные группы молодежи. Таким образом для каждой из вышеперечисленных возрастных групп существуют свои критерии и методы проведения культурно-просветительной работы.

Существуют различные виды работ с детской аудиторией как внутри музея, так и за его пределами. В зависимости от поставленной цели, это экскурсии, обзорные и тематические, на базе стационарных экспозиций и выставок, экскурсии с элементами интерактивности, лекции музейные (в помещении музея), а также выездные. Лекции с использованием фондовых коллекций (лекции-показы), циклы лекций, лектории, тематические культурно-просветительные мероприятия. Музейно-педагогические мероприятия – занятия, циклы

музейно-педагогических занятий, музейно-педагогические программы, интерактивные мероприятия - ролевые игры (исторические, деловые, проектные), кружки, студии на базе музея. Культурно-зрелищные мероприятия, литературно-музыкальные вечера, концерты, встречи с замечательными людьми, массовые мероприятия, культурные акции. Музейные праздники, презентации, фестивали, торжественные акции и культурно-образовательные массовые мероприятия - конкурсы, олимпиады, культурно-образовательные формы общения. Клубы, объединения, общества и культурно-образовательные проекты.

Все перечисленные формы работы успешно используются музеями в направлении патриотического воспитания, однако в настоящее время все большую популярность обретает такая форма как квест. Термина, определяющего что такое квест, как и его классификации, на сегодняшний день в музеологии, и в педагогике нет, но изучая программы музеев, мы все чаще встречаем его. К разновидностям квестов можно отнести следующие: квест-игра, квест-экскурсия, музейный квест, живой квест, квест – путешествие, квест-исследование и др. [1]. Преимуществом квестов, в отличие от традиционных видов культурно-образовательной деятельности музея, является игровая форма проведения, что изначально вызывает не поддельный интерес у дошкольников и школьников среднего звена общеобразовательных организаций. Квест обладает интерактивностью, что предполагает быстроту реакции ответа и ограничение во времени. Для старшеклассников и студентов наиболее подходящим является квест-исследование, в котором необходимо активизировать накопленные знания, отвечать на вопросы, работать в коллективе. Квест относится к инновационной форме работы и является гибридом традиционной экскурсии и игры, лекции и логического мышления, массового мероприятия и непосредственного участия в нем.

В завершение исследования, хочется сказать, что все формы работ с детской аудиторией в военно-историческом музее модифицируются, в соответствии с современными требованиями молодого поколения. Внедрение медийных технологий, «живых» элементов истории в музейные экспозиции, совмещение классических форм с инновационными, профессиональный рост музейных работников является закономерным процессом развития современного музееведения.

Литература

1. Дымникова М.Ю / Квест как форма музейно-педагогической деятельности // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс].<https://cyberleninka.ru/article/n/kvest-kak-forma-muzejno-pedagogicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения 22.03.2022)
2. Каулен М.Е., Сундиева А.А. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 54.
3. Мусина В.Е. Патриотическое воспитание школьников: учебно-методическое пособие. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013.156 с.
4. Словарь музейных терминов: Сборник научных трудов. М.: ГЦМСИР, 2010. С. 122.

Дмитриев Д.С., Покровская А.Ф.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ (1917–1922 ГГ.) НА ТЕРРИТОРИИ СЕВАСТОПОЛЯ

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. Данное научное исследование рассматривают один из самых проблемных вопросов в истории России – Гражданскую войну 1917–1922 гг., акцентируя на одном из его эпизодов – событий в Крыму и Севастополе. Исследование затрагивает сферу культуры и музееведения в указанный период. Революция в России и последовавшая за ней Гражданская война стали переломными событиями в судьбе Крымского полуострова и Севастополя. В течение четырех лет Крым был ареной борьбы различных политических сил, иностранных вторжений. Одной из самых трагических страниц в годы гражданской войны стал Также Исход 1920 г.

Abstract. This scientific study examines one of the most problematic issues in the history of Russia - the Civil War of 1917–1922, focusing on one of its episodes – the events in the Crimea and Sevastopol. The research concerns the sphere of culture and museology in the specified period. The revolution in Russia and the Civil War that followed it became turning points in the fate of the Crimean Peninsula and Sevastopol. For four years, Crimea has been the scene of a struggle between various political forces and foreign invasions. One of the most tragic pages during the Civil War was also the Outcome of 1920.

Ключевые слова: Гражданская война, Крым, Севастополь, история, современность, музейная деятельность, культурно-просветительная деятельность.

Keywords: Civil War, Crimea, Sevastopol, history, modernity, museum activities, cultural and educational activities.

Развитие исторических музеев является приоритетным для Российской Федерации, так как молодое поколение должно придерживаться главного принципа – принципа историзма при изучении истории Отечества, родного края, патриотического потенциала страны. На сегодняшний день, наиболее эффективным знакомством с историей отечества в культурно-массовом пространстве, является экспозиция. Экспозиция – это наиболее популярная, наглядная и информативно дополненная форма, используемая в музейной деятельности.

На данный момент в Крыму начинается этап развития подачи истории подрастающему поколению в виде экспозиционных выставок, научных мероприятий и т.п. Проблемные вопросы истории Отечества требуют дальнейшего изучения и для этого необходимо образовывать новые институты по их изучению. Музей является социальным институтом, который занимается выявлением, изучением и хранением проблемных вопросов истории в связи с чем считаю, что расширение музейной сети является первостепенной задачей для нашего государства. Что касается истории Крыма и Севастополя, событий, происходящих в тяжелые годы гражданской войны, то освещение их является неотъемлемой частью патриотического воспитания молодежи. Во все времена, музейщики трепетно берегли коллекции, защищали, порой рискуя собственной жизнью, вывозили за пределы места их постоянного хранения и годы гражданской войны не стали исключением.

Год 1917-й стал переломным моментом в истории Российского государства. Февральская, а затем Октябрьская революции разрушили основы прежнего государственного устройства бывшей Российской империи. Борьба за власть породила гражданскую войну. Ранее мирно жившие народы стали враждовать между собой, доходя до истребления по национальному или религиозному признаку. Временное правительство, созданное в годы гражданской войны, стремилось провести преобразования в соответствии со своей идеологией. Гражданская война 1918–1920 годов стала испытанием на определение статуса Крыма. Тогдашняя неопределенность породила разруху. Несовершенство власти привело к братоубийственной войне, а исторические ценности и документы уничтожались, вывозились и продавались. Положение провинциальных научных учреждений было критическим. В это время получала широкое распространение идея консолидации интеллектуальных сил.

В годы Гражданской войны самые известные музеи Севастополя сумели сохранить свои здания и экспозиции. В ноябре 1920 г., после прихода Советской власти, на заседании специальной комиссии Севастопольского ревкома, посвященной 10-летию смерти А.Н. Толстого, было высказано предложение об организации в Севастополе дома-музея А.Н. Толстого [3, с. 31].

Деятельность музея, с началом советизации, должна была быть увязана с задачами социалистического строительства. Такой подход полностью соответствовал новой культурной

политике советского государства. 23 мая 1926 г. после долгой реорганизации был открыт Военно-исторический музей. В него была перенесена большая часть материалов Севастопольского музея краеведения, которые разместили по принципу общественно-экономических формаций. Материалы экспозиции сопровождалась плакатами с изречениями из сочинений классиков марксизма и В. И. Ленина. Как подчеркивал В. В. Акимченков: «Это явилось лишь первым шагом на пути преобразования Музея Севастопольской обороны в Военно-исторический музей» [1, с. 4].

Официальное открытие Севастопольского музея революции имени В.И. Ленина состоялось 10 июня 1928 г., хотя история его создания восходит к 1924 г., когда было принято соответствующее решение Исполнительного комитета городского совета депутатов трудящихся. Руководство сбором материалов для музея осуществлял Севастопольский отдел истории партии (создан в 1920 г.) при содействии Общества политкаторжан (этоХто?). К началу 1925 г. удалось собрать большое количество фотографий, писем, воспоминаний участников Севастопольского вооруженного восстания 1905 г. и моряков с эскадренного броненосца «Князь Потемкин Таврический», в том числе и материалы судебных процессов. По периодам революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг. были собраны коллекции газет, листовок и плакатов.

Объединение Севастопольских музеев в рамках одной организационной структуры с точки зрения авторов этой идеи должно было помочь *«предотвратить нежелательные параллелизмы в работе отдельных музейных учреждений», «устранить упущения в использовании того или иного материала в силу недоговоренности между отдельными музеями», добиться значительного «сокращения расходов по управляющему аппарату»,* координировать хозяйственную и организационную работу, объединить, группируя вокруг единого музейного центра, культурные и научные силы города. В состав Севастопольского музейного объединения вошли: военно-исторический музей, Государственный Херсонесский историко-археологический музей, Севастопольский музей революции, Севастопольская картинная галерея, Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.», Севастопольский музей краеведения, Музей пещерных городов и т.п. [3, с. 67].

Во второй половине XX века музеи Севастополя принимали активное участие в проведение различных исторических праздников, юбилеев, компаний, организуя научные конференции, выставки, реализуя разнообразные издательские проекты. Музей героической обороны и освобождения Севастополя участвовал в общесоюзном смотре памятников и памятных мест в честь 60-летия образования СССР. Все больше внимания в своей работе коллектив музея стал уделять не столько «изучению, пропаганде и выполнению решений и постановлений партии, правительства, съездов народных депутатов по вопросам развития культуры», сколько «созданию будущих экспозиций во Владимирском соборе [4, с. 77].

После распада СССР работа музеев также как и сама подача истории изменилась. Больше стало выходить на 1-е место анализ источников, и аналитический взгляд не с одной стороны – советской, а с двух т.е. рассматривается точка зрения белогвардейцев. На данный момент идет развитие изучения спорного этапа в истории Российского государства, но для продолжения развития этапа нужно сделать ставку на изучение подачи истории данного периода в СССР, а после современную подачу истории. Этот сравнительный анализ нужно провести для того, чтобы сравнить мировоззрение советского периода и нынешнего времени. Собрать эти два взгляда на истории под одним – анализирующим взглядом всех сторон. Но не стоит ещё забывать о строительстве музеев по теме Гражданской войны в России. И для начала этого территория г. Севастополя и п-ова Крым отлично подходит для этого.

Итогом данного тезиса я считаю, что нужно сделать акцент на открытие музеев по спорным моментам истории страны. Одним из таких моментов в истории является Гражданская война в России (1917–1922 гг.). Для начала развития музейного дела по данной тематике считаю важным открытие музея на территории полуострова Крыма и города Севастополя. Изучение истории своей страны и патриотическое воспитание молодежи сейчас играет важную роль. Куда-то переместить, в вывод может.

Литература

1. Акимченков В.В. В борьбе за советский патриотизм: Севастопольское музейное объединение (1928–1940). М.: Симферополь: Антиква, 2015. 244 с.
2. Акимченков В.В. К истории военно-исторического музея Севастополя в конце 20-х – 30-е гг. XX века // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2013. Т. 26 (65). № 2. С. 3–14.
3. Бойцова Е.Е., Онучина М.В. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы. Севастополь: Рибэст, 2011. 116 с.
4. Шавшин В. Г. Бастиионы Севастополя: путеводитель. Симферополь: Таврия, 1989. 112 с.

ОСОБЕННОСТИ ОТКРЫТКИ КАК МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА: ПРИНЦИПЫ ОТБОРА В КОЛЛЕКЦИЮ

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье изучены основные принципы и особенности отбора почтовых открыток в музейную коллекцию. Сделан вывод, что при отборе необходимо учитывать особенности открытки и как визуального, и как документального источника, и делать соответствующие записи при составлении ее научного описания.

Abstract. The article examines the basic principles and features of the selection of postcards into the museum collection. It is concluded that during the selection it is necessary to take into account the features of the postcard as a visual and documentary source, and make appropriate notes while compiling its scientific description.

Ключевые слова: музей, открытка, научное описание.

Key words: museum, postcard, scientific description.

Открытка представляет собой не только средство коммуникации из прошлого: когда люди отправляли открытки к памятным датам и семейным праздникам по почте; но и образец культурного наследия. С помощью открыток можно отследить историю города, который на них изображен: как менялась архитектурный стиль города, названия улиц, какие здания исчезли с течением времени. Это ценно для специалистов, изучающих историю города и людей, которые жили в нем. Первая почтовая открытка появилась в 1869 году, но уже спустя 6 лет, в 1875 году в странах-членах Всемирного почтового союза было послано 231, 5 миллиона открыток [2, с. 27]. Интерес к изучению открытки способствовал появлению такой науки, как филокартия. Изначально, филокартия представляла собой собирание иллюстрированных почтовых открыток. Однако, с 1970-х годов, исследователи отмечали, что филокартия станет прикладной отраслью исторической науки [1, с. 3]. Это подтверждается существованием различных научных работ в области изучения открыток и возрастающим интересом к написанию таких работ. Изучение открытки способствует в исследованиях самых различных тем, в зависимости от типа открытки. Тип определяется тем, что на ней изображено, по этому же принципу коллекционеры-филокартисты собирают свои коллекции.

Считать открытку музейным предметом стали недавно, и многие музейные специалисты неоднозначно относятся к такому музейному предмету. Это обусловлено тем, что работа с данным предметом вызывает определенные проблемы. Прежде всего, это касается такой части музейной работы, как комплектование. Разница здесь заключается в том, что открытки отбираются в коллекцию филокартиста и в коллекцию музея по-разному. Филокартисты отбирают открытки по определенной теме изображений, хронологическому периоду, месту издательства и так далее. То есть, отбор происходит целенаправленно. В свою очередь, непрофильный музей, то есть не музей открытки или художественный музей, считает филокартические коллекции специфичным материалом. В музеях профильных, открытка комплектуется как вид печатной продукции или часть изофонда. В краеведческие музеи открытки попадают случайно и обычно принимаются в основной фонд по причине принадлежности к личности человека, по которому музей собирает личные фонды. По сути, открытка является мемориальным предметом, например, фронтовые открытки. Их значение и ценность для хранения и экспонирования бесспорны. Если коллекция поступает целиком, то ее не разделяют, даже если открытки в плохой сохранности или имеются дубликаты.

По мере собирания коллекции открыток, рекомендуется составлять описание коллекции. «В опись вносят фамилию и инициалы художника, годы жизни, название картины, краткое содержание, если эта картина на какой-либо сюжет, год ее написания, музей, где находится, названия издательства и номер открытки, если есть» [3, с. 121]. Для более подробного изучения открытки необходимо научное описание. Здесь возникает сложность в связи с тем, что большая часть тиражированных открыток относится к предметам печатной продукции, однако, к разделу документов относятся различные почтовые карточки с пометками, подписями, штампами, а также фотоколлажи с личными фотографиями. При составлении научного описания необходимо учитывать особенности описания как документальных, так и изобразительных музейных предметов.

Литература

- 1.Белецкий Я.М., Грейзер Г.Н. О чем поведала открытка. Москва, «Связь». 1978 г. 104 с.
- 2.Тагрин Н.С. В поисках необычного. Л.: Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР, 1962. 70 с.
- 3.Твоя коллекция. Монеты, марки, этикетки, открытки. Москва, «Молодая гвардия», 1963 г. 122 с.

Островская И.В.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ ВРАНГЕЛИ. КТО ОНИ?

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье впервые обобщены и проанализированы сведения из семейного архива Любови Михайловны Врангель, известного советского архитектора, яркого представителя севастопольской ветви рода Врангелей. Так же в ходе научно – исследовательской работы с фондами Музея – заповедника героической обороны и освобождения Севастополя, центральными российскими архивами определен состав, биографические данные представителей севастопольской ветви, раскрывается их вклад в становление городской и отечественной архитектуры, формирование общественной среды и культуры Севастополя. Выявленные и систематизированные сведения способствуют формированию целостной картины истории известного рода в России.

Abstract. For the first time, the article summarizes and analyzes information from the family archive of Lyubov Mikhailovna Wrangel, a famous Soviet architect, a bright representative of the Sevastopol branch of the Wrangel family. Also, in the course of research work with the materials of the family archive, the funds of the Museum – Reserve of the Heroic Defense and Liberation of Sevastopol, the central Russian archives, the composition is determined, the characteristics of the representatives of the Sevastopol branch are given, the contribution of its representatives to the formation of urban and domestic architecture, the formation of the social environment and culture of Sevastopol is revealed. The identified and systematized information contributes to the formation of a holistic picture of the history of a certain kind in Russia.

Ключевые слова: городской архитектор Севастополя, Чоргунь, благоустройство, Союз архитекторов СССР, советское жилищное строительство, политические репрессии.

Keywords: Sevastopol city architect, Chorgun, landscaping, Union of Architects of the USSR, Soviet housing construction, political repression.

До недавнего времени Севастопольская Врангелиана являлась белым пятном в истории знаменитого рода. С осени 2011 года по инициативе Е.Г. Овечкина, питерского краеведа и действительного члена Российского Географического общества, в серии «Российская Врангелиана – Wrangeliana Rossica» стали издаваться биографические очерки о представителях известного рода, живших и творивших в России. Отдельная монография, увидевшая свет в 2011 году, была посвящена и главному городскому архитектору Севастополя с 1922 по 1938 гг. Михаилу Александровичу Врангелю [3]. Правда, немного ранее, на Интернет-ресурсе «Графская пристань» под авторством И.В. Островской уже вышла статья о нем под названием «Городской архитектор Врангель М.А.: судьбы репрессированных севастопольцев» [5]. Эти опубликованные исследования и положили начало более подробному изучению истории Севастопольских Врангелей. А уже в 2022 году при совместном участии хранителя семейного архива городского архитектора А. Кузнецова (Москва), потомка рода Е. Агашириновой (Санкт-Петербург) и «Музея-заповедника героической обороны и освобождения» была организована отдельная выставка под названием «Малоизвестные Врангели», которую на бесплатной основе посетили сотни экскурсантов.

Врангели - графы, бароны и дворяне датского происхождения. Сведения об этой древней фамилии восходят к началу XII столетия. Родоначальник рода Врангелей принадлежал к числу вассалов короля Вальдемара II, оставленных им в Эстляндии, после ее первого завоевания [1]. В замке "Revele" (впоследствии город Ревель) был поставлен в 1219 г. датский гарнизон, во главе которого находилось известное число «мужей короля» и между ними значился Dominus Tuki Wrang, потомки которого назывались сначала de Wranghele, Wrangle, а затем Врангели. Больше всего Врангели выдвинулись на военном поприще, на службе не только Дании и Швеции, но и в Германии, Австрии, Голландии, Испании, а впоследствии и в России. На русской службе они появились в последний период Семилетней войны, затем участвовали в русско-турецких войнах. Из них было 18 генералов, 2 адмирала. В XVI веке род Врангелей распался на 20 самостоятельных линий. В настоящее время представители русских линий рода Врангелей по своей численности занимают первое место, на втором и третьем местах представители шведских и прусских линий (ветвей).

Судьбы некоторых представителей рода Врангелей связаны с Севастополем и Крымом. Четверо из них участвовали в военных операциях на Дунае и Кавказе в годы Крымской

войны 1853–1856 гг. и были отмечены высшей военной наградой Российской империи – орденом Святого Георгия.

Значительный вклад в становление и развитие военной гидрографии, исследование Черного и Азовского морей внес Фердинанд Фердинандович Врангель, а имя Петра Николаевича Врангеля тесно связано с окончанием Гражданской войны на юге России и с организацией эвакуации Белой армии и гражданских беженцев за пределы России. В этот период многие представители рода Врангелей уехали за границу. Жизнь вдали от родины разбросала их по всему свету (Сербия, Франция, Бельгия, США, Канада и др.), но были и те, кто остался в Советской России, отдавая все силы на «дело общественного благоустройства».

Малоизвестной остается история севастопольских Врангелей, их можно отнести к ветви «Коил» (House Koil). Она восходит к доктору и гоф-акушеру при Высочайшем дворе Карлу Фёдоровичу Врангелю, затем переходит к его сыну, Александру Карлович Врангелю, общественному деятелю Таврической губернии, через него, тоже к его сыну, севастопольскому архитектору Михаилу Александровичу Врангелю, а затем к дочери архитектора, Любове Михайловне Врангель, унаследовавшей от отца страсть к архитектуре.

Родоначальником севастопольской ветви можно считать Михаила Карла Фердинанда барона фон Врангель (1799–1875) [3]. Так данная персоналия употребляется лишь в специальной генеалогической литературе. На службе его называли проще – Карл Федорович фон Врангель. В отличие от своих предков, с юных лет он мечтал посвятить себя медицине и врачеванию, но по настоянию родного дяди – генерала от инфантерии Карла Романовича Врангеля, коменданта Выборга и соратника М.И. Кутузова, должен был поступить на военную службу. Карл Федорович посвятил ей восемь лет своей жизни (1816–1824), а затем окончив Дерптский университет, получил свидетельство на право «свободного отправления в России врачебной практики». На протяжении почти двух десятилетий доктор медицины К. Врангель занимался частной акушерской практикой.

Успешной карьере врача способствовал крепкий брак с Вильгельминой Генриеттой Шамо, дочерью гоф-маклера Ф.Е. Шамо. В семье воспитывалось пятеро детей: двое сыновей и три дочери.

Впоследствии, один из его сыновей, Александр, на паях с родной сестрой Вильгельминой (Миной) и ее мужем композитором П.И. Бларамбергом стал совладельцем имения Чоргунь в окрестностях Севастополя. Произошло это в 1883 г. Здесь среди местных жителей и общественности Александр Карлович приобрел известность человека прогрессивных взглядов. Он имел личное знакомство с писателями В.Г. Короленко, А.П. Чеховым, М. Горьким. Глубокие дружеские отношения связывали его и с талантливым русским художником Валентином Александровичем Серовым. Особенно бурной была общественная жизнь в имении накануне революции 1905 г. Многие социал-демократы, народолюбцы, жившие в Балаклаве и Севастополе, на дачах в Бельбекской долине, поддерживали тесную связь с Александром Карловичем Врангелем. В Чоргуне бывали Н.И. Емельянов, С.К. Беловодская, С.А. Никонов, С.Я. Елпатьевский, народоволка Е.Д. Левенсон, находившаяся под надзором полиции. В ноябре 1905 г. в имении спасались моряки, добравшиеся до берега с восставшего крейсера «Очаков», расстрелянного в Севастопольской бухте. В 1909 г. после смерти своей сестры Вильгельмины Карловны Александр Карлович стал его полновластным владельцем. С установлением советской власти, в 1924 г., Александр Карлович уехал в Париж, где скончался 20 марта 1929 года. Туда же переехала, и вся его семья, кроме сына Михаила, который решил связать свою судьбу с новой, советской родиной.

Михаил Александрович Врангель в 1916 году окончил Институт гражданских инженеров Императора Николая 1-го в Петрограде, получив специальность гражданского инженера с правом производить работы по гражданско-строительной и дорожной частям. После окончания Гражданской войны в Севастополе сказывалась большая нужда, порожденная военным временем. Именно в это непростое время как никогда пригодился бесценный опыт, профессионализм инженера Врангеля. 6 января 1922 г. он назначается на должность городского архитектора Севастополя и активно, с энтузиазмом берется за работу. В его ведении находилось руководство технической, строительной, водопроводной, канализационной и земельно-дорожной секциями городского Коммухоза. С 1922 г. вплоть до 1938 г. под руководством Михаила Александровича шло все проектирование и строительство в городе: разрабатывался генплан, шло восстановление города после землетрясения 1927 года, проектировалась междугородняя трамвайная линия Севастополь-Балаклава [4, с.6]. В 1931–1933 гг. под непосредственным руководством М. А. Врангеля шло строительство первого жилого квартала для семей рабочих Севастопольского морского завода, который считался гордостью севастопольского пролетариата. Учитывая заслуги инженера и архитектора в благоустройстве города, в январе 1935 года, Михаил Александрович был избран уполномоченным Севастопольского отдела Союза советских архитекторов. Дальнейшая судьба

архитектора сложилась трагически. 11 апреля 1940 года за участие в так называемой антисоветской организации М. А. Врангель был осуждён на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. В мае 1949 года вновь арестован и направлен в ссылку в посёлок Долгий Мост Красноярского края. Только 24 июля 1956 года, после многочисленных ходатайств, Военный Трибунал Одесского Военного округа постановил «дело в отношении Врангеля М. А. отменить за отсутствием состава преступления».

Сегодня в фондах Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя хранится небольшой комплекс документов и материалов о деятельности севастопольского архитектора. Его сформировала дочь севастопольского архитектора, приезжавшая в разные годы в Севастополь и Балаклаву. Во время визитов она и передала в городской музей документы, личные вещи отца.

40 лет своей творческой жизни Любовь Михайловна, единственная дочь Михаила Александровича, так же посвятила архитектуре. По ее проектам были разработаны и построены жилые комплексы в нашей стране и за рубежом – в Чили, Югославии, на Кубе. Отдельные страницы жизни Любовь Михайловны были связаны с Крымом, а точнее с его античной историей. В 1948 - 1949 гг. она являлась активным участником археологических экспедиций на юге России. Главным результатом этого участия стала отдельная глава об архитектуре античных городов Северного Причерноморья в «Кратком курсе всеобщей истории архитектуры» (1951 г.). Работы талантливого архитектора неоднократно были представлены на Всесоюзных архитектурных конкурсах, на выставках Союза советских архитекторов. Любовь Михайловна не только являлась участником творческих конкурсов, но и принимала деятельное участие в организации II Всесоюзного съезда архитекторов, являлась активным членом Совета Дома Союза архитекторов СССР.

Сегодня изучение севастопольской Врангелианы продолжается, что способствует созданию более целостной картины вклада рода Врангелей в отечественную историю и культуру. Поиск продолжается.

Литература

1. Врангели // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т. Т.13. СПб, 1892. С. 335-340.
2. Овечкин Е.Г. Петербургские годы архитектора Врангеля: Михаил Александрович Врангель. Санкт-Петербург: ООО «Типография Эврика», 2011. 83 с.
3. Овечкин Е.Г. Доктор Врангель – Петербургский акушер: Карл Федорович Врангель. Санкт-Петербург: ООО «Типография Эврика», 2013. 598 с.
4. Островская И.В. Дело общественного благоустройства // Московский журнал. 2015. №3. С. 2-7.
5. Островская И.В. Городской архитектор Врангель М.А.: судьбы репрессированных севастопольцев // Графская пристань. URL: <http://ww38.grafskaya.com/?p=2891> (дата обращения 25.10.2022).

*Рузаев С.В.***ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ МЕМУАРОВ Б. А. БОРИСОВА «ПОДВИГ СЕВАСТОПОЛЯ» (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ И ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ)***ФГБУК «Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя», г. Севастополь*

Аннотация. В статье представлена творческая история воспоминаний секретаря горкома ВКП (б) и председателя городского комитета обороны Севастополя Бориса Алексеевича Борисова. Мемуары под названием «Подвиг Севастополя», впервые опубликованные в 1950 г., оказали значительное влияние на формирование общественного интереса и активизацию изучения истории обороны города в 1941–1942 гг. Сохранившиеся в фонде Б.А. Борисова материалы позволяют проследить основные этапы создания текста, при этом сделать вывод о том, что книга базируется не только на личных впечатлениях автора, но и на значительной документальной базе. Это позволяет расценивать воспоминания как важнейший источник по истории Севастополя в 1941–1942 гг.

Abstract. The article presents the creative history of memoirs of Boris Alekseevich Borisov, Secretary of the City Committee of the CPSU (b) and Chairman of the Sevastopol City Defense Committee. The memoirs entitled "The Feat of Sevastopol", first published in 1950, had a significant impact on the formation of public interest and the intensification of the study of the history of the defense of the city in 1941–1942. The materials preserved in the Borisov Foundation allow us to trace the main stages of the creation of the text, while concluding that the book is based not only on the author's personal impressions, but also on a significant documentary base. This makes it possible to regard the memoirs as the most important source on the history of Sevastopol in 1941–1942.

Ключевые слова: воспоминания, оборона Севастополя 1941–1942 гг., дневники, городской комитет ВКП (б)

Key words: memoirs, defense of Sevastopol 1941–1942, diaries, city Committee of the CPSU (b).

Воспоминания Бориса Алексеевича Борисова «Подвиг Севастополя» до настоящего времени являются одним из основных источников по истории Севастополя в 1941–1942 гг. В первую очередь она важна тем, что в ней не просто отражены события, свидетелем которых был автор, но и достаточно подробно описаны основные направления работы городских властей – городского комитета ВКП (б), исполкома Городского Совета, а также чрезвычайно органа управления – городского комитета обороны – накануне и во время обороны города.

В первую очередь автор уделяет внимание мероприятиям в области организации военного обучения населения, укреплению системы местной противовоздушной обороны, созданию добровольческих формирований – соединения народного ополчения и истребительного батальона. Значительное место в воспоминаниях отведено описанию процесса создания оборонной промышленности, которая сыграла заметную роль в обеспечении подразделений Севастопольского оборонительного района минометами, минами, гранатами и др.

Немаловажно то, что Б.А. Борисов затронул проблему наличия в городе значительной массы гражданского населения. В воспоминаниях показана работа городских, областных и военных властей по обеспечению населения продовольствием, медицинским обслуживанием, налаживанию быта в убежищах.

В книге названы десятки фамилий активных участников обороны Севастополя из числа мирного населения – как руководителей, так и простых горожан, каждый из которых самоотверженно трудился на своем посту – от начальника отдела в горкоме партии, курировавшего целое направление работы, до простого токаря, перевыполнившего план по изготовлению боеприпасов.

Материалы, хранящиеся в документальном фонде ФГБУК «Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя», позволяют реконструировать процесс создания книги.

В основе воспоминаний Б.А. Борисова лежат записи, которые он вел на протяжении всей обороны города; в настоящее время они хранятся в документальном фонде Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя [5]. В двух записных книжках зафиксирована информация с начала войны и до оставления Севастополя в июле 1942 г. При этом записи до 25 июня 1942 г. сделаны в самом городе, последние дни обороны дописаны уже на Кавказе,

куда Б.А. Борисов прибыл из Севастополя. Практически сразу группой бывших партийных работников города, которую возглавил Б.А. Борисов, был составлен отчетный доклад «Партийная организация Севастополя в дни обороны города», в котором представлены основные итоги работы городских властей. Этот доклад можно считать первым опытом обобщения материалов по деятельности городских властей в 1941–1942 гг.

Уже летом 1942 г. Б.А. Борисов начинает делать сообщения по истории обороны Севастополя перед различными аудиториями, справедливо считая, что опыт работы партийной организации в чрезвычайных условиях осажденного города необходимо популяризировать и внедрять в управленческую практику. В сентябре 1942 г. он был назначен на должность секретаря городского комитета ВКП (б) в г. Иваново, в дальнейшем, в 1943–1944 гг., он работал инструктором управления кадров ЦК ВКП (б) в Москве. Вероятно, именно в это время у Б.А. Борисова начинает вызревать идея написания записок по истории обороны. К этому решению его могла подтолкнуть не только активная лекторская работа, которая сопряжена с подготовкой текстов и обобщением материала, но и пример соратников, например, бывшего редактора газеты «Красный Черноморец» П.И. Мусьякова, который уже в 1943 г. опубликовал первую книгу, посвященную обороне.

В июне 1944 г. Борис Алексеевич Борисов был назначен на должность 1-го секретаря городского комитета партии в г. Владивосток. В условиях напряженного положения на границах, а затем и в ходе советско-японской войны севастопольский опыт был актуален и активно использовался Б.А. Борисовым. В сохранившейся записной книжке, отражающей события 1944–1945 гг., он неоднократно упоминает о лекциях перед партийными работниками, моряками Тихоокеанского флота, посвященных Севастопольской обороне.

Что примечательно, Б.А. Борисов уделял внимание и развитию интереса у слушателей к истории Владивостока: «во всех докладах стараюсь ставить вопрос об изучении истории, традиций города, привить любовь к городу» [5]. В тоже время его интересовала работа властей Севастополя по восстановлению города и сбору информации по истории обороны. Так, в марте 1945 г. он помечает в записях: «Почему-то неважно собирают материалы, архивы по обороне города (Севастополя). Написал Лесику¹» [5]. В апреле была сделана другая пометка: «Севастопольцы запросили статью «Большевики Севастополя в период обороны» в связи с первой годовщиной освобождения города. Выслал» [5]. Данная работа не была опубликована, но в 1945 г. в журнале «Партийное строительство» – печатном органе ЦК ВКП (б) – появилась первая статья Б.А. Борисова под названием «Героический Севастополь» [1].²

В январе 1946 г. Б.А. Борисов убыл из Владивостока в Москву, откуда направился в г. Владимир, куда был назначен на должность секретаря горкома партии. В поезде он начал вести записи своих воспоминаний в отдельном блокноте, которые стали первым черновиком будущих воспоминаний [5]. В основном записи посвящены первым дням войны, от налета авиации на город 22 июня до выступления И.В. Сталина 3 июля 1941 г. Последующие события даны кратко, в виде набросков и мыслей. В конце приводится план будущих воспоминаний. Автор предполагал, что книга будет состоять из девяти разделов: «1) первые дни войны; 2) выступление по радио 3 июля тов. Сталина. Выполнение указаний тов. Сталина; 3) Севастопольцы готовят город к обороне; 4) Противник подошел к Севастополю. Первые дни обороны; 5) Помощь населения защитникам города; 6) Второй штурм; 7) январь–май 1942 г.; 8) май 1942 г.; 9) июль 1942 г.»

Позднее был составлен более подробный план написания воспоминаний [4]. Процесс работы разбит на несколько этапов:

1) подготовка: наброски текста, сбор материала, работа с исторической литературой, воспоминаниями участников, периодической печатью, документа, периодикой, выезды в Севастополь и Симферополь для работы в архивах. В качестве образцов намечалось прочтение мемуаров С.А. Ковпака «От Путивля до Карпат» (1945 г.), П.К. Игнатова «Записки партизана» (1944 г.), П.П. Вершигоры «Люди с чистой совестью» (1946 г.);

2) работа с собранным материалом – обработка, продумывание плана и формы работы, написание текста;

¹ Лесик Павел Иванович, в 1944–1949 гг. – 1-й секретарь Севастопольского городского комитета ВКП (б)

² В 1941–1945 гг. Б.А. Борисов достаточно активно публиковался в центральной и региональной периодической печати. Известно несколько заметок, посвященных обороне Севастополя. См.: все для фронта, все для победы над врагом! / Красный Крым. 1941. 11 июля; В осажденной морской крепости / Красный Крым. 1941. 11 декабря; Коммунисты в авангарде / Красный Крым. 1942. 6 февраля; Город-воин. Севастополь в эти дни / Красный Черноморец. 1942. 21 февраля; Героический город / Известия. 1942. 30 апреля. № 101 (7787); Большевики Севастополя / Правда. 1942. 28 мая. № 148 (8919); Борисов Б.А. Незабываемые дни / Слава Севастополя. 1946. 30 октября.

3) окончательная обработка текста: вычитка, редактирование, печать выдержек из работы, обсуждение с участниками событий, корректура и издание.

Актуальность и цель написания работы были написаны на отдельном листе бумаги. Сформулированы они достаточно определенно: «много и совершенно справедливо пишут о героизме моряков и приморцев, но мало о гражданском населении, о партийной организации города». Соответственно, цель воспоминаний – показ руководящей роли партии и «патриотов, преданных Родине, партии, великому Сталину, севастопольцев, их самоотверженную работу» [4].

На протяжении года, работая во Владимире, Б.А. Борисов занимался написанием своих воспоминаний. В январе 1947 г. был готов первый машинописный вариант под названием «Материалы к работе «Воспоминания о героической обороне Севастополя 1941-1942 гг.» [6]. В тексте охвачены события, происходившие в Севастополе с 22 июня 1941 г. по июль 1942 гг., по форме он близок подробному дневнику. В конце автор дает список источников: помимо личных записей были использованы отчетный доклад 1942 г., документы горкома партии и горкома обороны, переписка с участниками событий, периодика, в том числе, статьи самого Б.А. Борисова, а также стенограммы выступлений и докладов по истории обороны.

Вероятно, данный текст обсуждался с доверенными лицами, в том числе с участниками обороны, в следствии чего Б.А. Борисов завел специальный блокнот, куда фиксировал высказанные замечания и намеченные дополнения и исправления в будущем тексте [5]. В блокноте отражен поиск названия для будущей книги: «Это было в Севастополе», «Это было так», «Так вот, слушайте», «Двадцать лет тому назад», «Севастопольская быль», «В городе русской славы» и др.

Также в фондах музея хранится общая тетрадь под названием «Замечания по материалам написанной работы «Воспоминания о героической обороне Севастополя 1941-1942 гг.»». В нем дан подробный перечень исправлений, которые нужно внести в текст (более 300). В основном, они касаются дополнения отдельных событий, показа тех или иных персоналий, технических вопросов (дополнение книги фотографиями, схемами), необходимости работы с литературой. Но есть и пометки следующего содержания: «меньше о себе, больше о людях (о себе по возможности все исключить). Поскромнее». Автор продумывал и ответы на «сложные» вопросы («Почему город оставили»). В тетради приводится еще несколько вариантов названий: «250 дней героической обороны Севастополя», «250 дней. Воспоминания о героической обороне Севастополя в 1941-1942 гг.», «В дни обороны Севастополя» и др.

В итоге, в 1948 г. была отпечатан еще один, исправленный и переработанный, вариант воспоминаний, который был озаглавлен «Они выполнили свой долг перед Родиной (севастопольцы)» [7]. В тексте черновика присутствуют многочисленные пометки главного редактора журнала «Знамя» писателя Всеволода Витальевича Вишневского и члена редакционной коллегии писателя Петра Андреевича Павленко, датированные маем 1948 г. В основном они касаются стилистики и необходимости более развернуто показать тот или иной эпизод, критике подвергся сухой стиль изложения и стремление автора излагать материал в строгой последовательности, что приближало текст по форме к дневниковым записям. Исправленный вариант появился в том же 1948 г. [8].

Около полутора лет ушло у Бориса Алексеевича Борисова на окончательную доработку текста. Только в 1950 г. воспоминания, уже под названием «Подвиг Севастополя» были опубликованы в журнале «Знамя» [2]. Итоговый текст значительно отличался от черновых вариантов, при этом уже в первом издании текст базировался на значительной источниковой базе.

Публикация сразу вызвала повышенный интерес у читателей: на фоне достаточно практически полного отсутствия мемуаров гражданских лиц – участников Великой Отечественной войны – воспоминания Б.А. Борисова – информативные и достаточно смелые по содержания – стали явлением в советской мемуарной литературе конца 1940- нач. 1950-х гг.

Уже в июне-июле 1950 г. воспоминания были перепечатаны в газете «Слава Севастополя», одновременно текст передавался по Центральному радио. Первое книжное издание было осуществлено в Крыму в 1951 г. относительно большим тиражом в 30 тысяч экземпляров [3]. В том же году последовало первое и единственное издание воспоминаний на иностранном языке – в издательстве министерства обороны Польской народной армии [9]. В следующем, 1952 г., книга была опубликована столичным издательством «Советский писатель». После смерти И.В. Сталина текст книги подвергся исправлениям, после чего переиздавался еще четыре раза массовыми тиражами.

В воспоминаниях Б.А. Борисова были впервые подняты вопросы, которые только предстояло изучить историкам уже другой эпохи, вошедшей в историю под названием «хрущевская оттепель». Со второй половины 1950-х гг., когда начала разворачиваться работа по научному изучению истории обороны Севастополя 1941–1942 гг., книги бывшего первого секретаря Севастопольского горкома неизменно использовались для написания соответствующих разделов монографий, научных статей и диссертаций.

Литература

1. Борисов Б.А. Героический Севастополь // Партийное строительство. 1945. № 9–10. С. 69–73.
2. Борисов Б.А. Подвиг Севастополя // Знамя. 1950. № 3, № 4, № 5, № 6.
3. Борисов Б.А. Подвиг Севастополя. Симферополь: Крымиздат, 1951. 326 с.
4. Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя (далее – МГООС). Ф. Борисова Б.А. Ед. хр. 3
5. МГООС. Ф. Борисова Б.А. Ед. хр. 4.
6. МГООС. Ф. Борисова Б.А. Ед. хр. 7.
7. МГООС. Ф. Борисова Б.А. Ед. хр. 9.
8. МГООС. Ф. Борисова Б.А. Ед. хр. 10.
9. Borisow B. Bohaterski Sewastopol / Tłum. z ros. T. Evert. Warszawa: M-wo obrony narodowej, 1951. 174 с.

ВЛИЯНИЕ АТМОСФЕРЫ В МУЗЕЙНОМ МАГАЗИНЕ НА ПОКУПАТЕЛЬНУЮ СПОСОБНОСТЬ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье на основании анализа основных тенденций музейного маркетинга приводится доказательство важности атмосферы музейного магазина для покупательской способности и, как следствие, получения дополнительной прибыли музеем. Уточнены факторы благоприятной психологической среды для потенциального покупателя, а также сформулировано обоснование необходимости внедрения указанных факторов в повседневную жизнь музейного магазина.

Abstract. Based on the analysis of the main trends in museum marketing, the article provides evidence of the importance of the atmosphere of a museum store for increasing sales and, as a result, obtaining additional profit by the museum. The factors of a favorable psychological environment for a potential buyer are clarified, and the rationale for the need to introduce these factors into the daily life of a museum store is formulated.

Ключевые слова: психологическая атмосфера, покупательская способность, музейный магазин, музей, факторы.

Keywords: psychological atmosphere, purchasing power, museum store, museum, factors.

Исторические события в России ставят музей в новое положение относительно предыдущих его советских форм организаций. Переход 1990-х годов к новой экономической модели привел музеи к новому взгляду на свои функции. Появляется потребность не только в просвещении посетителя, но и в общении с ним.

В капиталистической экономической модели музею необходимо искать дополнительные источники дохода. Одним из способов эмоционального взаимодействия музея с посетителем стал музейный сувенир. Если ранее музейный сувенир нес в себе только памятную функцию, в наши дни, для музея это дополнительная возможность прорекламировать себя. Музей находится в постоянном поиске новых подходов к музейному сувениру, начиная от репродукции разнообразных предметов коллекции, заканчивая подборкой примечательных, но массовых предметов, таких как магниты, брелоки и т.д.

Таким образом, приобретение и последующее использование сувенира – это процесс взаимодействия между туристом или группой туристов и интеллектуальными системами объекта показа или территории (маркетинговой, образовательной, культурно-исторической и т.п.), а также туристом «состоявшимся» и туристом «потенциальным» [1, С.17].

Наряду с этим стоит такая задача, как совершенствование культуры реализации сувениров, повышение аттрактивности процесса их купли-продажи, что в совокупности формирует особую атмосферу, которая иногда для туриста становится определяющим фактором при выборе объекта для посещения [2, С.30].

Изучение отечественной, а также мировой практики показывает, что большинство музейных учреждений за исключением крупных музеев не имеют структурированного подхода к оформлению сувенирного магазина, ограничиваясь обычной выкладкой товара, по принципу стандартного магазина.

В тоже время, практика показывает, что туристы в массе своей имеют привычку посещать музейные сувенирные магазины при посещении самого музея, что подтверждает актуальность данного исследования. Музей, как организация, заинтересован в том, чтобы посетитель при посещении сувенирного магазина приобрел как можно больше предметов, а это значит, что улучшение атмосферы в магазине является приоритетной задачей для организаторов магазина.

Благоприятная психологическая атмосфера в магазине увеличивает время пребывания покупателей в магазине и по мере того, как потребители остаются дольше, их желание изучить магазин также увеличивается. Чем дольше покупатели исследуют магазин, тем выше вероятность купить больше товаров и потратить дополнительные средства.

Психологическая атмосфера – общая характеристика благоприятности или не благоприятности окружения, обстановки, в которой находится человек, включая его взаимоотношения с людьми, их психологию и поведение [4, С.34].

Факторы, которые могут влиять на психологическую атмосферу:

1. Имидж музея – является одним из ключевых факторов в стремлении посетителя оставить себе памятный сувенир о пребывании в музее, а значит посетить сувенирный магазин.

2. Бренд – использование опознавательных знаков музея не только повышает узнаваемость музея, но и увеличивает продажи. Формирование уникального бренда создает для посетителя ощущение эксклюзивности, а эксклюзивная вещь всегда привлекательнее для потребителя.

3. Внешний вид музейного магазина очень важен. Он должен выглядеть как естественное продолжение музея, то есть следовать музейному бренду, а также, если музейный магазин является отдельной постройкой рядом с музеем – должен быть примечателен и привлекателен, чтобы посетители обращали на него внимание.

4. Привлекательность и качество музейного сувенира, в этом же факторе учитывается ценовая политика – очевидно, что эти три критерия повышают посещаемость музейного магазина, а значит, повышают продажи.

5. Организация пространства – пространство музейного магазина должно быть наполненным, но при этом расположенным так, чтобы по помещению было удобно ходить, то есть должны быть оформлены открытые и закрытые стеллажи, удобные для рассмотрения.

6. Из предыдущего фактора вытекает следующий: освещение, качества воздуха и температура. Освещение должно быть достаточным для рассмотрения экспоната, но не слишком ярким, чтобы свет был комфортным для глаза. Воздух должен быть свежим и регулярно кондиционироваться, а температура комфортной для длительного нахождения в помещении [3, с. 38].

7. Сотрудникам музейного магазина можно предложить униформу, для лучшей узнаваемости посетителем. Это также станет логичным продолжением бренда в музейной среде.

8. Помимо прочего, наполнение музейного магазина, помимо товаров можно разбавить экспонатами из фондов музея. Это повысит аттрактивность магазина в целом, так как помимо торговой площадки, посетители смогут осмотреть музейные предметы.

9. Кроме сувенирной продукции можно предложить посетителям дополнительные покупки в виде брендированных сладостей, а также горячих и холодных напитков. В таком случае музейный магазин сможет освоить еще одну потребность посетителя.

Получение благоприятных эмоций после посещения музея не означает окончание работы музея с посетителем. Посредством положительной атмосферы магазина музей получает дополнительную прибыль от посетителя. Атмосфера сувенирного магазина играет одну из ключевых ролей в вопросе потребительской способности посетителя, но, кроме этого, увеличивает вероятность возвращения посетителя в музей и сувенирный магазин.

Литература

1. Ковриков Р. Музейный сувенир: дело или безделица? // Музей. 2011. № 1. С. 15–19.
2. Кривошеева Т.М. Сувенирная продукция в музеях – инструмент эмоциональной коммуникации с посетителями // Современные проблемы сервиса и туризма, № 2. 2016 С. 29–37.
3. Майлз Р., Раньярд С. Как музей должен заботиться о посетителе // Музей. Маркетинг. Менеджмент. М., 2001. С.160.
4. Немов Р.С. Психологический словарь. М.: ВЛАДОС, 2007. С. 559.

Степанов А.Ю., Покровская А.Ф.

СТРАТЕГИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МУЗЕЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Аннотация. В статье на основании теоретического анализа основных прогрессивных тенденций и способов информационного представительства музея в Интернете уточнено понятие стратегии информационного развития музея, определены его сущность, структура, критерии и элементы разработки, сформулировано обоснование необходимости внедрения документа в деятельность современного музея для оптимального управления процессами и векторами информационного развития.

Abstract. On the basis of the theoretical analysis of the main progressive tendencies and ways of the museum information representation in the Internet the concept of the museum information development strategy is specified, its essence, structure, criteria and development elements are defined, the substantiation of the document introduction into the modern museum activity for optimal management of the processes and vectors of information development is formulated in the article.

Ключевые слова: стратегия, музей, информационные технологии, представительство, Интернет.

Key words: strategy, museum, information technology, representation, Internet.

Современные реалии прогресса цифровых технологий ставят музей, являющийся уникальным социокультурным институтом, в ряд ключевых акторов развития информационного общества. Традиционные формы представительства учреждения культуры в СМИ и полиграфических изданиях в этих условиях сужают охват аудитории и способы предоставления информации [1].

На рубеже XX–XXI веков музеи мира столкнулись с влиянием качественно нового явления, оказавшего существенное эволюционное влияние на развитие музейного дела, – глобального Интернета. В совокупности со стремительным развитием конкурентной среды и стремлением музеев привлечь посетителей это привело к модернизации традиционных подходов к функционированию музеев, сохранению и трансляции культурного наследия, внедрению методик эффективного информационного менеджмента и маркетинга, включая создание новых способов продвижения музея, повышения качества предоставляемых им услуг, и формирования его позитивного имиджа, а также коммуникации с аудиторией посредством информационных технологий. Так, управление процессами информатизации становится одним из главных приоритетных векторов в деятельности музея. Однако на сегодняшний день до сих пор отсутствует четкое научное представление о сущности этих процессов, методах координированного управления ими, и в связи с этим необходимости формирования в музейном учреждении стратегии информационного развития, что определяет актуальность данной статьи.

Для своевременного реагирования на вызовы, тенденции и новые социальные тренды современные отечественные и мировые музеи прибегают к применению ряда прогрессивных цифровых технологий: созданию собственных виртуальных представительств, интернет-ресурсов, включая музейные сайты, группы в социальных сетях, каналы в популярных мессенджерах, профили в крупных интернет- и других медиа-изданиях, мобильные приложения, таргетинг, инструменты аналитики, оптимизации поисковых запросов и т.д. Каждый современный музей на сегодняшний день стремится применять эти технологии [2, с. 44].

Их применение требует высокой степени координированности, структурированности и систематичности управления. При этом анализ отечественной и зарубежной практики показывает, что в большинстве музеев отсутствует документ, определяющий основные цели и задачи, направления деятельности и механизмы реализации политики музея в сфере информатизации, а пункты, связанные с соответствующими процессами, как правило, лишь кратко и обобщенно фиксируются в уставе и концепции музея, носят, преимущественно, описательный характер, не подразумевая конкретных мер и инструментов для их реализации.

Данную тенденцию нельзя назвать повсеместной. Крупнейшие музейные центры России, такие, как ГМИИ им. А.С.Пушкина, Государственная Третьяковская галерея, Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, являются новаторами и лидерами в освоении этого направления, внедряя в свою деятельность инновационные концепции и digital-стратегии для

управления процессами представительства и продвижения музея в Интернете [3, с. 31]. Одна из задач данного исследования – распространить подобную практику на деятельность других федеральных и региональных музеев Российской Федерации.

Стратегия информационного развития музея – это среднесрочный комплексный план, сформулированный для достижения конкретных целей с помощью инструментов и технологий информационно-коммуникационной среды. Стратегия, как документ, описывает, каким образом цифровые технологии способствуют выполнению миссии музея, какие задачи можно решить с их помощью, а также содержит в себе рекомендации по внедрению этих технологий. Поэтому при создании и внедрении стратегии в деятельность любого музейного учреждения следует учитывать неразрывную связь информационной стратегии с уставом, основной концепцией и миссией музея, наличие необходимых кадровых, временных, финансовых и технических ресурсов, четкое формулирование цели, задач, определение целевой аудитории, механизмов и инструментов реализации стратегии, формулирование критериев оценки её эффективности. Стратегия должна быть разработана на основании анализа текущего развития процессов информатизации в музее, выявления сильных и слабых сторон информационного обеспечения, существующих проблем и приоритетов дальнейшего развития, анализа современных тенденций применения информационных технологий в музейном деле, нормативно-правовой базы и методических рекомендаций. Она должна явиться своеобразным инструментом управления на определенный период и ставить ему соразмерные задачи. Особой спецификой создания стратегии для музея является необходимость синтеза современных технологий с традиционными представлениями и принципами музейного дела. [4, с. 4].

Одним из главных векторов стратегии является создание и размещение контента на различных площадках информационного пространства. Основная стратегия должна включать в себя последовательную контент-стратегию, учитывающую интересы и запросы аудитории, а также профиль и тематику деятельности музея. Ключевыми представляются также факторы происходящих в музее изменений, высокой степени интенсивности прогресса информационных технологий, вероятности резкой смены трендов, в связи с чем стратегия должна быть гибкой и подвергаться периодическим обновлениям [4, с. 6].

Стратегия информационного развития позволит музею обеспечить оптимальность создания и публикации контента на различных площадках информационного пространства, трансформацию хаотичного набора инструментов в единую, стабильно функционирующую, и, вместе с тем, безостановочно развивающуюся органичную систему, способствующую выполнению посредством информационных технологий основных системных музейных функций, приобретению музеем уникального имиджа, фирменного стиля и организационной идентичности, сохраняя и поддерживая его роль важнейшего социокультурного института.

Результатом исследования стало уточнение понятия стратегии информационного развития музея, определение её сущности и критериев разработки, а также обоснование необходимости внедрения её в практику современного музейного дела.

Литература

1. Нагиева Н.З. Стратегия продвижения музея в социальных сетях / IX Международная студенческая научная конференция «Студенческий научный форум 2017», Российская академия естествознания, Москва, январь-февраль 2017 г. / Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2017/2215/30956>
2. Именнова Л.С. Музей в информационную эпоху // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2010. № 6. С. 39–45.
3. Музей в цифровую эпоху: Переагрузка [Текст]: [6+] / П. О. Васильева, Д.В. Качуровская, А.В. Михайлова, С.Э. Феоктисова. [Б. м.]: Издательские решения, 2018. – 183 с.
4. Михайлова А.В. Стратегия работы с социальными сетями / Михайлова [текст] // Справочник руководителя культуры. 2014. №8. 140 с.

Научное издание

VI Всероссийская с международным участием
научная конференция «Потемкинские чтения» 2022 года

Сборник статей по материалам научной конференции
(17-19 ноября 2022 года, г. Севастополь)

Том 1

Ответственный за выпуск В.В. Хапаев
Технический редактор Э.Р. Шихаметова

Статьи публикуются в авторской редакции.
Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редколлегии.

Электронное издание сборника доступно
в электронной библиотеке
eLibrary

Сдано в набор 01.11.2022. Подписано в печать 05.11.2022.
Формат 70*108 1/16. Гарнитура Bookman Old Style. Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 15,55.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
Тел. (факс): +7 (8692) 43-51-95
Электронная почта: potiomkin_chtenia@mail.ru

299053, Российская Федерация,
г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33.

Официальный сайт организации: <https://www.sevsu.ru/>
Страница конференции: <https://www.sevsu.ru/univers/ionmo>
Адрес электронной почты: potiomkin_chtenia@mail.ru